

91
7-03
2409
ЛЕННЕ
И-ЧИТАЛЬНИ

IV

7

59

159

A rectangular piece of aged, purple-tinted paper with vertical lines, possibly a page from a ledger or account book. The paper is mounted on a light-colored, textured background. The purple paper has several vertical lines drawn across it, creating columns. There are some faint markings and a small dark spot on the right side of the purple paper.

--	--	--	--	--	--	--	--

27

||

002 ✓

№66

086 x

Открыт 4

Список №66
Лист.

Сиб. №1465
4899

2409-43

Воспитательная народная
библиотека-читальня
Имени А. С. Пушкина
в Ижевском заводе,
Камниловского переулка.

Отдѣлъ

VII

~~2409-43~~

1000

Handwritten text, possibly "H. G. W. B." or similar, appearing as a faint watermark or bleed-through.

Уиб. № 1337.

МАРКИЗА ДЕ-КОМПЬЕНЯ.
КАМЕНСКАЯ
РАЙБИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

2702-43

ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА.

Уиб. № 1465

1989
8000

ОКАНДА, БАНГУЭНЫ, ОЗИЭБА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРИРОДА И ЛЮДИ».

— 838 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
в. подъяческая, № 39.
1880.

МАРКА Д-КОМПЛЕВНА

СРЕДНОСТАВАНА РАБОТНА ЗАДАЧА

89-8018

11

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Ноября 1879 года.

ИЗДАНИЕ ПЕРВАЯ КНИЖКА ПЕРВОЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН. 1

Вмѣсто предисловія . . . . .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Окончательный отъездъ внутрь страны.—Исслѣдователи, здоровье которыхъ оставляетъ многого желать.—Ноевъ ковчегъ.—Заколдованные источники.—Происходятъ ли ивилы изъ Конго?—Большія переселенія нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.—Причины ихъ обуславливающія.—Нравы ивилы.—Весьма характерный танецъ.—Украдено богомъ.—Папъ Юсуфъ и озеро Азинго.—Новыя задержки.—Большая сходка.—«Убейте мою сестру, а меня оставьте жить».—Казнь женщины.—Страшное исполненіе казни.—Гиппопотамы.—Бѣлый, усвоивающій костюмъ негровъ.—Смерть большого гиппопотамы.—Слоны.—Невозможность для насъ на нихъ охотиться.—Мы покупаемъ маленькаго слона за 8 фр. 75 сен.—Охота на нкаго.—Пораженный обезьянами.—Турако.—Во второй разъ носомъ къ носу съ ядовитой змѣею.—*Mégops gularis* и *Mégops bicolor*.—Отъездъ въ Н'Гуніэ.—Водопады Самба.—Буали, столица Ивейа.—Претенденты на титулъ короля.—Законный монархъ.—Его *Nunc dimittis*.—Прибытіе въ Этамбэ.—Мы водружаемъ тамъ французскій флагъ.—Выгнанные, какъ подозрительные бродяги.—Тяжелая ночь.—Возвращеніе въ стоянку.—Рѣка Акойо.—Натолкнувшіеся на пороги.—Покинутые неграми и атакованные пчелами.—Возвращеніе въ Аданлинанланго.—Уходъ трехъ нашихъ проводниковъ.—Шико одинъ остается вѣрнымъ.—Отъездъ г-на Валькера и Марша на озера.—Ночное нападеніе.—Описаніе бичей, поражающихъ Габонъ.—Москиты, десять породъ муравьевъ, термиты, тараканы, скорпіоны, стоножки, тысяченожки и масса другихъ, не менѣ вредныхъ насекомыхъ. . . . .

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Смерть короля-Солнце и ея послѣдствія.

Возвращеніе г. Валькера и Марша. Подробности ихъ экспедиціи.— Король Реноке присылаетъ намъ гориллу, которая оказывается шимпанзе.—Нѣтъ извѣстій ни о *Дельтѣ*, ни о королѣ-Солнце.— Почему я буквально передаю текстъ моего путевого журнала.— Печальный день Рождества.—Король-Солнце возвращается очень больнымъ.—Онъ отравленъ.—Предсмертныя агоніи стараго грѣховодника.—Мы обращаемся къ Реноке для прохода насъ внутрь страны.— Н'Комбе умеръ.— Радость иненга.— Церемонія столь же мрачная, сколько забавная.— Какимъ образомъ невольники, отказываясь быть убитыми, и женщины, не позволяя бичевать себя, нарушаютъ важную часть программы.—Завѣщаніе Н'Комбе.— Двое изъ его сыновей намѣрены жениться на своихъ мачихахъ.—Реноке соглашается провожать насъ.—Новыя задержки вслѣдствіе новыхъ неудачъ.— *Дельта* захватывается черными на мысѣ Лопецъ.— Амогалъ въ плѣну.—Осажденные въ Аданлинанланго.—1-е января 1874 г. проходитъ въ работѣ на укрѣпленіяхъ.—Превосходные помощники.— Варварство.—Аданлинанланго представляетъ настоящій адъ.—Смерть отъ лишняго количества выпитой водки.—Большая новость!—*Дельта* освободилась и помощь является.—Перемѣна къ намъ черныхъ. Наемъ и расплата съ провожатыми.— Прибытіе *Мауabu*.— Радость при видѣ друзей.— Г. Гизольфъ энергично ускоряетъ нашъ отъѣздъ.—Мы наконецъ двинулись. 37

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъ мыса Фетишъ до страны Оканда.

Галлуасовъ очень трудно заставить ѣхать.—Очень дурно составленный конвой.—Мы проѣзжаемъ мысѣ Фетишъ.—Воззваніе короля Реноке къ духамъ.—Его вступительная рѣчь не имѣетъ успѣха.—Проливной дождь.—Слишкомъ продолжительная просушка.—Посѣщеніе гипнопотама.—Запасы слоноваго мяса.—Послѣднее прости *Марabu*.— Первые пороги Огоуэ.—Пріѣздъ къ Окота.—Грязный, безобразный

народъ. — Разоблаченіе поддѣльнаго короля. — Удивительный слѣпецъ. — Эдибэ, король всѣхъ Окота. — Мѣна подарками. — Дѣла разстраиваются. — Проклятіе Эдибэ. — Трудное, опасное плаваніе. — Ялимбонго. — Гора Отомби и озеро Фетишъ. — Первые деревни Апинги. — Перебѣжчикъ осіеба. — У него очень дурной нравъ. — Бѣлый, какъ и мы, но ничего не имѣющій. — Забавный король. — Проданный за любовь къ женщинѣ. — Ракета. — Международный конгрессъ. — Семеро изъ нашихъ провожатыхъ убѣгають. — Признаки бури. — Общее возстаніе галлуасовъ. — Возмущеніе подавлено. — Водопадъ Эландья. — Моя кумушка, королева бакалейская. — Первая деревня Оканда. — Страшная гроза. — Уловка короля Реноке. — Мы проходимъ черезъ ворота Оканда. — Хорошій моментъ въ нашемъ путешествіи. — Приѣздъ въ Лопецъ 49

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Страна Оканда.

Лопецъ. — Водвореніе галлуасовъ и иненга. — Необходимость совершить боснкомъ остальную часть путешествія. — Охота на дикихъ быковъ. — Лицомъ къ лицу съ стадомъ. — Много шума изъ пустяковъ. — Наплывъ любопытныхъ, желающихъ посмотрѣть на насъ. — Дамы Оканды. — Визитъ королю Авеле. — Мы производимъ государственный переворотъ. — Наше новое жилище въ Лопецѣ. — Бангуэнъ. — Окандійцы хотять воспрепятствовать нашей поѣздкѣ въ ихъ страну. — Мы энергично измѣняемъ ихъ намѣренія на этотъ счетъ. — Маршъ отправляется въ страну Бангуэнъ. — Его принимаютъ съ энтузіазмомъ, но надоѣдаютъ. — Бангуэнцы принадлежать къ большой бакалейской расѣ. — Ихъ жилища. — Ихъ промышленность. — Ихъ нравы. — Маршъ возвращается очень больнымъ. — Побѣгъ невольника у иненга. — Большая сходка по этому случаю. — Галлуасы и иненга строятъ намъ разнаго рода козни. — Обокраденные нашимъ толмачемъ габонцемъ Павломъ. — Обокраденные нашимъ слугою, горбатымъ Цингэ. — Обокраденные помощникомъ нашего повара, Сипа, человѣкомъ безъ ушей. — Лицемѣріе Реноке. — Наше водвореніе въ Лопецъ. — Маршъ производитъ торгъ каждое утро. — Дойная коза. — Пожирательницы соли. — Охота на быковъ, которая могла худо кончиться для меня. — Первый быкъ, убитый бангуэнами. — Его

непригодность. — Второй быкъ, убитый бангуэнами. — Польза его для естественной исторіи и нашего стола. — Мы прекращаемъ выдачу съѣстныхъ припасовъ галлуасамъ и иненга. — Они рѣшаются возвратиться домой. — Окончательный отъѣздъ галлуасовъ и иненга. — Всякій способъ сообщенія съ цивилизованными странами уничтоженъ для насъ 67

ГЛАВА ПЯТАЯ.

У людодовъ Озіеба.

Весьма многочисленное племя людодовъ. — Намъ необходимо пройти черезъ ихъ страну. — Мы рѣшаемся отправиться къ озіеба. — Затрудненіе найти проводника. — Мы заручаемся для этой цѣли однимъ *контрабандистомъ* оканда. — Я тайкомъ отправляюсь ночью съ изинга. — Двѣнадцать часовъ ходьбы босикомъ. — Озіеба принадлежатъ къ большой расѣ фановъ. — Я принятъ холодно. — Дурныя обстоятельства. — Я отдѣлываюсь на этотъ разъ. — Мнѣ не подають на обѣдъ человѣческаго мяса. — Бурная ночь. — Люди, у которыхъ ничего нельзя купить. — Я считаю себя въ западнѣ. — Все хорошо, что кончается хорошо. — Страданія на обратномъ пути. — Докторъ Швейнфуртъ и людоды восточной Африки. — Ніамъ ніамцы. — Многозначительное имя. — Тѣсное сродство съ пагуинцами. — Ихъ людодство и торговля трупами и человѣческимъ жиромъ. — Сходство ихъ нравовъ съ пагуинцами. — Монбутту. — Ихъ жадность къ человѣческому мясу. — Превосходство нравственное и физическое людодовъ всей экваторіальной Африки надъ племенами не-людодами. — Особенныя качества монбутту. — Какимъ образомъ мое посѣщеніе Озіеба, по всей вѣроятности, спасло жизнь Марша и мою . . . 85

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нападеніе и бѣгство.

Оканда соглашаются подняться съ нами по Огоуз. — Прибытіе депутатовъ озіебо и мадума. — Прибытіе короля Ованга. — Приготовленія къ отъѣзду. — Мы оставляемъ Лопецъ. — Шико остается беречь

вещи.—Быстрота пороговъ и ловкость оканда.—Островъ попугаевъ.—Рѣка Офуэ.—Фетишёръ и фетиши.—Я жестоко болѣнъ.—Нашъ флотъ отправляется.—Первая деревня озіеба.—Весьма натянутыя торговыя сношенія.—Многочисленныя воинственныя угрозы.—Водопадъ Фаре.—Конецъ пороговъ.—Радость находиться внѣ опасности.—Засада.—Озіеба стрѣляютъ въ упоръ по нашимъ пирогамъ.—Первая паника.—Мы воодушевляемъ нашихъ людей къ бою.—Рѣка Ивиндо.—Новое нападеніе.—Ужасъ нашихъ проводниковъ.—Стремительное бѣгство.—Я едва не утопаю въ водопадѣ Фаре.—Маршъ застаётъ въ распахъ засаду озіеба.—Смерть двухъ озіеба.—Перемиріе.—Людоѣды вѣрятъ на слово бѣлымъ.—Возвращеніе въ Лопецъ.—Проклятія со стороны семействъ павшихъ воиновъ.—Раздача неразбавленнаго рома. 98

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бѣдственное положеніе на обратномъ пути.

Новый жилецъ въ нашемъ домѣ.—Анатоль.—Онъ заболѣваетъ.—Огромныя препятствія къ возвращенію въ страну галлуасовъ.—Шико покупаетъ маленькаго невольника.—Жестокость новаго собственника.—Мы распоряжаемся въ этомъ случаѣ.—Г. Дюшалью и карлики обонго.—Міани и карлики акка.—Акка, привезенные докторомъ Швейнфуртомъ.—Акка, видѣнные М. Э. Марно и полковникомъ Лонгъ-Бэ.—Несомнѣнно, что въ центрѣ Африки существуетъ раса пигмеевъ.—Мы покупаемъ слоновую кость у бангуэнцевъ.—Смерть Анатоля.—Ованга нарушаетъ данное имъ слово.—Орега предлагаетъ проводить насъ.—Депутація схибэ.—Мы сжигаемъ наши корабли, т. е. бросаемъ нашу соль въ рѣку.—Большая сходка.—Сынъ короля Авеле.—Сильная тоска.—Моина приводитъ намъ восемнадцать гребцовъ.—Приготовленія къ отъѣзду.—Наши вещи переносятся въ лодку.—Всѣ гребцы покидаютъ насъ.—Отчаянное положеніе.—Наши угрозы имѣютъ успѣхъ.—Мы отправляемся съ шестнадцатью проводниками.—Новыя неприятности.—Мучительная ночь.—Самъ-Квита.—Торжественный приѣмъ.—Буйный вечеръ.—Прибытіе въ факторію Аданлинанланго 114

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Промышленность и торговля въ экваторіальной Африкѣ.

Необходимость остаться въ Аданлинанланго.—Факторія.—Взглядъ на промышленность и торговлю экваторіальной Африки.—Прежній способъ торговли.—Въ настоящее время бѣлые вытѣснили посредниковъ.—Быстрое распространеніе торговли.—Французскіе негодіанты остались внѣ торговаго движенія.—Дома англійскіе, нѣмецкіе и шотландскіе.—Торговый домъ Гаттона и Куксона и домъ Франца Вюрмера.—Торговля экваторіальной Африки сосредоточена въ четырехъ пунктахъ.—Рѣка Мондахъ.—Лиманъ Габона.—Фернандъ-Ваць.—Огоуэ.—Значеніе торговли по Огоуэ.—Сліяніе Н'Гуніэ съ Огоуэ — главный центръ всѣхъ факторій.—Продукты, покупаемые по рѣкѣ.—Сборъ пальмоваго масла и воскъ.—Орѣхи голо.—Кожи.—Черное дерево.—Каучукъ.—Слоновая кость.—Затрудненія при покушкѣ слоновой кости.—Перечисленіе главныхъ предметовъ, составляющихъ слоновый *пакетъ*. — При каждомъ ружьѣ, выдаваемомъ за одинъ слоновый клыкъ, необходимо уплатить извѣстное количество всѣхъ перечисленныхъ товаровъ безъ исключенія.—Нѣкоторыя подробности о порохѣ, матеріяхъ, ромѣ, бусахъ и проч.—Слоновая кость несравненно дешевле въ восточной Африкѣ.—Заключеніе.—Невозможность успѣшной торговли для негодіанта въ Габонѣ, не имѣющаго значительнаго основнаго капитала.—Пріѣздъ г. Шульца.—Неопытный изслѣдователь.—Причины, задержавшія г. Шульца.—Мы ѣдемъ съ нимъ на *Мпонге*.—Мы пріѣзжаемъ въ жалкомъ состояніи.—Превосходный пріемъ.—Послѣдовательное крушеніе трехъ почтъ.—Мы рѣшаемся добратъся до острова Принца, чтобы оттуда слѣдовать по португальско-конгской линіи. 132

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возвращеніе во Францію.

Мы рѣшаемся ѣхать на островъ Принца.—Прощаніе съ *Кордельерою*.—Мы отправляемся на *Амистъ*, ех-Вернонь - Круасси.—Гавань Санъ-

Антонио. — Крѣпость для шутки. — Португальская таможня. — Далеко не триумфальный въѣздъ въ городъ. — Превосходный приѣмъ у г. Беттанкура. — Мы превращаемъ его залъ въ госпиталь. — Докторъ изъ Макао. — Негры и негровладѣльцы. — Виноватыя невольники. — Свободные наймы 1878 г. — Они дадутъ новый толчекъ торговлѣ черными. — Положеніе невольниковъ на островѣ Принца. — Санъ - Антонио. — Мертвый городъ. — Черные падре. — Суевѣріе жителей. — Церемонія праздника тѣла Господня. — Парикмахеръ убійца. — Пакеботъ приходитъ изъ Конго. — На *Бенгуэлъ*. — Мы представляемъ жалкій видъ. — Коммунистъ. — Звѣринецъ въ носовой части. — Госпиталь въ кормовой. — Аптекарь, его носъ и флейта. — Коринна и ея арфа. — El senor commandador Yacinto Carnero de Souza y Almeida. — Плохой завтракъ. — Обжоры. — Англійскій механикъ *Бангуэлъ*. — Местъ и мистификація. — Острова Зеленаго мыса. — Сантъ яго. — Сентъ-Винцентъ. — Смерть Сильва. — Ему отдають послѣднія почести. — Всеобщее улучшение здоровья. — Мадера. — Истребленіе фруктовъ и мороженаго. — Легенда о Машенѣ. — Отъ поэзіи къ дѣйствительной жизни. — Виноградники Мадеры, ихъ настоящее состояніе. — Прибытіе въ Лиссабонъ. — Прощаніе съ читателемъ. 149

Эпилогъ 168

ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ВЪЗВѢЩЕНІЕ

ВАС. ВАС.

ПРОСМОСЕРДОВА

ВЪ ГОР. НАМЫШЛОВЪ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Здѣсь изложенное не составляетъ предисловія къ сочиненію.

Я отсылаю читателя къ предисловію, написанному мною въ началѣ первой части путешествія, предпринятаго мною и А. Маршемъ въ экваторіальную Африку ¹⁾; тамъ онъ найдетъ объясненіе обстоятельствъ, при которыхъ это путешествіе было предпринято, цѣль нами предположенную, безчисленныя встрѣченныя нами препятствія и болѣе или менѣе важные полученные нами результаты.

Но, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ вторую часть моей работы, я считаю долгомъ выразить публикѣ мою признательность за ту благосклонность, съ какою она приняла мой первый томъ, второе изданіе котораго почти разошлось меньше чѣмъ въ мѣсяць; особенно я долженъ поблагодарить прессу за ея благопріятные отзывы; почти всѣ большіе парижскіе журналы пожелала, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, привлечь вниманіе публики на мой скромный трудъ.

Эти знаки всеобщей симпатіи сторицею вознаградили меня за два года болѣзней, страданій и лишеній. Въ этой симпатіи я нахожу могучій рычагъ, побуждающій меня достойно продолжать поприще изслѣдователя, которому я посвятилъ себя; равнымъ образомъ и другъ мой А. Маршъ, уже отправившійся въ Габонъ, при полученіи этой

¹⁾ *Габонны, Папуны Галлуасы.* Переведено на русскій языкъ.

благосклонности публики, почувствовалъ въ себѣ больше рѣшимости и энергіи.

Относительно моего втораго тома я также намѣренъ сообщить нѣкоторыя замѣчанія, но прежде попрошу позволенія отвѣтить на одинъ упрекъ, направленный противъ меня во многихъ отчетахъ. Мнѣ говорятъ, что мои описанія не довольно серьезны, что я обращаю слишкомъ много вниманія на комическую сторону явленій; что наконецъ, я легкимъ слогомъ моего разсказа замаскировалъ серьезную сторону предмета. Моего товарища и меня называютъ французскими туристами, и одинъ критикъ, впрочемъ весьма любезный и благосклонный, сравнилъ мое сочиненіе съ знаменитымъ «Voyage au pays des milliards»¹⁾, г на Тиссо.

Но мнѣ хотѣлось бы убѣдить этихъ господъ, что мы вовсе не предпринимали путешествія съ качествомъ туристовъ и любителей, съ цѣлю посмотрѣть чужія страны и позабавиться оригинальными обычаями туземцевъ и ихъ смѣшными королями, но что наше путешествіе имѣло задачей трудовыя, терпѣливыя изслѣдованія по географіи, этнографіи и естественной исторіи. Я припомню, что наши географическія работы, изъ которыхъ упомяну о снятіи посредствомъ буссоли болѣе ста лье мѣстности, представлявшей до сихъ поръ совершенный пробѣлъ на картѣ,—эти работы показались настолько важными Географическому Обществу, что оно присудило намъ одну изъ четырехъ премій, назначенныхъ въ нынѣшнемъ году, столь обильномъ большими путешествіями, для конкурса, къ которому допускались всѣ путешественники, безъ различія національности²⁾. По этнографіи, въ числѣ прочихъ нашихъ работъ, я уважу на изслѣдованія мпонгскаго языка и языковъ разныхъ другихъ африканскихъ племенъ. Наконецъ по части естественной исторіи, я попрошу обратиться къ научному каталогу³⁾, приложенному къ этой

¹⁾ Путешествіе въ страну миллиардовъ. Переведено на русскій языкъ.

²⁾ Награды, назначенныя Географическимъ обществомъ для ежегоднаго конкурса, распредѣлились слѣдующимъ образомъ: золотыя медали, одна г. доктору Швейнфурту, а другая г. аббату Арману Давиду; серебряныя медали, одна г. аббату Петито; одна М. А. Маршу и одна Маркизу Компіеннъ.

³⁾ Въ этомъ каталогѣ перечислена лишь орнитологическая часть нашихъ кол-

книгъ; критики. Принявъ въ соображеніе, что въ экваторіальной Африкѣ птицы, млекопитающіе, насѣкомыя и проч. далеко не такъ многочисленны, какъ въ другихъ частяхъ Африки, читатели увидятъ, что мы, при нашемъ состояніи здоровья, должны были усиленно и энергично работать, чтобы набить, препарировать, сохранить и привезти съ собою всѣ экземпляры, означенные въ каталогѣ, большая часть которыхъ находится еще у г-на Бувье.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что мои научныя описанія не должны быть сухи; нерѣдко, въ самые тяжелые дни нашего путешествія, выдавались комическія сцены, которыя, возвращая намъ веселое настроеніе духа, въ то-же время подымали упавшую бодрость и придавали силы для достиженія нашихъ цѣлей; я полагалъ, что передавая эти сцены въ той формѣ, какъ мы ихъ видѣли, забавляясь ими въ Европѣ такъ, какъ мы забавлялись въ Африкѣ, я тѣмъ самымъ оживлю вниманіе читателя и дамъ ему возможность, не утомляясь, прочесть до конца мою книгу.

Впрочемъ, одинъ изъ значительныхъ критиковъ поддерживаетъ меня и способъ моего разсказа такъ, какъ я и самъ не сумѣлъ бы этого сдѣлать; вотъ слова, по этому поводу, г. Мариуса Топена ¹⁾:— «читатель найдетъ здѣсь то, чего недостаетъ у строгихъ ученыхъ, упражняющихся въ окончаніи *ис*; то, что у подобныхъ ученыхъ, враговъ веселья, составляетъ предметъ презрѣнія, для насъ представляетъ источникъ удовольствія. Но, насмѣхаясь надъ своими неудачами въ моментъ ихъ испытанія, путешественникъ тѣмъ самымъ получаетъ право посмѣяться, разсказывая о нихъ. Англійскіе и нѣмецкіе путешественники столь-же выносливы и предприимчивы; они также не задумаются передъ препятствіемъ и сумѣютъ пренебречь опасностью, но дѣлаютъ это съ важной серьезностью, поэтому и разсказъ у нихъ выходитъ важно-сухой. Они полагаютъ свою честь въ томъ, чтобы всегда пребывать флегматичными; сохраняя хладнокровіе въ виду опасности, они также хладнокровны передъ своей чернильницей; ихъ слогъ носитъ холодный отпечатокъ ихъ мужества; они

лекцій; но, кромѣ птицъ, мы привезли съ собою около ста пятидесяти экземпляровъ млекопитающихъ, значительное количество пресмыкающихся, рыбъ, насѣкомыхъ, раковинъ и проч.

¹⁾ Смотри журналъ *la Presse*, отъ 8 сентября.

гордятся этимъ—тѣмъ лучше для нихъ. Французъ путешествуетъ и пишетъ съ улыбкой на губахъ—тѣмъ лучше для его читателей».

Мнѣ хотѣлось бы оставить читателя подѣ впечатлѣніемъ этихъ краснорѣчивыхъ строкъ и приступить къ разсказу, однако я принужденъ предварительно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, специально относящихся къ этому второму тому.

Карта, приложенная къ этому тому, представляетъ теченіе рѣки Огоуэ отъ Самъ-Квита до крайняго, достигнутаго нами, пункта на этой рѣкѣ, т. е. до рѣки Ивиюдо. Эта карта была напечатана въ «Бюллетенѣ Географическаго общества» ¹⁾ и воспроизведена по моимъ съемкамъ посредствомъ буссоли. Я долженъ замѣтить, что это карта относительно длины и направленія рѣки значительно отличается отъ карты Огоуэ, отъ Самъ-Квита до Лопеса, недавно присланной однимъ путешественникомъ, докторомъ Ленцомъ ²⁾.

Впрочемъ, отдавая отчетъ *Географическому Обществу* о нашихъ изслѣдованіяхъ, я откровенно признался, что вслѣдствіе той плачевной обстановки, при которой производились эти изслѣдованія, они не могли быть очень точны. Но во всемъ, что касается названій странъ, племенъ, горъ, рѣкъ и проч., я вполне согласенъ съ г. Ленцомъ.

Въ предисловіи къ моему первому тому, я упомянулъ, что правдивость моихъ разсказовъ вскорѣ будетъ провѣрена французской экспедиціей г. Брацца; я не сомнѣвался, въ ту минуту, когда писалъ эти строки, что означенная провѣрка уже производилась однимъ иностраннымъ путешественникомъ, ѣхавшимъ до Лопеса. ³⁾ Впрочемъ, человѣкъ отлично знающій Габонъ, г. Валькеръ, отдаетъ намъ полную справедливость въ одномъ письмѣ, написанномъ въ англійскіе географическіе журналы по поводу мнимаго путешествія одного изъ

¹⁾ Объявленіе «напечатана Географическимъ Обществомъ», было по ошибкѣ выпущено въ заголовкѣ этой карты.

²⁾ На картѣ г. Ленца разстояніе, пройденное нами до Лопеса, увеличено на тридцать миль и Огоуэ направлено болѣе къ югу.

³⁾ Одинъ нѣмецъ, г. Ленцъ, поднялся до Лопеса. Въ Лопецѣ, по причинѣ болѣзни и невозможности ѣхать далѣе, онъ принужденъ былъ возвратиться въ Аданлинанганго, откуда тотчасъ-же долженъ былъ плыть обратно къ верховьямъ Огоуэ. Я говорю «долженъ былъ», потому что г. Ленцъ, посланный нѣмецкимъ Обществомъ «для изслѣдованія экваторіальной Африки», окруженъ нѣкотораго рода таинственностью.

своихъ соотечественниковъ по верховьямъ Огоуэ. Наконецъ, мой другъ, знаменитый докторъ Швейнфуртъ писалъ мнѣ, что одно четверорукое, купленное очень молодымъ въ дрезденскій зоологическій садъ за обыкновеннаго шимпанзе, привлекло всеобщее вниманіе своимъ громаднымъ ростомъ и оказалось гориллой; она очень смирна и спокойно проживаетъ въ звѣринцѣ; поэтому я былъ правъ, не соглашаясь съ г. Дю-Шалью, который увѣряетъ, что горилла, взятая даже очень молодой, до того свирѣпа и неукротима, что ее невозможно держать и тѣмъ менѣе приручить.

Заканчивая рассказъ о моемъ путешествіи, я считалъ не безынтереснымъ сообщить обстоятельныя подробности объ экспедиціи гг. Брацца, Марша и Балле, официально посланныхъ морскимъ министерствомъ по проторенной нами дорогѣ по Огоуэ и въ данную минуту находящихся на пути въ экваторіальную Африку. Я надѣюсь, читатель найдетъ, что этотъ эпилогъ достойнымъ образомъ пополняетъ мою работу, и приметъ моихъ «*Оканда, Бануейцевъ, Осіеба*» также благосклонно, какъ ихъ предшественниковъ *Габонцевъ, Пауинцевъ, Галлуасовъ*.

ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА.

ОКАНДА, БАНГУЭНЫ, ОЗСИЭБА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Окончательный отъездъ внутрь страны.—Изслѣдователи, здоровье которыхъ оставляетъ многого желать.—Ноевъ ковчегъ.—Заколдованные источники.—Происходятъ ли ивилы изъ Конго? — Большія переселенія нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.—Причины ихъ обусловливающія.—Нравы ивилы.—Весьма характерный танецъ.—Украдено богомъ.—Папà Юсуфъ и озеро Азинго.—Новыя задержки.—Большая сходка.—Убейте мою сестру, а меня оставьте жить.—Казнь женщины.—Страшное исполненіе казни.—Гипнопотамы.—Бѣлый, усвоивающій костюмъ негровъ.—Смерть большого гипнопотама.—Слоны.—Невозможность для насъ на нихъ охотиться.—Мы покупаемъ маленькаго слона за 8 фр. 75 сен.—Охота на нкаго.—Пораженный обезьянами.—Турако.—Во второй разъ носомъ къ носу съ ядовитою змѣей.—*Mégops gularis* и *Mégops bicolor*.—Отъездъ въ Н'Гуніэ.—Водопады Самба.—Буали, столица Ивейя.—Претенденты на титулъ короля.—Законный монархъ.—Его *Nunc dimittis*.—Прибытіе въ Этамбэ.—Мы водружаемъ тамъ французскій флагъ.—Выгнанные, какъ подозрительные бродяги.—Тяжелая ночь.—Возвращеніе въ стоянку.—Рѣка Акойо.—Натолкнувшіеся на пороги.—Покинутые неграми и атакованные пчелами.—Возвращеніе въ Аданлинанланго.—Уходъ трехъ нашихъ проводниковъ.—Шико одинъ остается вѣрнымъ.—Отъездъ г-на Валькера и Марша на озера.—Ночное нападеніе.—Описаніе бичей, поражающихъ Габонъ.—Москиты, десять породъ муравьевъ, термиты, тараканы, скорпионы, стоножки, тысячножки и масса другихъ не менѣ вредныхъ насѣкомыхъ.

Отъездъ г-на Валькера въ Аданлинанланго былъ назначенъ на первое ноября. Мы рѣшили не пропускать этого удобнаго случая.

Новыя замедленія могли еще больше разстроить наше здоровье. Нашъ хорошій другъ, докторъ Легрантъ, говорилъ мнѣ: какъ врачъ, я совѣтовалъ бы вамъ вовсе не ѣхать внутрь страны при вашемъ состояніи здоровья; но коль скоро вы уже рѣшились на это, то я согласенъ съ вами, что лучше ѣхать теперь, потому что ваши силы только болѣе ослабнутъ въ габонскомъ климатѣ. И вотъ, перваго ноября мы отправились на пароходъ *Батама* въ сопровожденіи толпы черныхъ комиссіонеровъ, которыхъ г. Валькеръ везъ въ Огоуэ. При каждомъ изъ нихъ была его жена и дѣти. *Батама* довезъ насъ до Іомбе. Тамъ г. Валькеръ встрѣтилъ насъ съ своимъ маленькимъ пароходомъ *Дельта*, который тащилъ на буксирѣ четыре огромныхъ плота. Мы помѣстились на одномъ изъ нихъ, желая подняться вверхъ по Огоуэ. Нашъ плотъ съ крышей походилъ на настоящій Ноевъ ковчегъ, въ которомъ толпились негры, негритянки, негритенки, обезьяны и большой негръ, по имени Жакъ; тамъ же, среди ружей, большихъ мушкетеновъ, разнаго товара, бочки съ водкой, помѣстились г. Амораль, Маршъ и я. Намъ стоило большихъ усилій отвоевать себѣ уголокъ, въ которомъ мы могли бы отдохнуть ночью и пообѣдать днемъ. Теперь, какъ и во время перваго нашего путешествія, мы приняли всѣ необходимыя предосторожности на случай нападенія; впрочемъ теперь насъ было такъ много, что не представлялось никакой опасности. Понятно, что съ тяжелымъ грузомъ на буксирѣ *Дельта* подвигалась очень медленно. На третій день послѣ нашего отъѣзда изъ Іомбе, мы принуждены были сдѣлать значительный обходъ для избѣжанія постоянно возрастающей быстроты теченія Огоуэ; мы заѣхали въ рѣку Акалуа, служащую однимъ изъ путей сообщенія между озеромъ Азинго и Огоуэ. Эта рѣка, не обозначенная ни на какой картѣ, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ интереса. Она извилиста, иногда очень узка, но мѣстами не уже самого Огоуэ. Акалуа принимаетъ три или четыре притока, одинаковой съ нею величины, и пересѣкаетъ два озера, изъ которыхъ каждое имѣетъ около пяти квадратныхъ километровъ. Начиная съ этого послѣдняго пункта, пейзажъ становится замѣчательно красивымъ; рѣка углубляется въ горы, покрытая гигантскою растительностью, и послѣ тысячи изгибовъ, наконецъ изливается въ пре-

красное озеро Азинго, усѣянное высокими островками, покрытыми цвѣтущею растительностью.

Берега Акалуа въ настоящее время заняты недавними поселеніями ивили, племени, пришедшаго съ юга и непрерывно распространяющагося въ областяхъ, сосѣднихъ съ Огоуэ. Адмиралъ Лангль въ своей замѣткѣ о Габонѣ, помѣщенной въ Bulletin de la Société géographiqué ¹⁾, замѣчаетъ, что эти ивили родомъ изъ Конго; они говорятъ языкомъ этой страны и имѣютъ съ нею непрерывныя сношенія. Подтвержденіе этого мнѣнія весьма важно; ивили народъ кроткій и охотно принимающій бѣлыхъ; если они ведутъ сообщенія съ Конго, то вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ безконечную дорогу для изслѣдователей, которые до сихъ поръ всегда были задерживаемы свирѣпыми сунди близъ самаго устья рѣки; если ивили принадлежатъ племенамъ, обитающимъ въ верхнемъ Конго, путешественникъ, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ у этихъ племенъ радушный пріемъ и можетъ запасть тамъ проводниками или носильщиками для дальнѣйшаго путешествія внутрь страны. Этотъ вопросъ о происхожденіи ивили очень занималъ меня: съ нами кстати былъ г. Амораль, отлично знающій большинство нарѣчій Конго; Шикони, одинъ изъ прислуги Амораля, также говорилъ на языкѣ этой страны. Я просилъ Амораля и обоихъ черныхъ поговорить съ ивили по *конгски*; къ нашему большому сожалѣнію, они вовсе не понимали ивили а тѣ не могли ихъ понять. Тогда я предложилъ распросить этихъ самыхъ ивили по мшонгвійски объ ихъ сношеніяхъ съ югомъ и согласно съ показаніями г. Амораля, непрерывно слѣдившаго за всѣмъ относящимся къ нравамъ и обычаямъ прибрежныхъ жителей Огоуэ, я убѣдился, что ивили пребрали торговля и всякія сношенія съ югомъ. Поэтому я думаю, что адмиралъ Лангль, всегда точный въ своихъ показаніяхъ, на этотъ разъ не собралъ подробныхъ свѣдѣній; однако позднѣе, подвигаясь къ югу, я самъ встрѣтилъ ивили у водопада Самба и замѣтилъ, что эти ивили говорили языкомъ, замѣтно отличнымъ отъ языка ихъ огоуэйскихъ соотечественниковъ и заключающимъ массу словъ, принадлежавшихъ, по словамъ Амораля, къ нарѣчіямъ конго. И такъ, весьма вѣроятно, что языкъ ивили, издавна

¹⁾ Бюллетень Географическаго Общества.

поселившихся на берегахъ Огоуэ и прекратившихъ всякія сношенія съ ихъ прежнимъ мѣстомъ жительства, измѣнился, смѣшавшись съ бакалейскимъ и мпонтвійскимъ нарѣчіями до того, что потерялъ всякое сходство съ роднымъ языкомъ; но я увѣренъ, что у болѣе южныхъ ивили возстановляется не только коренной языкъ, но и сношенія съ родною страной, т. е. съ верхнимъ Конго, мое убѣжденіе въ этомъ предположеніи такъ велико, что въ проектѣ предстоящаго путешествія, недавно начертанномъ мною, но отложенномъ по случаю нездоровья, я рассчитывалъ главнымъ образомъ на ивили, какъ на проводниковъ и носильщиковъ багажа, однимъ словомъ, какъ на людей, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ предпріятія. Въ настоящее время ивили, принадлежащіе по всей вѣроятности, къ весьма многочисленному племени, массами переселяются къ сѣверу; ихъ авангардъ, среди котораго мы находились, уже перешелъ Огоуэ и, безъ сомнѣнія, не остановится до тѣхъ поръ, пока не столкнется съ пагуинцами, прибывающими съ другой стороны. Причины такихъ значительныхъ переселеній, столь частыхъ въ этой части Африки, представляютъ загадку, надъ рѣшеніемъ которой работаютъ издавна ученые люди цивилизованнаго міра, не приходя къ особенно удовлетворительнымъ результатамъ; достовѣрно однако, что въ этихъ непрерывныхъ перемѣщеніяхъ важную роль играетъ желаніе приблизиться къ поселеніямъ бѣлыхъ или по крайней мѣрѣ торговыхъ племенъ, и кромѣ того суевѣріе, распространенное среди всѣхъ этихъ народовъ и заставляющее ихъ считать заколдованною и проклятою всякую страну, въ которой свирѣпствовала эпидемія, голодъ или иной бичъ человѣческой. Ивили, которыми я занятъ въ настоящую минуту, пожалуй, суевѣрнѣе и боязливѣе всѣхъ другихъ черныхъ; за то они гостепріимны и промышленны. Относительно физическихъ достоинствъ, мужчины сложеніемъ и вообще пластическою красотою значительно уступаютъ мпонтвійцамъ; женщины, за немногими исключеніями, безобразны. Племена, поселившіяся на берегахъ рѣки Акалуа, усвоили нравы, головной уборъ и языкъ галлуа, среди которыхъ они долго жили; изъ обычаевъ своей страны они сохранили только одну пляску, столь оригинальную, что о ней стоитъ сказать нѣсколько словъ. Танцовщицы, числомъ отъ пятнадцати до двадцати, становятся въ кругъ; у каждой приколото на головѣ отъ семи до восьми

длинныхъ прутиковъ, съ большими бѣлыми или красными перьями на концахъ. Фетишистъ помѣщается въ центрѣ круга и даетъ знакъ начинать танецъ; весь хороводъ приходитъ въ движеніе съ кривляньями и пѣніемъ; за тѣмъ одна изъ танцовщицъ выходитъ изъ ряда, становится противъ фетишиста и выражаетъ вмѣстѣ съ нимъ жестаами подробности какого нибудь событія: въ одномъ изъ такихъ танцевъ, котораго я былъ очевидцемъ, лучшая изъ танцовщицъ представляла женщину, умирающую отъ яда; съ ловкостью, которая сдѣлала бы честь m-Ne Круазеттъ, она передала предсмертныя страданія жертвы и наконецъ въ изнеможеніи, дрожа всѣмъ тѣломъ, упала на землю среди неистовыхъ криковъ io! io! (браво) собранія.

Я не знаю, существуетъ ли этотъ танецъ въ Конго, по крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ его болѣе нигдѣ, ни въ Африкѣ, ни въ другихъ посѣщенныхъ мною странахъ. 7-го ноября мы ночевали въ одной изъ главныхъ деревень ивили. Тамъ у этого добраго народа помѣщался одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ фетишей въ видѣ деревянной статуи въ человѣческой ростъ; этотъ идолъ, раскрашенный бѣлымъ и краснымъ, походилъ, до обмана, на клоуна Босвеия, нѣкогда фигурировавшаго въ циркѣ. Множество крыльевъ совы были прибиты въ нишѣ надъ головою этого могущественнаго бога; руки у него были связаны цѣпями и вокругъ стояли ружья. На слѣдующій день утромъ, въ минуту отъѣзда, г. Амораль замѣтилъ, что у него украли ружье; онъ искалъ по всей деревнѣ, но, конечно, никто не зналъ, куда дѣвалось ружье; г. Амораль горячился и грозилъ такъ усердно, что ивили перепугались: тогда одинъ изъ нихъ заявилъ, что видѣлъ, какъ великій фетишъ ночью вошелъ въ домъ Аморала и унесъ пропавшее ружье: нѣсколько человѣкъ побѣжали въ хижину великаго фетиша и дѣйствительно, между ружьями, украшавшими его жилище, нашлось пропавшее. Г. Амораль, довольный этой находкой, сдѣлалъ видъ, что считаетъ виноватымъ одного бога, и мы безпрепятственно отправились въ путь въ девять часовъ утра. На *Дельтѣ* истопниками были три крумана и одинъ человѣкъ изъ Капъ-Коаста. Въ день отплытія круманы заявили, что истопникъ изъ Капъ-Коаста своимъ колдовствомъ уничтожилъ силу давленія пара и отказывались отъ своихъ обязанностей, если ихъ не избавятъ отъ опаснаго колдуна. Г. Вальверъ принужденъ былъ уступить и заковать человѣка пзъ

Капъ-Коаста, который былъ удаленъ на послѣдній плотъ съ товарами. Къ вечеру мы прибыли къ озеру Азинго. Одинъ ловкій сенегалецъ, украшенный медалями и весьма популярный въ странѣ подъ именемъ Юсуфа, содержитъ по берегу озера факторію на счетъ г-на Валькера. Онъ живетъ среди пагуинъ, которыхъ сьумѣлъ приручить и покупаетъ у нихъ въ большомъ количествѣ черное дерево. Пагуинцы поселились здѣсь недавно и живутъ по сосѣдству съ адьюмбами, которыхъ они давно обобрали бы безъ заступничества дядюшки Юсуфа. Адьюмбами называется племя, поселившееся у южной части озера Азинго и по берегамъ рѣки Ойюгавица. Они ведутъ свое происхожденіе отъ габонцевъ и говорятъ чистымъ языкомъ этихъ послѣднихъ, но въ умственномъ и физическомъ отношеніи значительно уступаютъ мюнгвійцамъ. Съ адьюмбами мы никогда не имѣли ничего, кромѣ непріятностей. 10-го ноября мы покинули озеро Азинго и вѣхали въ рѣку Ойюгавица, которая выходитъ изъ южной части озера и впадаетъ въ Огоуэ, нѣсколько сотъ метровъ выше Аданлинанланго. На другой день мы прибыли въ нашу прежнюю главную квартиру, гдѣ нашъ старый пріятель, король Солнце, принялъ насъ съ выраженіемъ величайшей радости; отъ него мы узнали непріятную новость, что намъ приходилось сдерживать наше нетерпѣніе къ дальнѣйшему путешествію въ теченіи по крайней мѣрѣ трехъ недѣль, такъ какъ сильное половодье Огоуэ не позволяло ѣхать черезъ пороги рѣки. 14-го ноября, три дня спустя послѣ нашего пріѣзда, галлуасы были встревожены большой сходкой, подробности которой я намѣренъ здѣсь изложить, потому что считаю эти сходки весьма характерными для нравовъ здѣшнихъ варварскихъ странъ. Вотъ въ чемъ дѣло: одинъ невольникъ убилъ свободного человѣка изъ деревни Аіэно, сосѣдней съ нашей. По туземному закону, не только этотъ невольникъ, но и его хозяинъ, должны подвергнуться смертной казни, потому что, по мнѣнію галлуасовъ, невольникъ не можетъ приниматься въ расчетъ; а смерть свободного человѣка должна вознаградиться смертью другаго свободного. Кого же назначить въ жертву кровавой мести, какъ не хозяина убійцы, который отвѣчаетъ за своего невольника? Я присутствовалъ на этой сходкѣ. Двѣ или три сотни голосовъ потребовали головы хозяина невольника-убійцы. Несчастный хозяинъ, престарѣлый вождь и прежде пользо-

вавшийся вліяніемъ, тщетно старался заставить выслушать себя среди шумной толпы. Всякій разъ какъ онъ открывалъ ротъ, дикари дружно кричали: *yoa! yoa!* (смерть ему! смерть ему!); наконецъ, послѣ отчаянныхъ усилій, ему удалось уловить удобную минуту. «Я знаю, говорилъ онъ, что убійство должно быть отомщено, но я старикъ, полезный на сходкахъ: у меня есть молодая, красивая сестра, казните ее вмѣсто меня». — Нѣтъ, кричали они со всѣхъ сторонъ, твоя сестра женщина, а для мести нужна смерть свободнаго мужчины. — «Хорошо, отвѣчалъ милый братецъ, для пополненія разницы я прибавляю къ сестрѣ трехъ невольниковъ и два слоновыхъ пакета; прошу васъ, не убивайте меня». Послѣ долгихъ совѣщаній, предложеніе было принято и подтверждено Н'Комбе, начальникомъ сходки. Несчастливая женщина, осужденная на смерть для искупленія убійства, совершеннаго невольникомъ ея брата, видя неблагопріятный для себя исходъ дѣла, убѣжала и скрылась въ Адалинанланго, но ея убѣжище тотчасъ было открыто: ее взяли и назначили казнь на слѣдующій день. Ея семья начала рыдать, какъ по покойницѣ и всѣ ея родственники пѣли всю ночь похоронную пѣсню, о которой я уже имѣлъ случай говорить. Путешественники должны принять за правило, никогда не вмѣшиваться въ сходки черныхъ подъ страхомъ навлечь на себя ненависть и безчисленныя непріятности; поэтому мы обыкновенно предоставляли имъ душить другъ друга, какъ имъ вздумается. Но въ данномъ случаѣ казнь, которая должна была совершиться, такъ сказать на нашихъ глазахъ, показалась намъ столь чудовищною, что г. Валькеръ, Маршъ и я рѣшились всѣми силами воспрепятствовать ея исполненію. Съ этою цѣлью мы обратились къ Н'Комбе, который, по обыкновенію, началъ было отшучиваться, но вскорѣ замѣтилъ, что его шутки раздражаютъ насъ и что слѣдуетъ перемѣнить тонъ; тогда онъ сказалъ, что находить весьма страннымъ наше участіе къ женщинѣ, которая никогда не была нашей; что онъ не знаетъ, почему мы хотимъ нарушать законы, нисколько насъ не стѣсняющіе, и что наконецъ его слѣдовало предупредить раньше о нашемъ желаніи: вчера еще онъ могъ дать другой оборотъ дѣлу, но теперь, послѣ подтвержденія приговора, было уже слишкомъ поздно. Тѣмъ не менѣе всевозможныя угрозы, и особенно обѣщаніе написать ад-

миралу, съ прибавкою выкупа за осужденную, заставили его заговорить иначе и онъ обѣщалъ намъ завтра уладить дѣло.

На другой день, въ шесть часовъ утра, онъ явился въ нашу хижину и объявилъ, что къ его большому горю, женщина, безъ его вѣдома, была убита ночью. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы хорошенько выбрать короля-Солнце и лишить его всѣхъ подарковъ, въ томъ числѣ и его порціи рома. Впродолженіе трехъ дней мы оставались непреклонны и не хотѣли даже говорить съ королемъ; тогда Н'Комбе пришелъ къ намъ и признался, что обманулъ насъ, что осужденная еще жива и онъ возьмется освободить ее, если мы дадимъ выкупъ. Г. Валькеръ, Маршъ и я согласились каждый заплатить стоимость одного невольника и слоновый пакетъ ¹⁾, т. е. всего товаровъ на сумму окомо семисотъ франковъ по туземнымъ цѣнамъ. И'Комбе надѣлъ шитый серебромъ жилетъ (бранный остатокъ какого нибудь финансиста театра Батиньоль), нашъ недавній подарокъ, водрузилъ на голову своего предводителя знаменитую шапку съ золотымъ солнцемъ и отправился созывать новую сходку. Онъ возвратился около четырехъ часовъ по полудни, объявилъ, что дѣло было улажено и дѣйствительно привелъ осужденную женщину, которая предъ нами была отпущена на свободу. Мы, конечно, вообразили, что опасность миновала и поздравили другъ друга за наше вмѣшательство, которому одинъ человѣкъ обязанъ былъ жизнью. Но увы! мы еще мало знали галуасовъ. Все это было ни что иное, како комедія. Женщина, которую мы считали спасенною, въ тотъ же вечеръ была схвачена, закована въ кандалы и ночью 22-го ноября была казнена. Ее умертвили, положивъ на шею огромный древесный стволъ, который палачи придавливали до тѣхъ поръ, пока не раздробилось горло жертвы; но такъ какъ смерть не являлась съ надлежащею

¹⁾ Слоновымъ пакетомъ называется извѣстное количество предметовъ, необходимыхъ для покупки одного слоноваго клыка; это количество весьма значительно и опредѣляется числомъ ружей, платимыхъ за клыки. Такъ напр., если клыкъ стоитъ пять ружей, то къ пяти ружьямъ всегда прибавляется два боченка пороха въ четыре фунта каждый, десять котловъ, двадцать сажень матеріи, сорокъ ружейныхъ кремней, двадцать мѣрокъ соли, двадцать ножей и т. д. Обыкновенно пять фунтовъ слоновой кости оплачиваются однимъ ружьемъ; я видѣлъ клыки во сто фунтовъ.

скоростью, ей распороли животъ и вырвали внутренности. Эту казнь посредствомъ древеснаго ствола придумалъ Н'Комбе; онъ очень гордится своимъ изобрѣтеніемъ, которое уже примѣнялъ на практикѣ одиннадцать разъ. Въ означенную ночь онъ приказалъ приступить къ казни подъ самымъ строгимъ секретомъ, думая, что мы никогда не узнаемъ о смерти нашей кліентки; но убійцы, опьяненные кровью и ромомъ, передъ самымъ нашимъ домомъ хвастали своимъ гнуснымъ поступкомъ и праздновали его до утра выстрѣлами изъ ружей. Что будешь дѣлать съ такими варварами, особенно когда вполнѣ отъ нихъ зависишь? Мы могли только молчать и даже не заговаривали съ Н'комбе объ этой гнусной продѣлкѣ.

Первые двѣ недѣли ноября и первые дни декабря мы посвятили географическимъ изысканіямъ, отчетъ о которыхъ, нѣсколько спеціальный, будетъ умѣстнѣе въ бюллетенѣ географическаго общества; кромѣ того мы занимались охотою, особенно на птицъ. Впрочемъ и въ крупной дичи не было недостатка; каждую ночь мы слышали изъ нашей хижины гу! гу! гиппопотамовъ; они часто приходили настись на маленькіе островки, находившіеся посреди Огоуэ, почти противъ Аданлинанланго; но признаюсь, что больные и утомленные, мы не чувствовали въ себѣ достаточно храбрости для того, чтобы провести ночь въ засадѣ подъ уколами комаровъ и въ концѣ концовъ убить животное, не представляющее для насъ никакого интереса, такъ какъ его кожа и скелетъ фигурируютъ во всѣхъ музеяхъ, да и живыми ихъ можно видѣть въ бѣльшей части зоологическихъ садовъ, даже клыки ихъ потеряли всякую цѣну съ тѣхъ поръ, какъ гг. дантисты стали фабриковать зубы изъ эмали. Однако между гиппопотами, посѣщавшими Адалинангланго былъ одинъ старикъ, возбуждившій наше вниманіе своимъ громаднымъ ростомъ; мы предположили устроить ему засаду; но были предупреждены однимъ неустрашимымъ охотникомъ г. Гилльсомъ, агентомъ г. Гольта въ факторіи, расположенной въ двухъ или трехъ миляхъ отъ факторіи г. Валькера на противоположномъ берегу Огоуэ. Гилльсъ былъ очень юный англичанинъ, добрый малый, приличной наружности; онъ былъ хорошій стрѣлокъ и товарищъ, но оригиналь первой руки. Приѣхавъ для управленія факторіей г. Гольта, онъ немедленно усвоилъ обычай, пищу и костюмъ (или скорѣе отсутствіе костюма) туземцевъ, среди которыхъ

жилъ; онъ ходилъ по лѣсамъ безъ шапки, безъ обуви, съ небольшимъ лоскуткомъ матеріи вокругъ пояса вмѣсто всякаго костюма, пренебрегая укушеніями москитовъ и муравьевъ; онъ пилъ залпомъ алангу, ѣлъ въ большомъ количествѣ перецъ и спалъ съ открытою головою подъ палящимъ солнцемъ. То, что насъ убило бы десять разъ, ему сходило съ рукъ какъ нельзя лучше, и я не помню у него никакой другой болѣзни, кромѣ язвъ на ногахъ. Гилльсъ, подобно намъ, замѣтилъ чудовищнаго гиппопотама; онъ безуспѣшно просидѣлъ въ засадѣ двѣ noci, но на третью, въ моментъ появленія первыхъ утреннихъ лучей, онъ увидѣлъ, какъ громадное животное выплыло на берегъ и спокойно улеглось на песокъ; г. Гилльсъ былъ отъ него на разстояніи сорока шаговъ, т. е. очень далеко, потому что съ нимъ не было ни пуля съ стальными наконечниками, ни разрывныхъ; тѣмъ не менѣе онъ не задумался дать выстрѣлъ и такъ удачно, что гиппопотамъ, пораженный пулею надъ правымъ глазомъ, замертво упалъ на мѣстѣ. Гилльсъ тщательно препарировалъ черепъ животнаго и хранить его, какъ трофей своей побѣды.

Если мы пренебрегали гиппопотамами, за то дали-бы многое за возможность убить слона. Въ этомъ случаѣ завлекательна была сама охота и кромѣ того высокая цѣна на слоновую кость; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Адалинанланго и въ слонахъ не было недостатка; именно на берегахъ рѣки Ойзогавицца мы часто встрѣчали совсѣмъ свѣжіе слоновыя слѣды; къ сожалѣнію, охота на слоновъ въ Габонѣ, затрудняемая уже самими свойствами мѣстности, въ которой они водятся, сдѣлалась почти невыполнимою, благодаря неприязни черныхъ. Слоны почти всегда держатся среди болотъ, въ которыхъ бѣлый непремѣнно погибнетъ, или же въ непроходимой чащѣ. Если взять въ проводники хорошаго охотника на слоновъ, какихъ не мало среди черныхъ, то, можетъ быть, бѣлому и удастся, послѣ тысячи опасностей и огромнаго утомленія, подойти къ слону; но именно такого проводника невозможно найти. Слоны, вслѣдствіе большой цѣнности его клыковъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Африки, представляетъ для туземца сокровище, которое онъ никогда не согласится раздѣлить съ бѣлымъ. Когда мы предложили охотнику негру проводить насъ къ мѣсту, гдѣ держались слоны, онъ охотно согласился, и, слѣдуя похвальному обычаю своей страны, обѣщавъ намъ чудеса охоты; но

онъ повелъ насъ въ сторону противоположную той, гдѣ были слоны, и водилъ цѣлый день по болотамъ и топямъ, такъ что истомленные, покрытые съ ногъ до головы тиною, издравъ наше платье о колючки кактусовъ, мы отказались продолжать охоту. Однажды Сенклеръ получилъ въ факторіи извѣстіе, что бакалейцы поймали очень молодого слона: они убили матку и схватили дѣтеныша, который даже не пытался бѣжать. Бакалейцы предложили Сенклеру купить слончика за товары на сто піастровъ; это было очень дорого, впрочемъ составляло не болѣе 250 франковъ, а Сенклеръ умиралъ отъ желанія имѣть слона: онъ согласился заплатить требуемую сумму, но въ то-же время ему пришла счастливая мысль объявить бакалейцамъ, что желаетъ приобрести слона не раньше какъ черезъ недѣлю; если до этого времени слонъ останется живъ, то онъ заплатитъ сто піастровъ. Мысль дѣйствительно оказалась счастливой, потому что въ ту минуту, когда приготовились съ торжествомъ ввести животное въ факторію, оно внезапно издохло. Оно было величиною съ осла, и, конечно, не имѣло еще клыковъ; бѣдные бакалейцы принесли его трупъ. Тогда они обратились къ намъ, потому что мы одни покупали мертвыхъ животныхъ, — и просили вещей на сумму 75 франковъ, но мы торговались такъ усердно, что приобрѣли слона за запонъ, табакъ и бусы, всего стоимостью въ 8 фр. 75 сент.; мы, конечно, воспользовались отъ слона лишь тѣми частями, которыя оказались полезными, именно кожей и скелетомъ ¹⁾. Мясо было возвращено бакалейцамъ; они устроили большой пиръ и, по обычаю, наѣлись такъ, что у нихъ раздуло животы, какъ бомбы.

Что касается меня, я отказался стрѣлять по слону; но за то неутомимо охотился на обезьянъ; особенно я преслѣдовалъ большую породу, называемую черными нкаго; нкаго, у которыхъ макушка головы имѣетъ красный цвѣтъ, переходящій въ рыжій, достигаютъ иногда значительной величины; это одно изъ самыхъ свирѣпыхъ животныхъ, когда-либо мнѣ извѣстныхъ. Они очень любятъ жить обществами и большіе охотники до ракообразныхъ; поэтому утромъ, при

¹⁾ Кожа не могла быть хорошо сохранена за отсутствіемъ необходимыхъ предохраняющихъ матеріаловъ; скелетъ мы отослали г. Бувье, въ коллекціи котораго онъ красуется до сихъ поръ.

восходѣ солнца, ихъ часто видятъ бродящими гуськомъ многочисленными стадами на берегахъ водъ; по временамъ они останавливаются для ловли крабовъ и рыбы, встрѣчающейся на пути; во главѣ шеренги гордо выступаетъ старый самецъ, болѣе рослый и злой, чѣмъ остальные; однажды я насчиталъ девяносто семь нкаго, которые шли одинъ за другимъ, и думалъ, что шествіе будетъ безъ конца; другой разъ я неожиданно попалъ почти въ столь-же многочисленное стадо; обезьяны не торопясь лазали по деревьямъ надъ моею головою и, замѣтивъ меня, подняли страшный вой, начали прыгать по нижнимъ вѣткамъ, дѣлая видъ, что хотятъ атаковать меня; я ранилъ двухъ двумя выстрѣлами, остальные разбѣжались. На этотъ разъ я вышелъ побѣдителемъ; однако не всегда такъ бываетъ. Припоминаю, что однажды въ Тисмитѣ (Никарагуа), когда за недостаткомъ пищи, я принужденъ былъ убить молодую обезьяну, прыгавшую надъ моею головою, ея мать, огромная черная мартышка, поразительнымъ прыжкомъ бросилась на меня; я принялъ ее почти на самое дуло ружья и убилъ на повалъ; въ ту-же минуту все стадо, состоявшее изъ двухъ десятковъ черныхъ обезьянъ, начало бросать въ меня сапѳами (фруктъ, величиною съ кокосовый орѣхъ и не менѣе твердый), и едва не забросало меня до смерти. Я вложилъ два патрона въ ружье и убилъ двухъ изъ моихъ противниковъ; ярость остальныхъ удвоилась, сапѳы сыпались какъ градъ, и я долженъ былъ постыдно бѣжать, оставивъ мои жертвы на полѣ битвы. Съ этого дня я возненавидѣлъ обезьянъ. Впрочемъ я долженъ признаться, что изъ всѣхъ охотъ предпочитаю охоту на птицъ, особенно нѣкоторыхъ, каковы фоліотоболы и турако, съ которыми надо быть очень ловкимъ и осторожнымъ; очень мало птицъ столь недовѣрчивыхъ, какъ турако. Существуетъ только одинъ способъ подойти къ нимъ, именно употребляемый во Франціи для охоты за вяхирями и тетеревами; надо идти на нихъ, когда они поютъ, и неподвижно лежать плашмя на землѣ все время, пока они молчатъ; къ сожалѣнію, турако очень неболтливъ, онъ поетъ или скорѣе деретъ горло черезъ каждыя двадцать минутъ и кромѣ того часто мѣняетъ мѣсто; поэтому я нерѣдко употреблялъ три, четыре часа, чтобы убить одного, но за то былъ хорошо вознаграждаемъ за трудъ. Немногія птицы столь красивы и изящны въ своихъ движеніяхъ: ростомъ они почти съ вяхиря, съ ярко-зеленымъ опере-

ніемъ туловища; они постоянно и чрезвычайно быстро бѣгаютъ по толстымъ сучьямъ, хлопая пурпуровыми крыльями, вытягивая хвостъ металлически-чернаго цвѣта и подымая красивый хохолокъ; будучи только ранены, они почти всегда спасаются отъ охотника, потому что скрываются гораздо быстрѣе подстрѣленныхъ куропатовъ. Тураво не только представляетъ прекрасную птицу для нашей коллекціи, но и довольно вкусное блюдо для стола; во время моего вторичнаго пребыванія въ Адалинанланго я убилъ порядочное количество этихъ птицъ, потому что открылъ деревья, на которыя они каждое утро прилетали клевать красныя зерна, вѣроятно очень лакомыя для нихъ. Къ сожалѣнію, не все было пріятно въ этой охотѣ, которую приходилось вести по колѣно въ водѣ, въ вонючемъ болотѣ; я думаю, что она въ значительной степени усилила мою лихорадку, случайно ослабѣвшую со времени моего возвращенія къ королю-Солнце. Кромѣ того на этой охотѣ я имѣлъ одну непріятную встрѣчу, которая могла очень дурно кончиться для меня. Однажды, осторожно бродя по болоту и стараясь укрываться за ліанами въ ту минуту, когда я замѣтилъ двухъ турако въ сотнѣ метровъ отъ меня, я столкнулся видомъ къ лицу съ огромной зеленой змѣею; змѣя, вмѣсто того чтобы бѣжать, подобно всѣмъ пресмыкающимся при встрѣчѣ съ человѣкомъ, осталась на мѣстѣ, выставивъ языкъ и устремивъ на меня глаза, которые показались мнѣ молніеносными; укушеніе змѣи было смертельно—я зналъ это ¹⁾, и всякое неосторожное движеніе побудило бы ее броситься на меня. Поэтому я началъ осторожно отступать, постепенно приподнимая ружье, пока не приложилъ его къ щекѣ; тогда я вздохнулъ свободно. Этотъ случай былъ со мною второй; первый разъ я встрѣтился въ тростникахъ Салтлаке съ змѣею мокассинъ, породю также весьма ядовитой; но, благодаря Бога, оба раза остался цѣлъ и невредимъ.

Изъ птицъ, за которыми я съ наибольшимъ удовольствіемъ охотился и убилъ въ этотъ періодъ времени, долженъ упомянуть объ огромной вукушкѣ и великолѣпномъ маленькомъ бѣломъ щуркѣ съ яркокраснымъ горлышкомъ (*mérops gularis*). Затѣмъ г. Маршъ убилъ

¹⁾ Здѣсь конечно говорится не о зеленой змѣѣ, называемой пальмовой змѣею, которая очень обыкновенна въ Сенегалѣ и Габонѣ и совершенно безвредна.

пару такихъ же однимъ выстрѣломъ; эти три экземпляра, которые мы набили съ большою тщательностью, единственные когда либо встрѣченные нами; за то другой очень красивый видъ щурка (*megops bicolor*) съ грудью и передней частью тѣла прекраснаго розоваго цвѣта, встрѣчается въ изобиліи по всей экваторіальной Африкѣ; его полетъ похожъ на полетъ ласточки и, подобно послѣдней, онъ живетъ многочисленными стаями. Ихъ прекрасное опереніе сіяетъ роскошными оттѣнками, когда они въ хорошій солнечный день гоняются въ воздухѣ за мошками и другими насѣкомыми, составляющими ихъ пищу.

Но оставимъ въ сторонѣ всѣхъ этихъ пернатыхъ, которыя безъ сомнѣнія для большинства читателей гораздо интереснѣе, чѣмъ для меня, и возвратимся къ разсказу объ экспедиціи, предпринятой нами къ водопаду Самба и въ страну Ивэя, племени, неизвѣстнаго даже по имени до нашего путешествія. 27-го ноября мы, т. е. гг. Валькеръ, Амораль, Маршъ и я, вѣхали на *Дельту* въ Н'Гуніэ, обширный притокъ Огоуэ, имѣющій важное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. На его берегахъ живутъ бакалейцы, затѣмъ ивилы, которые, какъ я упоминалъ, недавно начали массаами переселяться на сѣверъ. 30 ноября мы прибыли къ порогамъ Самбы, самаго крайняго пункта, котораго достигали до насъ бѣлые. Г. Дюшалью, по его описаніямъ, пріѣхалъ къ этому пункту черезъ страну Ашира; но преувеличивая по обыкновенію свой разсказъ, этотъ путешественникъ представляетъ какое-то фантастическое описаніе того, что онъ называетъ величественными водопадами, шумъ которыхъ раздается, будто-бы, на многія мили въ окружности; онъ торжественно окрестилъ ихъ именемъ водопадовъ Евгениі, въ честь бывшей императрицы французовъ ¹⁾. Въ дѣйствительности водопадъ Самба не представляетъ ничего замѣчательнаго; во время половодья въ Н'Гуніэ, что и случилось при нашемъ путешествіи, этотъ столь прославленный водопадъ падаетъ не выше трехъ или четырехъ футовъ.

Мы расположились на островкѣ, у самой подошвы водопада. Г. Маршъ

¹⁾ Г. Дюшалью, говоря объ этомъ водопадѣ, ошибочно называетъ его Самба Н'Агози (Самба и Агози). Агози—страна, считаемая черными священною, находится на разстояніи болѣе пятнадцати миль отъ Самбы.

снялъ нѣсколько фотографическихъ видовъ съ нашего лагеря; эти фотографіи не удалось¹⁾ къ большому сожалѣнію, потому что трудно представить себѣ что-нибудь живописнѣе окружающаго насъ пейзажа.

Наскоро были выстроены шалаши изъ листьевъ, одинъ для г. Вальера, другой для Марша и меня. Надъ первымъ развѣвался англійскій флагъ, на другомъ—большое французское знамя; крыши отъ москитовъ для нашей прислуги, поставленные каждая на четырехъ пестахъ, походили на маленькія палатки; ружья стояли въ козлахъ и маленькая пушка, взятая съ *Дельты*, защищала единственное доступное мѣсто на занятомъ нами островѣ. Наши люди, усѣвшись въ кругъ на пескѣ, курили гашишъ съ видомъ благополучія. Позади насъ возвышался холмъ, на вершинѣ котораго пріютилась, какъ орлиное гнѣздо, деревня ивилы Конго-Мбумба; въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нами съ шумомъ и бѣлой пѣною падали каскады Самбы, а въ отдаленіи взоръ пріятно отдыхалъ на голубыхъ вершинахъ невысокихъ горъ Иссонгэ. Туземцы съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на насъ съ окружающихъ высотъ. Только спустя три, четыре часа послѣ нашего прибытія, нѣсколько ивилы, вооруженные съ головы до ногъ, рѣшились завести съ нами переговоры; нѣсколько подарковъ успокоили ихъ, и подконецъ насъ посѣтили сорокъ, пятьдесятъ человѣкъ; но они не были спокойны и держались на-сторожѣ, опасаясь, конечно, быть схваченными и проданными въ рабство. На другой день въ воскресенье, 1-го декабря, Маршъ, Амораль и я не безъ труда взобрались въ Конго-Мбумба. Это большое село, состоящее изъ чистыхъ, хорошо построенныхъ бамбуковыхъ хижинъ, вытянутыхъ въ двѣ параллельныя улицы; въ данную минуту село казалось необитаемымъ, потому что всѣ жители при нашемъ приближеніи заперлись у себя въ домахъ. Мы начали спокойно прогуливаться взадъ и впередъ по нескончаемымъ улицамъ.

Вскорѣ за нами послѣдовали въ почтительномъ разстояніи семь, восемь негровъ, затѣмъ двадцать, потомъ полсотни и наконецъ двѣ, три сотни. Наша прогулка походила на погребальную процессію, по-

¹⁾ Мы привезли изъ Франціи готовныя пластинки, приготовленныя новымъ способомъ г. Штребинга; но чрезвычайная сырость климата покрыла эти пластинки влагою, сдѣлавшею ихъ никуда негодными. Объ этомъ стоило очень пожалѣть.

тому что негры шли за нами тихо, не произнося ни слова; но стоило намъ обернуться, чтобы распространить по всему кортежу паническій страхъ: тогда всѣ мужчины разбѣгались, и особенно женщины кричали во все горло. Однако черезъ нѣкоторое время нѣсколько мужчинъ вооружились храбростью, и тѣ изъ нихъ, которые говорили по мпюнгвѣйски, окружили насъ и завели переговоры. Мы посѣтили Конго-Мбумба не только изъ любопытства, но предполагая также нанять пирогу и нѣсколькихъ ивили, которые согласились бы провезти насъ по Н'Гуніэ за водопадъ Самба. Мы старали нетерпѣніемъ проникнуть въ эти области, гдѣ до сихъ поръ еще не ступала нога бѣлаго. Послѣ многихъ затрудненій, нашли наконецъ четырехъ чело-вѣкъ, обѣщавшихъ пріѣхать за нами въ пирогахъ къ нашему лагерю и проводить насъ до Буали, очень большаго, по ихъ словамъ, города, въ которомъ жило племя, непохожее на нихъ и называвшееся ивэя. Отъѣздъ былъ назначенъ на завтра утромъ, и на другой день съ восходомъ солнца пріѣхали нанятые нами проводники; только пирога у нихъ была очень маленькая и текла со всѣхъ сторонъ; они увѣряли, что это единственная, какую они могли найти. Мы, конечно, поморщились, но выбирать было не изъ чего. Мы размѣстились въ пирогѣ, стараясь наилучшимъ образомъ сохранять равновѣсіе, и отправились въ шесть съ половиною часовъ утра. Г. Валькеръ не сопровождалъ насъ: у него были дѣла съ ивили и, кромѣ того, онъ считалъ весьма рискованнымъ переѣздъ по быстринамъ въ такой ветхой лодкѣ.

Намъ прежде всего предстояло обогнуть водопадъ Самба, что мы и сдѣлали, проѣхавъ по маленькому притоку Н'Гуніэ, который выходитъ изъ главной рѣки въ двухъ километрахъ выше водопада Самба и снова впадаетъ въ нее близъ мѣста нашей стоянки. Этотъ притокъ довольно узкій, тѣмъ не менѣе очень быстръ и усѣянъ рифами; нашимъ гребцамъ стоило невѣроятныхъ усилій подняться по нимъ. Однакоже черезъ два часа мы достигли Н'Гуніэ, представляющаго въ этомъ мѣстѣ поистинѣ величественные размѣры, но теченіе его прерывается страшными порогами. Подплывъ къ первымъ изъ этихъ пороговъ, наши гребцы объявили, не безъ основанія, что ихъ пирога десять разъ разобьется, прежде чѣмъ перейдетъ черезъ пороги и что намъ необходимо высадиться и идти пѣшкомъ до Буали.

И вотъ мы вышли на берегъ, а наши проводники, вытащивъ пирогу и спрятавъ въ вустарникѣ, повели насъ по сухому пути. Дорога въ Буали столь-же живописна, сколько неудобна; я осмѣлюсь даже замѣтить, что она пригодна болѣе для возъ, чѣмъ для людей. Приходилось взбираться по острымъ утесамъ, спускаться съ нихъ, прыгать съ одной скалы на другую, переходить ручьи по мостамъ изъ лѣанъ и проч. и проч. Ивили, привыкшіе къ такимъ дорогамъ и не несшіе на себѣ никакихъ тяжестей, ловко и безъ труда опережали насъ. Маршъ, какъ человекъ весьма ловкій, посиѣвалъ за ними съ грѣхомъ пополамъ; но я—очень плохой гимнастъ, притомъ въ огромныхъ сапогахъ, вооруженный съ ногъ до головы, въ огромной войлочной шляпѣ, цѣплявшейся за все кусты—каждую минуту готовъ былъ остановить проводниковъ и объяснить имъ, какъ нѣкогда майоръ Далжетти объяснял Ранальду дю Брульеру, что путешествовать *impeditus* или *expeditus*—двѣ совершенно различныя вещи. Я много разъ рисковалъ сломать себѣ шею и едва переводилъ духъ отъ усталости, когда мы прибыли въ Буали. Буали, какъ справедливо говорили наши проводники, представляетъ огромное собраніе весьма чисто отдѣланныхъ хижинъ. Онѣ расположены на довольно высокой скалѣ, окоймленной Н'Гуніэ, который въ этомъ мѣстѣ круто поворачиваетъ къ югу, и имѣющей единственный доступъ по адской дорогѣ, которую мы только что прошли съ всевозможными опасностями.

Жители Буали, далеко не такіе трусы какъ ивили, толпами бросились къ намъ на встрѣчу съ выраженіемъ живѣшаго любопытства. Нѣсколько мужчинъ, пользовавшихся повидимому нѣкоторою властью, съ большимъ трудомъ прочистили намъ дорогу сквозь толпу и провели въ большую хижину, назначенную, очевидно, для приема иностранцевъ. Едва успѣли мы присѣсть на скамьи, какъ толпа хлынула въ комнату и окружила насъ съ оглушительнымъ шумомъ. Долго мы не могли заставить выслушать насъ; наконецъ, уловивъ удобный моментъ, крикнули по мпонгвійски, что хотимъ видѣть ога, т. е. короля. Молодецъ, ростомъ въ шесть футовъ, тотчасъ представился намъ и сказалъ, что онъ король. Послѣ того какъ одобрительный говоръ толпы подтвердилъ это заявленіе, мы подали ему руки и подарили бутылку рому, немного табаку и одинъ ножикъ. Онъ взялъ все это, поблагодарилъ насъ наклоненіемъ головы и скрылся.

Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты явился новый король; этотъ человекъ, уже пожилой и довольно внушительной наружности, объявилъ, при всеобщемъ одобреніи, что первый субъектъ, которому мы дали подарки, былъ гнусный интриганъ, а что самъ онъ, говорящій теперь съ нами, единственный король всѣхъ ивея. Можетъ быть, онъ и правъ, сказалъ я Маршу, сдѣлавшему недовольную гримасу, и притомъ мы должны, по возможности, стараться не раздражать этого первобытнаго народа. Ораторъ получилъ полбутылки водки и нѣсколько листовъ табаку: онъ казался довольнымъ и сѣлъ подлѣ насъ; вдругъ, на нашу бѣду, явился третій претендентъ на титулъ короля, причемъ его заявленіе также было одобрено собраніемъ, не смотря на то, что подлѣ насъ уже сидѣлъ король. Мы прогнали всѣхъ этихъ королей, очевидно смѣявшихся надъ нами, и предложили продать намъ курицу и нѣсколько банановъ на завтракъ. Намъ нанесли припасовъ со всѣхъ сторонъ, но потребовали такіа сумасшедшія цѣны, что мы вынули изъ нашихъ мѣшковъ одного турако, двухъ бѣлокъ, убитыхъ по дорогѣ, и приказали одному изъ ивили изжарить, отказываясь отъ предлагаемой намъ дичи. Тогда ивея перемѣнили тонъ и предложили курицу и банановъ за сносную цѣну; они толпились вокругъ насъ съ оглушительными криками, суя намъ подъ носъ птицъ и разные съѣстные припасы, которые хотѣли продать; шумъ и суматоха достигли крайнихъ предѣловъ. Вдругъ, среди сильнѣйшаго гвалта, раздается сильный звонъ колокольчика. При этомъ звонѣ, вѣроятно очень знакомомъ обитателямъ села, происходитъ всеобщее смятеніе: женщины со всѣхъ ногъ разбѣгаются по своимъ хижинамъ; при насъ остается всего пять, шесть человекъ мужчинъ, которые молча садятся у нашихъ ногъ, а остальные уходятъ изъ дому и становятся въ два ряда у дверей нашей хижины. Намъ не долго пришлось ожидать объясненія этой внезапной перемѣны; передъ большой хижиною, расположенной противъ нашей, стоялъ человекъ съ колокольчикомъ въ рукѣ; онъ позвонилъ три раза черезъ короткіе промежутки времени, дверь хижины открылась и на порогъ показался почти столѣтній старецъ, который шелъ тряся головою, украшенной длинной сѣдой бородою и прикрытой краснымъ колпакомъ. Онъ держалъ въ рукахъ два колокольчика, на-

саженныя на бонцѣ палки затѣйливой работы ¹⁾, и звонилъ ими при ходьбѣ. Толпа разступалась при его появленіи съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія. Онъ вошелъ въ нашу хижину и медленно приблизился къ намъ: въ эту минуту можно было слышать полетъ мухи. Взявъ наши руки и прижавъ ихъ къ своему сердцу, онъ сѣлъ на скамью, между Маршемъ и мною. На этотъ разъ мы, несомнѣнно, видѣли настоящаго короля. Къ счастью, у насъ еще оставалась бутылка рому, которую мы и предложили ему вмѣстѣ съ табакомъ, маленькимъ зеркаломъ и ножомъ. Старикъ, очевидно, въ теченіи своей долгой жизни успѣлъ оцѣнить достоинства огненной воды, потому что его тусклый взглядъ просіялъ при видѣ рома; онъ поднесъ бутылку къ губамъ, напился длинными глотками, затѣмъ приказалъ принести большой деревянный кубокъ, наполнилъ его драгоценной влагою, еще разъ напился и передалъ своимъ подчиненнымъ, бывшимъ въ хижинѣ, вѣроятно знатымъ вельможамъ. Оставалась еще треть бутылки; вельможи пожирали ее глазами, ожидая вторичной раздачи; но король не оправдалъ ихъ ожиданій, приказавъ одному изъ невольниковъ отнести драгоценныя остатки въ королевскій домъ. Такъ какъ почтенный старецъ не говорилъ по мпонтвейски, то одинъ изъ нашихъ ивили, знавшій какъ этотъ языкъ, такъ и ивейскій, служилъ ему переводчикомъ. Король объявилъ, что онъ давно желалъ видѣть бѣлыхъ, о которыхъ слава дошла до него; что теперь онъ вполне счастливъ и умереть довольный, потому что глаза его видѣли то, чего не видѣли глаза его предковъ: именно бѣлыхъ. Эта рѣчь, начатая въ тонѣ *Nunc dimittis* и произнесенная торжественно, кончилась, къ сожалѣнію, нѣсколько тривіально: король просилъ у насъ кусокъ матеріи, чтобы обернуть свои бедра. Бѣдняга, въ самомъ дѣлѣ, нуждался въ этомъ одѣяніи, и мы, безъ большихъ издержекъ, сдѣлали человека счастливымъ.

Однако мы вовсе не имѣли намѣренія останавливаться въ Буали, а хотѣли продолжать наши изслѣдованія по Н'Гуніэ. Мы съ невѣ-

¹⁾ Эти колокольчики сходны съ тѣми, которые надѣваются на шею коровамъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи; они соединены попарно и насажены посредствомъ двухъ желѣзныхъ стержней на деревянную палку, украшенную очень неискусной резьбою, изображающей голову женщины съ двумя лицами. Мы увезли съ собою колокольчики пагуинскаго издѣлія, весьма похожіе на только что описанныя.

роятнымъ трудомъ нашли людей и пирогу, но принуждены были заплатить впередъ значительную часть взятыхъ нами товаровъ нѣсколькимъ гребцамъ, потребовавшимъ громадную цѣну. Четыре прибывшіе съ нами ивили усилили нашъ экипажъ и мы отправились въ часъ по полудни; плаваніе было очень затруднительно; за одними быстринами слѣдовали другія, причемъ наши гребцы должны были употребить въ дѣло всю свою ловкость и силу. Къ шести часамъ вечера мы прибыли въ Этамбэ, послѣднее селеніе страны Ивея. Здѣсь проводники категорически отказались ѣхать дальше. Они увѣряли, что съ этого пункта Н'Гуніэ становится чрезвычайно опаснымъ, и подтверждали свои показанія разными баснословными разказами. Мы находились въ зависимости отъ этихъ людей, и, волей-неволею, должны были согласиться. Мы вышли на берегъ, съ тѣмъ чтобы водрузить французскій флагъ на лучшей изъ хижинъ Этамбэ, крайнемъ изъ изслѣдованныхъ пунктовъ въ этой странѣ; затѣмъ опять сѣли въ пирогу и спустились внизъ по рѣкѣ до большой ивейской деревни, гдѣ наши люди рѣшили заночевать. Едва вышли на берегъ, какъ были окружены многочисленной толпою туземцевъ, которые, зная уже, что мы повупали въ Баули цыновки, идиоловъ, маленькіе ножи и другія туземныя произведенія, принесли намъ массу такихъ-же для продажи. Насъ провели въ хижину короля, очень просторную и удобную. Здѣсь мы приобрѣли много разныхъ вещей. Маленькія зеркала и шары съ музыкою, какія продаются у насъ на базарахъ, произвели наибольшій эффектъ у туземцевъ. Ихъ женщины, какъ кажется, очень заняты своею наружностью: онѣ носятъ монументальную прическу болѣе пятидесяти метровъ вышины и кладутъ на лицо большое количество румянъ и желтой краски. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были вокругъ пояса цыновки изъ весьма тонкой соломы съ красными полосами, приготовляемья въ деревнѣ. Мы дали знать, что хотимъ купить такіа цыновки. Онѣ тотчасъ-же сняли тѣ, которыя были на нихъ, дорожа болѣе зеркальцемъ или стеклянными бусами, чѣмъ своей единственной одеждою. Мы раскупили всѣ, предложенныя намъ вещи, но вскорѣ должны были прекратить расходы, такъ какъ товары наши приходили къ концу. Въ ту минуту, когда объявили нашу кассу закрытою, вошелъ король деревни. Это былъ долговязый мужчина въ бархатной шапочкѣ, драпированный въ ку-

сокъ парусины. Онъ сѣлъ подлѣ насъ, не говоря ни слова, и просидѣлъ такимъ образомъ съ добрую четверть часа. Мы отлично поняли, чего ему хотѣлось, но не могли сдѣлать ему подарка по той простой причинѣ, что ничего не имѣли. Наконецъ онъ позвалъ переводчика и спросилъ насъ, какого рода подарокъ мы намѣрены ему сдѣлать. Мы отвѣчали, что, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ничего съ собою; но что если онъ проводитъ насъ завтра до водопадовъ Самба или пошлетъ кого-нибудь съ нами, то получить щедрый подарокъ. Но король не хотѣлъ быть гостепріимнымъ въ кредитъ; онъ сильно разгнѣвался, вышелъ изъ комнаты и произнесъ передъ хижиною длинную рѣчь, сопровождаемую жестами, изъ которой мы, конечно, ничего не поняли. Нѣсколько минутъ спустя, наши проводники объявили намъ, что лучше провести ночь гдѣ нибудь подальше. Мы машинально послѣдовали за ними; погода была ужасная и мы прошли около трехъ четвертей мили по невыносимой дорогѣ. Наконецъ мы прибыли къ нѣсколькимъ жалкимъ хижинамъ, въ которыхъ жили невольники.

«Здѣсь, сказали наши проводники, указывая на одну изъ хижинъ, вы должны провести ночь». Мы разсердились и спросили, зачѣмъ они увели насъ изъ хорошаго дома и привели въ какую-то конуру. Проводники сначала не хотѣли отвѣчать; но наконецъ, побуждаемые настоятельными вопросами и угрозою уменьшить имъ плату, признались, что король, которому мы не сдѣлали подарка, прогналъ насъ изъ деревни, какъ подозрительныхъ бродягъ. Мы принуждены были лечь на голой землѣ въ жалкой лачугѣ, изобиловавшей разными гадами и москитами. Въ два часа утра, не будучи въ состояніи оставаться долѣе въ нашемъ ночлегѣ, мы заставили черныхъ подняться и ѣхать съ нами въ Баули; мы пошли по сухому пути и прибыли на мѣсто въ шесть часамъ утра. Въ семь часовъ мы поѣхали къ водопадамъ Самба, близъ которыхъ встрѣтили *Дельту*, разведшую пары и поднявшую якорь въ пять часовъ вечера. Въ этотъ день мы сдѣлали всего нѣсколько миль и провели ночь въ одной бакалейской деревнѣ, при входѣ въ рѣку Акойо. Мы условились съ г. Валькеромъ, что на слѣдующій день изслѣдуемъ этотъ притокъ Н'Гуніа, который, по словамъ черныхъ, представлялъ значительную рѣку, доступную для *Дельты*, и впадающую въ огромное озеро. И вотъ

на другой день, рано утромъ, нашъ маленькій пароходъ поплылъ по Акойо. 18 или 20 миль все шло хорошо, если не считать быстроты теченія, причинявшей намъ нѣкоторое безпокойство. Вскорѣ раздался страшный шумъ, похожій на ревъ водопада; мы хотѣли остановиться, но нашъ лоцманъ, родственникъ Н'Комбэ, заявлявшій, что уже ѣздилъ по Акойо, увѣрялъ насъ, что опасности нѣтъ никакой и притомъ съ такою самоувѣренностью, что мы приписали шумъ какому нибудь потоку, низвергающемуся въ Акойо. Вдругъ, завернувъ за одинъ изъ крутыхъ изгибовъ рѣки, мы очутились въ тридцати метрахъ отъ страшнаго водопада. Рѣка падала въ этомъ мѣстѣ съ высоты семи, восьми футовъ.—Г. Валькеръ тотчасъ крикнулъ: «задній ходъ!» но было слишкомъ поздно: *Дельта* засѣла между двухъ утесовъ. Мы сочли ее погибшей, однако, послѣ отчаянныхъ усилій и работы цѣлаго дня, намъ удалось снять ее съ мели посредствомъ канатовъ, привязанныхъ къ берегу. Мы поплатились потерю двухъ якорей и нѣсколькими незначительными поврежденіями. Я привелъ этотъ случай главнымъ образомъ потому, что онъ еще разъ доказалъ намъ, какъ мало можно полагаться на сопровождавшихъ насъ черныхъ; лишь только пароходъ тронулся съ мѣста, они, думая, что онъ идетъ ко дну, бросились къ двумъ шлюпкамъ, висѣвшимъ на бортахъ *Дельты*, обрѣзали веревки и уплыли, оставивъ гг. Валькера, Амораля, Марша и меня выпутываться изъ бѣды, какъ знаемъ. Храбрецы пристали къ маленькому острову въ сорока метрахъ отъ насъ, и мы почти часъ звали ихъ на пароходъ, истощивъ весь запасъ проклятій англійскихъ, французскихъ и габонскихъ. Наконецъ люди, сидѣвшіе въ большой шлюпкѣ, рѣшились вернуться къ намъ, что, впрочемъ, стоило имъ огромныхъ усилій вслѣдствіе сильнаго теченія рѣки; остальные бѣглецы провели ночь на островѣ и присоединились къ намъ не раньше утра слѣдующаго дня. Къ довершенію бѣды, во время усиленной работы у парохода, на насъ съ ожесточеніемъ напали дикія пчелы; мы были страшно излажены: дымъ и другія средства, употребленные нами для изгнанія нападавшихъ, только раздражали ихъ еще болѣе; пчелы улетѣли лишь съ наступленіемъ ночи. Было два часа по полудни, когда мы прибыли обратно въ Иханго, бакалейскую деревню, изъ которой выѣхали наканунѣ утромъ. Мы провели тамъ день, пока г. Валькеръ

заставилъ рубить дрова для своего парохода. Эта страна изобило-
вала дичью и я собралъ богатый запасъ птицъ, именно фалиотова-
ловъ, металлически-черныхъ дроздовъ и одного превосходнаго вида
мухоловокъ съ длинными перьями (*muscicara Chaillui*); но къ ве-
черу я заблудился въ лѣсу. Послѣ долгихъ попытокъ, мнѣ наконецъ
удалось ориентироваться при помощи буссоли, но я долженъ былъ
переплыть довольно широкой потокъ, чтобы добраться до нашей сто-
янки, куда и прибылъ поздною ночью. Маршъ отомстилъ негру, ко-
торый едва не погубилъ *Дельту*, такъ нахально вызвавшись въ лоц-
мана по рѣкѣ Акойо, которой онъ до сихъ поръ, конечно, ни разу
не видалъ. Этотъ черный, близкій родственникъ Н'Комбе, былъ одинъ
изъ первыхъ, покинувшихъ насъ въ минуту опасности; кромѣ того
онъ принадлежалъ къ числу ночевавшихъ на островѣ и вернувших-
ся на пароходъ лишь на другой день утромъ; онъ легъ спать на
одну изъ крутыхъ скалъ, выдававшихся надъ рѣкою, и ночью, ужъ
не знаю какъ, скатился внизъ. Послѣ паденія онъ жаловался нѣ-
сколько дней на боль въ спинѣ и не оставлялъ Марша въ покоѣ до
тѣхъ поръ, пока тотъ не взялся лечить его. Маршъ не нашелъ луч-
шаго средства, какъ вымазать его съ ногъ до головы хорошенько
кислотою, вслѣдствіе чего онъ, къ крайнему своему изумленію, изъ
чернаго сдѣлался бѣлымъ и сохранилъ этотъ цвѣтъ, пока не вы-
росла новая кожа, что, впрочемъ, произошло довольно скоро, такъ
какъ старая кожа спала у него черезъ восемь дней. Три дня спустя
послѣ происшествія на рѣкѣ Акойо, мы опять были въ Аданлинан-
ланго. Тотчасъ по нашемъ возвращеніи, Маршъ и я получили новое
доказательство неблагодарности габонцевъ. Францискъ Коёбенъ, Уа-
канда и Жозефъ, не смотря на формальное обѣщаніе, данное ими
при отъѣздѣ изъ Габона, объявили, что не будутъ сопровождать
насъ въ верхній Огоуэ. Такая измѣна не удивила насъ, но опечали-
ла. Эти люди все-таки были лучше въ странѣ; они прожили съ нами
цѣлый годъ и хорошо знали свои обязанности; мы осыпали ихъ по-
дарками, лечили ихъ во время болѣзни и имѣли глупость думать,
что они къ намъ привязаны. Впрочемъ, не въ одномъ только Га-
бонѣ приходится обманываться въ прислугѣ, и намъ слѣдовало этого
ожидать; кромѣ того, изъ четырехъ у насъ еще оставался одинъ
вѣрный слуга.

Узнавъ объ отъѣздѣ Франциска и двухъ негровъ, мы призвали Шико, и я спросилъ у него, намѣренъ ли онъ, подобно прочимъ, покинуть насъ. — «Отецъ мой (Шико меня и Марша называлъ: мой отецъ или наши господа; отцами называлъ онъ по привычкѣ, заимствованной въ миссиі; нашими господами — потому, что подъ этимъ именемъ я и мой товарищъ, были извѣстны въ Габонѣ ¹⁾). — Отецъ мой, отвѣчалъ Шико, кто увелъ меня изъ Габона? Кто нашелъ меня умирающимъ отъ голода и нагимъ, и одѣвалъ и кормилъ меня? Ты. Зачѣмъ же мнѣ уходить отъ тебя? Нѣтъ, наши господа, я тебя не покину: гдѣ будешь ты, буду и я». — Эти трогательныя слова, хотя и въ смѣшной формѣ, стоили Шико значительной прибавки жалованья.

2-го декабря, г. Валькеръ отправился на *Дельту* осматривать свои факторіи, расположенныя у озера З'Онангъ; онъ предполагалъ въ эту экспедицію посѣтить также озеро Изанга, опредѣлить его широту и затѣмъ изслѣдовать озеро Огемуенъ такъ далеко, какъ могъ позволить его маленькій пароходъ. Маршъ сопровождалъ его въ этой поѣздкѣ, а я былъ очень нездоровъ въ день его отплытія. *Дельта* снялась съ якоря въ четыре часа по полудни. На возвратномъ пути, послѣ прощанія съ уѣзжавшими, со мною сдѣлались рвоты, началась лихорадка, и я, придя домой, легъ на свою бамбуковую постель. Когда припадокъ прошелъ, я заснулъ крѣпкимъ сномъ; около трехъ часовъ утра проснулся съ сильной головной болью и мучительной жаждою; вода стояла у меня на столѣ, среди комнаты, и я всталъ, чтобы напиться, конечно, въ весьма легкомъ костюмѣ; но не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ по полу, какъ почувствовалъ страшную боль; тысячи насѣкомыхъ кусали меня такъ жестоко, что я могъ только подбѣжать къ двери и закричать во все горло. Я попалъ обѣими ногами въ густую колонну башикуэйскихъ муравьевъ, мирно двигавшуюся среди моей хижины; въ нѣсколько минутъ я буквально былъ покрытъ ими. Мои крики подняли на ноги Франциска, Шико и двухъ негровъ, которые принялись какъ можно ско-

¹⁾ Морскіе офицеры, говоря о насъ, выражались вообще «наши господа» и часто спрашивали у негровъ: «гдѣ наши господа? не видалъ ли ты нашихъ господъ?» Потому, когда я прогуливался даже отдѣльно отъ Марша, толпа обращалась ко мнѣ и моему товарищу съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «здравствуй наши господа, какъ ты поживаешь?»

рѣе освобождать меня отъ зловредныхъ насѣкомыхъ; но башикуэ, укушеніе которыхъ можно сравнить съ уколомъ двойнаго врючка, употребляемаго для ловли щукъ, кусаютъ съ такимъ ожесточеніемъ, что обыкновенно отрываетъ отъ себя только ихъ туловище, а голова остается въ ранѣ. Къ счастью, укушеніе ихъ скорѣе больно, чѣмъ ядовито, и проходитъ черезъ три, четыре часа. Путешественникъ — новичекъ на моемъ мѣстѣ — сталъ бы бросать горячую золу или обливать кипяткомъ враговъ, наполнившихъ мою комнату, но я тщателью удержался отъ этихъ средствъ, которыя только разсѣяли бы башикуэ по всѣмъ угламъ комнаты и заставили ихъ переполнить собою всѣ мои пожитки; я подождалъ, пока вся неприятельская армія пройдетъ черезъ мою территорію и допустить меня къ постели, что случилось не раньше какъ черезъ два часа.

Такъ какъ мы уже остановились на этомъ маленькомъ событіи въ моей жизни, событіи, случающаеся со мною не въ первый и не въ послѣдній разъ, то я считаю данный моментъ удобнымъ для ознакомленія читателя съ нѣкоторыми представителями мелкихъ зловредныхъ животныхъ, которыя безпрестанно жалятъ несчастнаго изслѣдователя экваторіальной Африки и составляютъ столь-же необходимую, сколь невыносимую принадлежность его путешествія. Каждому боярину свой почетъ; пальма первенства безспорно принадлежитъ москитамъ; ихъ кровавая репутація такъ прочно установилась, что считаю лишнимъ объяснять причины, по которымъ они считаются «*grætest nuisance*»; я ограничусь упоминаніемъ, что въ Габонѣ водятся москиты всѣхъ величинъ и всевозможныхъ породъ, что во многихъ мѣстностяхъ нѣтъ такой непроницаемой матеріи, которая могла-бы защитить отъ ихъ нападений. Не смотря на усталость, болѣзнь и лишеніе сна, я никогда не могъ заснуть тамъ, гдѣ было много москитовъ. Привыкнуть къ нимъ невозможно.

Это *испражнение земли*, выражаясь терминомъ добряка Ла-Фонтена, имѣетъ ожесточеннаго помощника по ремеслу въ *фуру*, свирѣпой маленькой мошкѣ, которую я имѣлъ случай описать, говоря о своемъ пребываніи у Бунда; будучи гораздо меньше москита, эта мошка не уступаетъ ему въ жестокости, встрѣчается иногда цѣлыми тучами, и такъ какъ не существуетъ матеріи настолько плотной, чтобы не пропустить ее, то я право не знаю, не будетъ ли она еще

несноснѣе самаго москита. Затѣмъ, въ разрядѣ несносныхъ животныхъ, слѣдуетъ многочисленная порода муравьевъ; г. Дюшалью насчитываетъ ихъ десять различныхъ видовъ, но ихъ больше; мы ограничимся подробнымъ описаніемъ видовъ, наиболѣе зловредныхъ. Сперва поговоримъ о башикуэ, которые едва не съѣли меня. Этотъ муравей значительно крупнѣе и прожорливѣе всѣхъ, встрѣчающихся въ экваторіальной Африкѣ. Вотъ что говоритъ о нихъ г. Дюшалью, производившій надъ ними точныя наблюденія: «Я не думаю, чтобы они строили для себя гнѣзда, или какія либо норы. Они никогда ничего не уносятъ съ собою, а съѣдаютъ все на мѣстѣ. Они, обыкновенно, ходятъ по лѣсамъ длинными правильными колоннами; каждая такая движущаяся колонна, при двухъ дюймахъ ширины, имѣетъ нерѣдко нѣсколько миль въ длину. По бокамъ колонны идутъ самыя большіе муравьи, которые ведутъ себя подобно офицерамъ, держась внѣ рядовъ и наблюдая за дисциплиною въ этой оригинальной арміи. Встрѣтивъ безлѣсное пространство, не защищенное отъ солнца, зноя котораго муравьи не выносятъ, они тотчасъ прорываютъ подземный путь, сквозь который проходитъ вся армія до слѣдующаго лѣса. Такіе тоннели дѣлаются въ четырехъ, пяти футахъ ниже поверхности почвы; муравьи пользуются ими только во время дневнаго зноя, или грозы. Проголодавшись, армія перемѣняетъ фронтъ, точно какой нибудь батальонъ, и рассыпается по лѣсу широкой полосой, пожирая все встрѣчное съ такимъ ожесточеніемъ, которому ничто не въ силахъ противиться. Даже слонъ и горилла убѣгаютъ отъ ихъ преслѣдованія. Черные спасаются со всѣхъ ногъ, потому что опасность угрожаетъ ихъ жизни. Всякое, поавшееся имъ животное, преслѣдуется съ ожесточеніемъ. Они, повидимому, маневрируютъ, слѣдуя тактикѣ Наполеона и быстро концентрируя главныя силы въ точкѣ нападенія. Въ одинъ моментъ всякое животное, мышъ, собака, леопардъ или газель, покрывается бойцами, убивается и пожирается, такъ что остается одинъ голый скелетъ. Муравьи эти путешествуютъ днемъ и ночью; часто, внезапно пробудившись, я долженъ былъ выбѣгать изъ дома и погружаться въ воду, чтобы спасти жизнь, и т. д. (*Экваторіальная Африка*). Я думаю, что во всякомъ случаѣ г. Дюшалью преувеличиваетъ, говоря, что слонъ убѣгаетъ отъ муравьевъ и что они пожираютъ леопардовъ. Мало того, желая быть

справедливымъ, я долженъ прибавить, что башикуэ не часто встрѣчаются и отъ нихъ легко уберечься, если только не попасть нечаянно въ середину колонны, какъ это случилось со мною:—стоитъ только посторониться вправо или влѣво, такъ какъ эти муравьи въ весьма рѣдкихъ случаяхъ атакуютъ добычу, не находящуюся прямо передъ колонною. Когда они забираются въ домъ, не слѣдуетъ ихъ тревожить, потому что они никогда долго не остаются, но уходятъ не прежде, какъ уничтоживъ все живое въ домѣ: мышей, жабъ, ящерицъ, таракановъ и множество другихъ паразитовъ, за истребленіе которыхъ всякій готовъ благодарить ихъ. Для меня, какъ и для всѣхъ охотниковъ, самый непріятный изъ муравьевъ, водившихся въ этихъ странахъ, рыжій листовенный муравей. Иногда, какъ наблюдалъ г. Дюшалью, они выбираютъ густолиственные верхушки вѣтвей и «склеиваютъ листья краями, дѣлая родъ мѣшка величиною съ апельсинъ», и устроивая себѣ тамъ гнѣздо; иногда, какъ и самъ нерѣдко наблюдалъ, посредствомъ многочисленныхъ волоконъ свертываютъ древесные листья на подобіе рога, въ которомъ и поселяются. Эти муравьи значительной величины, съ очень удлиненнымъ щиткомъ, чрезвычайно злы и подвижны. Сколько разъ, преслѣдуя какую-нибудь птицу и глядя на верхнія вѣтви дерева, я попадалъ лицомъ въ ихъ гнѣзда: тогда приходилось выносить дѣйствительно жестокаго страданія, потому что боль отъ ихъ укушенія очень сильна и чувствуется иногда цѣлыя сутки.—Есть еще другой рыжій муравей, путешествующій сжатыми колоннами подобно башикуэ; только эти муравьи гораздо меньше и безвреднѣе; туземцы называютъ ихъ нчугу: это та самая порода муравьевъ, которую пагуинцы ѣдятъ сваренною. Существуетъ еще четыре или пять породъ муравьевъ, къ которымъ принадлежитъ большой черный муравей; они, подобно только-что описанному, держатся обыкновенно въ лѣсахъ и на поляхъ; но такъ какъ нравы ихъ не представляютъ ничего особеннаго, то я и не буду о нихъ распространяться, а перейду къ другимъ породамъ, которыя завладѣваютъ нашими домами, пожираютъ все, что имъ попадетъ, уничтожаютъ коллекціи, приготовленные цѣною продолжительныхъ трудовъ и опасностей, и способны привести въ отчаяніе самаго терпѣливаго натуралиста или путешественника. Этихъ муравьевъ также много видовъ; я имѣлъ случай проклинать въ особенности четы-

ре изъ нихъ: очень большаго рыжаго муравья, работающаго только по ночамъ; онъ не кусаетъ человѣка, но производитъ страшныя опустошенія въ сѣстныхъ припасахъ; маленькаго чернаго муравья, очень подвижнаго и равнымъ образомъ весьма плотояднаго; наконецъ два микроскопическихъ вида, одинъ красный, другой черный, живущихъ легіонами во всѣхъ домахъ. «Они, повидимому, обладаютъ очень тонкимъ обоняніемъ; пока не почувютъ добычи, они невидимы, затѣмъ внезапно высыпаютъ, неизвѣстно откуда, такими массами, что путешественникъ удивляется и опасается быть самъ атакованнымъ такою-же арміею» (Дюшалью).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о породѣ муравьевъ, которая, не нападая ни на человѣка, ни на сѣстные припасы, тѣмъ не менѣе часто причиняетъ большія несчастія. Я разумѣю термитовъ; всѣ конечно слышали объ этихъ ужасныхъ маленькихъ землекопахъ, которые, акклиматизировавшись въ Европѣ, угрожали разрушить плотины въ Голландіи и теперь еще незамѣтно подкапываютъ нѣкоторыя зданія Ла-Рошеля и Рошефора ¹⁾. Знаменитые ученые посвящали имъ объемистыя, серьезныя изслѣдованія. Въ Экваторіальной Африкѣ въ особенности термиты представляютъ громадное бѣдствіе; ни одинъ домъ, построенный самымъ прочнымъ образомъ, не выдержитъ ихъ непрерывной, подземной работы, если изъ предосторожности его не построили на сваяхъ. Если путешественникъ оставитъ свой сундукъ на землѣ, менѣе чѣмъ въ недѣлю этотъ сундукъ, книги и платье, въ немъ заключающіяся, будутъ продырваны термитами на подобіе рѣшета. Купцы, уѣзжающіе недѣли на двѣ изъ своей факторіи, часто по возвращеніи находятъ свои товары въ самомъ плачевномъ состояніи; я припоминаю, что видѣлъ въ Аданлинанланго, какъ передъ глазами пораженнаго ужасомъ бакалейнаго торговца Сенклера вынули двадцать пять тюковъ матерій, совершенно разѣденныхъ. Въ Габонѣ водится множество разновидностей термитовъ, почти всѣ онѣ желтовато бѣлаго цвѣта и различаются лишь по способу постройки гнѣздъ, которыя всѣ замѣчательно замысловаты и тщательно отдѣланы. Эти гнѣзда строятся изъ жидкой земли и пріобрѣтаютъ чрезвычайную прочность; внутрен-

¹⁾ Гриффонъ де Баллэ (Tour du Monde, 1865).

ность ихъ наполнена безчисленнымъ множествомъ клѣточекъ, въ которыхъ термиты укрываются отъ вѣтра, дождя и особенно отъ нападений непріятелей; изъ враговъ термитовъ самые страшные для нихъ муравьи башикуэ. Большая часть изъ встрѣченныхъ мною сооруженій термитовъ была построена непосредственно на землѣ, изображая форму огромнаго гриба; многія изъ гнѣздъ имѣли до двухъ или трехъ футовъ высоты; другіе термиты помѣщаютъ свои жилища, построенныя изъ земли съ маленькими кусочками дерева, на очень высокихъ толстыхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Въ Габонѣ черные называютъ всѣхъ термитовъ н'шеллэ; здѣсь термитовъ такъ боятся, что г. Дюшалью вполне справедливо могъ замѣтить, что «однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для этой части Африки—было-бы освобожденіе ея отъ этого бича».

Въ началѣ этой главы я намѣревался сообщить читателю подробности о главныхъ насѣкомыхъ, отравляющихъ въ Экваторіальной Африкѣ существованіе путешественника, но вижу, что этотъ трудъ заведетъ меня слишкомъ далеко; поэтому я упомяну лишь вскользь о паукахъ, которые водятся въ Габонѣ въ невѣроятно большомъ числѣ видовъ. Представителемъ самой опасной изъ нихъ служить огромный желтый паукъ съ черными полосками, вооруженный страшными клешнями. Его встрѣчаютъ всюду въ изобиліи; онъ строитъ такія крѣпкія сѣти, что нерѣдко туда попадаютъ и гибнутъ суманга, монашенки и другія мелкія пташки. Кромѣ пауковъ, водятся еще слѣдующія насѣкомыя: особые тараканы, существа разрушающія, вонючія и безпокойныя; стоножки, укушеніе которыхъ причиняетъ жестокою лихорадку; тысяченожки, существа, правда, безвредныя, но весьма отвратительныя, такъ какъ въ Габонѣ часто достигаютъ полутора дюйма длины при одномъ дюймѣ толщины; отъ пятидесяти до шестидесяти видовъ лѣсныхъ клоповъ; вшей древесныхъ..... и тѣлесныхъ; однимъ словомъ—великое множество всякихъ гадинъ въ безчисленномъ количествѣ видовъ и представителей; есть еще эфемеры, которыя тысячами падаютъ въ супъ во время обѣда и проч. и проч. Я умалчиваю о многихъ и притомъ замѣчательныхъ, потому что имя имъ легионъ, и можно написать цѣлый томъ, не перечисливъ всѣхъ этихъ зловредныхъ животныхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Смерть короля-Солнце и ея послѣдствія.

Возвращеніе г. Валькера и Марша. Подробности ихъ экспедиціи.—Король Реноке присылаетъ намъ гориллу, которая оказывается шимпанзе.—Нѣтъ извѣстій ни о *Дельтѣ*, ни о королѣ-Солнце.—Почему я буквально передаю текстъ моего путевого журнала.—Печальный день Рождества.—Король-Солнце возвращается очень больнымъ.—Онъ отравленъ.—Предсмертныя агоніи стараго грѣховодника.—Мы обращаемся къ Реноке для прохода насъ внутрь страны.—Н'Комбе умеръ.—Радость иненга.—Церемонія столь же мрачная, сколько забавная.—Какимъ образомъ невольники, отказываясь быть убитыми, и женщины, не позволяя бичевать себя, нарушаютъ важную часть программы.—Завѣщаніе Н'Комбе.—Двое изъ его сыновей намѣрены жениться на своихъ мачихахъ.—Реноке соглашается провожать насъ.—Новыя задержки вслѣдствіе новыхъ неудачъ.—*Дельта* захватывается черными на мысѣ Лонецъ.—Amogal въ плѣну.—Осажденные въ Аданлинанланго.—1-е января 1874 г. проходитъ въ работѣ на укрѣпленіяхъ.—Превосходные помощники.—Варварство.—Аданлинанланго представляетъ настоящій адъ.—Смерть отъ лишняго количества выпитой водки. Большая новость! *Дельта* освободилась и помощь является.—Перемѣна къ намъ черныхъ. Наемъ и расплата съ провожатыми.—Прибытіе *Марабу*.—Радость при видѣ друзей.—Г. Гизольфъ энергично ускоряетъ нашъ отъѣздъ.—Мы наконецъ двинулись.

Г. Валькеръ и Маршъ возвратились 8 или 9-го декабря; ихъ поѣздка совершилась благополучно, только дурная погода и сильный туманъ помѣшали изслѣдовать озеро Огемуэнъ на такомъ протяженіи, какъ имъ хотѣлось; тѣмъ не менѣе они подвинулись на двѣ или

на три мили далѣе острова Фетишъ, крайняго пункта, достигнутаго Маршемъ и мною въ августѣ мѣсяцѣ. Они нашли, что озеро, далеко не кончаясь въ этомъ мѣстѣ, напротивъ—шло впередъ, расширяясь, насколько могъ видѣть глазъ.

Озеро Изанга, широту котораго опредѣлилъ г. Валькеръ, не очень обширно; на берегахъ его живетъ много бакалейцевъ, занимающихся собираніемъ каучука и охотою на слоновъ. Бакалейцы покрыли всю эту мѣстность плантаціями банановъ въ такомъ большомъ количествѣ, что отдаютъ почти за ни что, между тѣмъ какъ у галлуасовъ и габонцевъ этотъ плодъ относительно дорогъ. Здѣшніе бакалейцы весьма трудолюбивы, очень охотно, повидимому, принимаютъ бѣлыхъ, и путешественникъ, проходящій по ихъ землѣ, навѣрно найдетъ въ достаточномъ количествѣ проводниковъ и носильщиковъ или скорѣе носильщицъ (потому что въ этой странѣ, обыкновенно, женщины занимаются переноскою тяжести на головѣ). Маршъ привезъ скелетъ, въ сожалѣнію неполный, огромной гориллы, убитой близъ факторіи Дигоми. Въ этомъ путешествіи его особенно поразила полная перемѣна наружнаго вида озера З'Онангэ. Всѣ скалы и песчанья банки съ его береговъ исчезли; большинство острововъ покрылось водою; большая часть нашихъ прежнихъ мѣстъ охоты была затоплена; наконецъ священныя птицы покинули островъ Н'Гурэ.

10-го декабря г. Валькеръ отправилъ *Дельту* съ г. Аморалемъ въ Йомбэ для принятія товаровъ, ожидаемыхъ изъ Габона; онъ отдалъ формальный приказъ привести его пароходъ обратно къ 15-му и весьма любезно обѣщалъ къ этому времени сопровождать насъ до начала пороговъ. Король-Солнце отправился 5-го въ объѣздъ по своему государству; его отсутствіе должно было продолжаться не болѣе пяти, шести дней, и мы ожидали его каждую минуту. И такъ нашъ отъѣздъ былъ неизбеженъ, и мы дѣятельно приготовлялись къ путешествію, хотя здоровье наше было не въ блестящемъ состояніи. Меня, въ то время, каждый день посѣщали лихорадка и рвоты; большіе приемы ипекакуаны, хинина и эпсомской соли не помогали мнѣ; кромѣ того у меня сразу появилась дюжина очень большихъ чирьевъ, много мучившихъ меня.

Въ это время король Реноке, обѣщавшій, Богъ знаетъ сколько

разъ, заставить своихъ охотниковъ убить для насъ гориллу, торжественно прислалъ намъ большое четверорукое, которое, по его увѣренію, было н'жина (горилла). Его невольники убили это животное копьемъ на одной изъ банановыхъ плантацій, наиболѣе имъ опуштошаемой. Это была самка и, несомнѣно, весьма старая, такъ какъ клыки у нея оказались совершенно стертymi, ростомъ она была не болѣе четырехъ футовъ съ половиною; при повѣркѣ эта горилла оказалась огромнымъ шимпанзе. До сихъ поръ мы не встрѣчали шимпанзе, хотя они довольно многочисленны въ нѣкоторыхъ частяхъ Габона, и въ данномъ случаѣ мы думали, согласно съ увѣреніями черныхъ, что получили малую породу гориллы; мы щедро заплатили королю Реноке, который, конечно, будетъ очень радоваться тому, что обманулъ насъ, продавъ *н'схiego* вмѣсто *н'жина*. Впрочемъ мы не особенно сожалѣли, потому что присланное имъ животное представляетъ весьма замѣчательную разновидность шимпанзе, и Бувье, артистически набившій его чучело, очень имъ гордится.

Между тѣмъ время шло, а ни *Н'Комбе*, ни *Дельта* не возвращались. Наступило 24 декабря, и мы не имѣли никакихъ извѣстій ни о королѣ, ни о пароходѣ. Начиная съ 25-го декабря слѣдовали, почти ежедневно, событія крайне важныя для насъ, и потому я прошу у читателя позволенія привести здѣсь текстъ моего путевого журнала въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ въ эту эпоху.

25 декабря. При восходѣ солнца насъ будятъ гапонцы, которые кричатъ у двери нашей хижины: «Христмасъ! Христмасъ» (Рождество! Рождество!)! Я нахожу, что поздравленія въ Аданлинанланго довольно несносны. Въ полдень мы отпраздновали день рождества, устроивъ большой обѣдъ. Однако никто не былъ веселъ, не смотря на внезапное появленіе нѣсколькихъ бутылокъ шампанскаго, принесенныхъ г. Валькеромъ, и огромнаго пудинга, приготовленнаго Сенклеромъ; Богъ знаетъ, изъ чего. Необъяснимое отсутствіе *Дельты* тѣмъ болѣе беспокоитъ насъ, что этотъ пароходъ долженъ былъ проѣзжать, для прибытія въ Йомбэ, черезъ гостепріимную страну Кама; кромѣ того начали распространяться зловѣщія слухи о причинахъ отсутствія *Н'Комбе*, о которомъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ извѣстій.

27 декабря. Король *Н'Комбе* возвратился сегодня: *Sed quantum mutatus ab illo!* Его взглядъ угрюмъ, лицо, истощенное и блѣдное, не-

узнаваемо. Ходить слухъ, что онъ отравленъ, и я готовъ охотно вѣрить этому. Тотчасъ по прїѣздѣ онъ обратился ко мнѣ съ просьбою: «Компъень, сказалъ онъ, я околдованъ, я умру, дай мнѣ немного рому». Г. Валькеръ хотѣлъ лечить его, но вся деревня воспротивилась этому; требовалось, чтобы онъ лечился туземнымъ способомъ, лекарствами, приготовляемыми фетишеромъ, и какими лекарствами! Ежеминутно въ него вливаютъ тыбвенныя бутылки, наполненныя лекарствами самаго отвратительнаго вида. Жены короля всѣ въ его хижинѣ; онѣ воображаютъ, что когда Н'Комбе спитъ, значитъ сейчасъ умретъ; поэтому, если несчастный, истощенный усталостью, закроетъ глаза, двѣ изъ его фаворитокъ, сидя на его постели, начинаютъ хлопать надъ нимъ въ ладоши и прогоняютъ сонъ. Въ шесть часовъ всѣ мужчины Адалинанланго и окрестностей собрались передъ хижиною больного и произвели страшную суматоху; всѣ они, съ зелеными вѣтками въ рукахъ, хоромъ прокричали проклятія негодяю, околдовавшему и отравившему ихъ прекраснаго властителя. Эта церемонія раздражила Н'Комбе. Если-бы даже король-Солнце выздоровѣлъ, онъ не былъ-бы въ состояніи провожать насъ въ страну Оканда. Мы не желаемъ дальнѣйшихъ задержекъ. Поэтому, съ сегодняшнаго-же дня мы предложили Реноке начальство надъ нашей экспедиціею, съ условіемъ, чтобы онъ немедленно устроилъ отъѣздъ. Реноке съ жаромъ принялъ наше предложеніе.

28 декабря. Сегодня, въ припадкѣ горячки, Н'Комбе схватилъ саблю, выгналъ всѣхъ своихъ женъ изъ хижины и сѣлъ съ непокрытою головою подъ палящими лучами солнца. Маршъ и я должны были каждый взять его подъ одну руку, чтобы отвести въ хижину. Совѣсть стараго грѣхотворника далеко не чиста и, въ послѣднюю минуту жизни, онъ подвергается страшнымъ галлюцинаціямъ. Онъ постоянно видитъ себя плавающимъ въ крови, повсюду встрѣчаетъ лужи крови и безпрестанно борется съ воображаемыми духами, которые, говоритъ онъ, хотятъ схватить его. Въ половинѣ втораго онъ спросилъ Валькера и умолялъ его полечить бѣднаго умирающаго друга, говоря, что одинъ бѣлый понималъ въ леченіи больше, чѣмъ всѣ черные.—Г. Валькеръ объяснилъ ему, что это невозможно, потому что галлуасы не хотятъ.— «Ты правъ, печально сказалъ король-Солнце, оставь меня умереть». Онъ отвернулся къ стѣнѣ. Съ этой минуты онъ болѣе не гово-

рилъ съ нами. Около одиннадцати часовъ вечера онъ успокоился и былъ въ полномъ сознаниі. Онъ воспользовался этимъ состояніемъ, чтобы составить нѣчто вродѣ завѣщанія. Просилъ своихъ женъ не покидать деревни, жить съ любовниками, но не выходить вторично замужъ: онъ выразилъ желаніе, чтобы бѣлые одѣли ихъ, послѣ его смерти, въ богатыя ткани и провели передъ факторію; наконецъ онъ закончилъ различными распоряженіями относительно своихъ дѣтей: завѣщалъ свою любимую жену М'Буру старшему сыну Олимбо, другую, также очень любимую жену, Акева, самому младшему брату Олимбо.

29 декабря. Сегодня утромъ, въ шесть часовъ, я былъ у короля; онъ горитъ въ лихорадкѣ и мучится кровавыми видѣніями. У его дверей стоитъ сотня людей, производящихъ, съ большимъ шумомъ, новый обрядъ проклятія тѣхъ, которые привели Н'Комбе въ такое состояніе. Въ семь съ половиною часовъ я отправился въ пирогѣ въ Ломбарени, гдѣ окончателно долженъ былъ переговорить съ Реноке насчетъ условій, относительно снабженія насъ людьми и перевозки насъ и нашей поклажи въ страну Оканда. Я заперся съ королемъ Реноке, его тремя племянниками и онѣро (старшинами, членами совѣта у уенга) въ залѣ совѣта, и мы вмѣстѣ разсуждали о платѣ, необходимой для каждаго изъ сопровождавшихъ насъ лицъ, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и въ хижину бросился человекъ съ крикомъ: «*Н'Комбе айуви!* (Н'Комбе, умерь!)! Дикая радость заблестала въ глазахъ всѣхъ онеро, которые втайнѣ были смертельными врагами короля галлуасовъ, внушавшихъ имъ сильную зависть и сильный страхъ. Что касается Реноке, то онъ просіялъ, потому что съ этой минуты онъ становился *кингъ насъ тодосъ* (королемъ надъ всѣми). Тѣмъ не менѣе его придворные сдержали себя въ моемъ присутствіи, а Реноке, съ большой важностью, ограничился слѣдующимъ заявленіемъ:

— Это насъ не касается. Будемъ продолжать наше совѣщаніе. —

Но я опасался какихъ-нибудь беспорядковъ въ Аданлинанланго и, отложивъ засѣданіе на завтра, сѣлъ въ пирогу и приказалъ гребцамъ какъ можно скорѣе ѣхать въ факторію. Мы ѣхали не болѣе часа. Густое облако дыма висѣло надъ Аданлинанланго и со всѣхъ сторонъ раздавалась столь сильная ружейная пальба, что я могъ

подозрѣвать ожесточенную битву, если-бы не зналъ до какой степени галлуасы любятъ жечь порохъ въ честь своихъ покойниковъ. Я успѣшно взобрался на холмъ и пришелъ къ хижинѣ короля; вошелъ въ комнату и протолпился къ смертнымъ останкамъ бѣднаго Н'Комбе, среди нѣсколькихъ десятковъ женщинъ, которыя съ зелеными вѣтками тростника на головахъ, въ знакъ траура, катались по землѣ, издавая дикіе вопли. Покойника посадили въ его большое кресло и надѣли ему на голову колпакъ съ бубенчиками, служившій прежде, вѣроятно, для роли шута въ какомъ нибудь театрѣ; на немъ былъ шитый золотомъ жилетъ, подаренный нами, и его лучшіе запоны; между ногами у него помѣщалось семь, восемь тростей, а надъ головою былъ развернутъ огромный дождевой зонтикъ, которымъ покойникъ, бывало, такъ гордился. Его обѣ любимыя жены держали каждая за одну его руку и, по временамъ, встряхивали ихъ; его сыновья стояли подлѣ и плакали. Это зрѣлище представляло странную смѣсь чего-то мрачнаго и смѣшнаго. Всѣ мужчины деревни сидѣли вокругъ хижины съ ружьями въ рукахъ; по временамъ они дѣлали погребальный залпъ. Лишь только король закрылъ глаза, галлуасы хотѣли разграбить его магазины, въ которыхъ, по слухамъ, заключались несмѣтные богатства; но невольники короля, въ числѣ двадцати пяти, тридцати человѣкъ, объявили, что убьютъ перваго, кто прикоснется къ магазину; они вели себя не какъ невольники, а какъ господа, и поклялись до самой смерти защищать права дѣтей Н'Комбе и его женъ. Въ данную минуту они собрались съ ружьями къ магазинамъ, и ихъ неожиданный маневръ разсѣялъ грабителей.—

Въ одиннадцатъ часовъ, согласно съ желаніемъ, высказаннымъ умирающимъ королемъ-Солнце, его трупъ обнесли въ гамакъ вокругъ факторій и деревни. Процессія, предшествуемая аккордеономъ, барабаномъ и незатѣйливымъ оркестромъ продавца крановъ, была очень многочисленна и производила адскій шумъ. По распоряженію г-на Валькера, Сенклеръ выставилъ боченокъ рому для празднованія, совершенно оригинальнымъ образомъ, поминокъ по славномъ вождѣ. Около трехъ часовъ женщинъ удалили изъ хижины, чтобы положить тѣло въ гробъ. Для этой цѣли факторія выдала огромный ящикъ; его наполнили до половины лучшими вещами покойнаго и положили его на это драгоцѣнное ложе; затѣмъ продолжали наполнять ящикъ ве-

щами, пожертвованными факторіею или принадлежавшими Н'Комбе, каковы: его большая складная шляпа, шляпа съ золотымъ солнцемъ, его трости, зонтики, кубки, флаконы съ лавандовой водою и множество всякихъ матерій. Все это полили четырьмя бутылками джина, послѣ чего столяръ факторіи заколотилъ гробъ огромными гвоздями. Всѣ женщины снова вошли въ хижину, и послѣдовалъ такой сильный взрывъ отчаянія, который, если только это возможно, былъ сильнѣе предыдущихъ. Не только женами Н'Комбе, но и всѣми женщинами какъ-будто овладѣлъ злой демонъ.

Сегодня никто не долженъ ночевать въ хижинахъ деревни Аданли-нанланго. Поэтому галлуасы со всѣхъ концовъ развели большой огонь, намѣреваясь провести ночь за деревнею.

Н'Комбе, какъ говорятъ, двѣ недѣли тому назадъ остановился въ той самой деревнѣ, которую сжегъ, казнивъ многихъ ея обитателей. Онъ чувствовалъ жажду; обыкновенно онъ не прикасался ни къ какому напитку или пищѣ, не давъ предварительно отвѣдать двумъ своимъ женамъ. *Sed quos vult perdere Jupiter dementat.* Н'Комбе, среди людей, которыхъ имѣлъ полное основаніе опасаться, пренебрегъ предосторожностями, всегда соблюдаемыми имъ въ кругу самыхъ преданныхъ друзей. Одна женщина изъ деревни принесла ему пальмоваго вина, которое онъ выпилъ залпомъ, не давъ попробовать своимъ женамъ. Нѣсколько часовъ спустя онъ почувствовалъ первые признаки болѣзни, уложившей его въ могилу.—М'Буру увѣряла, что въ ту минуту, когда король испускалъ послѣдній вздохъ, она была въ хижинѣ, и видѣла, какъ оттуда вышло большое бѣлое привидѣніе, направившееся къ рѣкѣ.

Въ восемь часовъ вечера прибылъ знаменитый фетишеръ, предназначенный разыгрывать роль *ясси* (страшнаго, могущественнаго духа); онъ носитъ на лицѣ бѣлую маску и обернуть множествомъ маленькихъ цыновокъ, приготовляемыхъ ивейя'ми. Его приходъ служитъ сигналомъ новыхъ церемоній; намъ нечего и думать о снѣ въ эту ночь. Въ одиннадцать часовъ, послѣ захода луны, изъ похоронной комнаты выгнали женщинъ и нѣсколько преданныхъ мужчинъ тайно унесли тѣло короля въ его послѣднее земное жилище. Мѣсто, гдѣ положенъ его гробъ, извѣстно лишь тѣмъ, которые погребали его. За открытіе этого мѣста постороннимъ, они наказываются смертию.

Мы знаемъ только, что трупъ Н'Комбе не зарытъ въ землю, а скрытъ въ одной хижинѣ, тайно выстроенной въ непроходимой чащѣ огромнаго лѣса.

30 декабря. Въ два часа утра, по погребальной программѣ, слѣдовало убить трехъ или четырехъ невольниковъ въ честь ихъ господина. Впрочемъ поведение этихъ невольниковъ наканунѣ заставляло предполагать, что исполненіе означенной части программы встрѣтитъ большія затрудненія.

Галлуасы рѣшились прибѣгнуть къ хитрости: они просили невольниковъ сдѣлать общій залпъ въ память покойнаго короля; если бы бѣдняки поддались на эту уловку, то были-бы схвачены и обезоружены прежде, чѣмъ успѣли вторично зарядить ружья; однако они заподозрили обманъ и отвѣчали, что ихъ ружья заряжены пулями, которыя они берегутъ для людей, на случай если ихъ вздумаютъ потревожить. Поэтому галлуасы отказались отъ умерщвленія рабовъ и перешли къ другой церемоніи. Обычай требовалъ высѣчь кнутомъ всѣхъ женъ покойнаго: эти несчастныя жены находятся въ настоящее время въ самомъ плачевномъ положеніи. Никто не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія, исключая враждебныхъ имъ женщинъ, которыя долго завидовали ихъ счастію и теперь всячески оскорбляли ихъ. Въ теченіи одного мѣсяца всѣ наслѣдники короля раздѣляютъ ихъ между собою, какъ какой-нибудь скоть, и особенно старымъ придется влачить жалкое существованіе. Тѣмъ не менѣе въ настоящемъ случаѣ всѣ эти женщины нашли возможность избавиться отъ наказанія бичемъ, увѣряя клятвенно, что Н'Комбе, умирая, не приказывалъ бичевать своихъ женъ послѣ своей смерти. Это, впрочемъ, весьма вѣроятно, потому что бѣдный король-Солнце очень любилъ ихъ..... по своему. До наступленія дня мужчины лежали ницъ, выражая самую глубокую скорбь. Вдругъ, въ моментъ восхода солнца, они, совсѣмъ неожиданно, предались самой безумной радости. Съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ они выполняли всевозможные танцы, смѣялись, кричали и давали другъ другу дружескіе пинки; затѣмъ они изобразили битву, закончившуюся общимъ хороводомъ. Слѣдуетъ ли предполагать въ этой внезапной радости послѣ печали указаніе на вѣрованіе въ будущую жизнь, символъ какого-либо возрожденія? Я не думаю; нѣкоторые изъ черныхъ, правда, представляютъ себѣ, что покойникъ при-

нимаетъ форму извѣстнаго животнаго, обыкновенно бабочки; но большинство думаетъ, какъ объ этомъ можно судить по содержанію ихъ похоронныхъ пѣсенъ, что послѣ смерти все кончено. Вотъ почему они такъ боятся умирать.

31 декабря. Сегодня утромъ Реноке извѣстилъ насъ, что принимаетъ плату 25 франковъ на человѣка, предложенную нами желающимъ сопровождать насъ въ страну Оканда, и что самъ онъ, съ своими людьми, будетъ готовъ не позже какъ черезъ четыре, пять дней. Это извѣстіе очень обрадовало насъ, впрочемъ ненадолго. Въ четыре часа по полудни прибылъ Иссогэ, единственный предводитель кама, не враждебныхъ г. Валькеру. Онъ явился подъ строгимъ секретомъ объявить г. Валькеру, что *Дельта* была настигнута и атакована у мыса Лепецъ его соотечественниками кама; пароходъ попалъ въ руки черныхъ съ Аморалемъ и всѣмъ его экипажемъ; самъ Амораль былъ жестоко избитъ палками и очень страдалъ; наконецъ что орунгу соединились съ кама, и около пятисотъ воиновъ изъ этихъ двухъ племенъ готовятся подняться по рѣкѣ, сжечь факторію, убить г-на Валькера, котораго особенно ненавидѣли, и выгнать обоихъ французовъ въ Огуэ, такъ какъ не желаютъ видѣть бѣлыхъ на этой рѣкѣ. Вотъ новая задержка въ нашемъ путешествіи, такъ какъ мы не можемъ оставаться съ г. Валькеромъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Въ половинѣ седьмаго мы устроили совѣщаніе: галлуасы готовы стоять горю за насъ, и мы рѣшили защищаться до послѣдней возможности. Г. Валькеръ немедленно отправилъ нѣсколькихъ надежныхъ человѣкъ съ порученіемъ пробраться по сухому пути, черезъ страну пагуинцевъ, въ Габонъ и отнести комманданту письма, извѣщавшія его о нашемъ критическомъ положеніи.

1-е января 1874 г. Мы провели новый годъ работая такъ, какъ не работаютъ негры, укрѣпляя большую хижину, занимаемую нами въ деревнѣ покойнаго Н'Комбе. Факторія не представляетъ надежнаго пункта, и потому мы переносимъ сюда все, что въ ней есть наиболѣе цѣннаго. Маршъ нашъ главный инженеръ. Къ счастью, мы располагаемъ сорока боченками, которые, будучи наполнены землею, представляютъ отличные туры. Кромѣ того мы защищаемъ нашу линію обороны довольно глубокимъ рвомъ. Намъ помогали всего нѣсколько человѣкъ крумановъ, служившихъ при факторіи; а наши союзники

галлуасы готовы биться, какъ они уверяютъ, но формально отказываются отъ работы; они до такой степени грубы, что не хотятъ позволить намъ разрушить маленькую хижину, очень стѣсняющую насъ и за которую мы предлагаемъ заплатить больше, чѣмъ она стоитъ.

Впрочемъ эти галлуасы чрезвычайно раздражены и беспокойны: ссоры происходятъ между ними ежеминутно, ружья всегда на-готовѣ и каждую минуту опасаясь, что дѣло дойдетъ до рукопашной.

2 января. Мы продолжаемъ усиленно работать. Сегодня, послѣ очень бурной ссоры, было рѣшено открыть знаменитые магазины короля-Солнце. Къ крайнему изумленію присутствующихъ, въ нихъ не оказалось товаровъ и на сто франковъ. Эту бѣдность Н'Комбе не трудно объяснить, хотя онъ и получалъ богатые подарки: въ теченіи двухъ лѣтъ король купилъ девять женъ и не малое число невольниковъ, и считалъ своимъ долгомъ чести по княжески принимать посѣщавшихъ его своихъ подданныхъ или иностранныхъ предводителей. Но нашлись многіе, обвинявшіе женъ и дѣтей монарха въ расхищеніи его сокровищъ; послѣдовала жестокая схватка, въ которой невольники приняли, конечно, сторону обвиненныхъ. Послѣ нѣсколькихъ тумановъ, полученныхъ той и другой стороною, дѣло наконецъ уладилось и черезъ полчаса возстановилось спокойствіе. Вслѣдъ затѣмъ настало новое смятеніе. Галлуасы Аданлинанланго повлялись, что заставить выпить м'бунду женщину, отравившую, по ихъ мнѣнію, Н'Комбе. Не будучи въ состояніи завладѣть ею, они схватили пять или шесть человѣкъ изъ своей деревни въ качествѣ заложниковъ, пока отравительница не будетъ предана въ ихъ руки. Несчастныхъ заложниковъ заковали въ цѣпи и обращались съ ними самымъ варварскимъ образомъ. Вдовы Н'Комбе—настоящіе фуріи: вооружившись горящими головнями, онѣ наносили страшные обжоги несчастнымъ, хотя и убѣждены въ ихъ полной невинности. Это дикое зрѣлище вывело насъ изъ терпѣнія: Маршъ и я взяли каждый по дубинѣ и проучили милыхъ дамъ такъ, что онѣ не захотятъ возобновить своей забавы. Затѣмъ мы перевели арестованныхъ къ нашей хижинѣ и запретили беспокоить ихъ. У насъ въ факторіи были служащіе изъ уругуйцевъ; опасаясь, чтобы они не приняли сторону своихъ соотечественниковъ, мы хотѣли арестовать ихъ и держать въ качествѣ заложниковъ; но они поняли въ чемъ дѣло, и теперь постоянно воору-

жены и на-сторожѣ. Впрочемъ, они поклялись быть намъ вѣрными, даже идти противъ своихъ; но можно-ли довѣрять этимъ людямъ?

3 января. Адалинанланго—настоящій адъ. Сегодня произошла страшная суматоха и дрались цѣлый день. Г. Валькеръ не осмѣливается отказывать галлуасамъ въ ромѣ, и они постоянно пьяны. Кроме того, на головѣ одного изъ родственниковъ Н'Комбе нашли знаменитый шутовской колпакъ короля, украденный имъ съ трупа. Часть жителей хотѣла заковать виновнаго; но послѣдній, имѣя многочисленныхъ друзей, энергически защищался, и удары сыпались съ обѣихъ сторонъ какъ градъ. Между тѣмъ сегодня вечеромъ мы получили значительное подкрѣпленіе: Папа Юсуфъ, старый храбрый сенегалецъ, пришелъ изъ своей факторіи Адалинанланго и вмѣстѣ съ нимъ англичанинъ, по имени Спаршоль, агентъ одной изъ факторій г-на Валькера. Бакалейный торговецъ Сенклеръ работаетъ превосходно: мысль, что его товары могутъ быть разграблены, чрезвычайно одушевляетъ его.

5 января. Сегодня ночью одинъ галлуасъ, сдѣлавъ маленькое отверстіе въ одной изъ бочекъ съ водкою въ факторіи, напился драгоценной влаги черезъ трубочку. Онъ пилъ до того, что его нашли мертвымъ на мѣстѣ. Теперь съ насъ хотятъ требовать вознагражденіе за смерть этого негодяя. Трудно составить себѣ понятіе о нахальствѣ черныхъ, сознающихъ наше критическое положеніе. Г. Валькеръ придумалъ призвать на помощь одно племя бакалейцевъ; они прибыли сегодня и страшно пьянствовали, послѣ чего объявили, что будутъ защищать насъ до послѣдней капли крови, если мы переселимся къ нимъ со всѣми товарами факторіи. Это значило идти въ волчью пасть.

Сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, мы услышали множество ружейныхъ выстрѣловъ со стороны факторіи. Нашею первою мыслью было, что кама высадились на берегъ и настала часъ битвы; но черезъ нѣсколько минутъ мы были пріятнымъ образомъ выведены изъ заблужденія. Дѣйствительно пріѣхали черные, но это были люди, служащіе у г-на Валькера и бѣжавшіе съ мыса Лопецъ, гдѣ были въ плѣну съ Аморалемъ; отъ нихъ мы тотчасъ-же узнали, что Иссогэ слишкомъ преувеличилъ описаніе нашихъ бѣдъ. Кама, дѣйствительно, атаковали *Дельту* и взяли въ плѣнъ Аморала и многихъ другихъ, но самъ пароходъ не попалъ въ ихъ руки; съ нѣсколькими людьми изъ экипажа онъ успѣлъ уйти къ Габону.

Галлуасы и люди въ факторіи стрѣляли изъ ружей для выраженія радости. И они правы, потому что наше положеніе теперь совершенно измѣнилось. Очевидно, коммендантъ Габона извѣщенъ *Дельтою* обо всемъ случившемся и немедленно пришлетъ намъ помощь.

6 января. Сегодня королевскія жены, запертыя со дня смерти короля въ хижинѣ ихъ покойнаго супруга, отправились церемоніальнымъ маршемъ мыться, въ чемъ, повидимому, крайне нуждались. Затѣмъ онѣ выбрили себѣ головы и выкрасили тѣло красной и желтой краскою. Эту ночь, какъ и предшествовавшія, невозможно было сомкнуть глазъ; Галлуасы устроили шумную церемонію въ честь духовъ, которыхъ просятъ открыть имъ убійцъ Н'Комбэ. Еще днемъ было приготовлено ж'бунду въ нашемъ присутствіи. Раньше я описывалъ способъ приготовления этого страшнаго яда.

6 января. Теперь, когда г. Валькеръ не подвергается никакой опасности въ Аданлинанланго, мы можемъ продолжать наши приготовления къ отъѣзду. Сегодня были наняты двадцать два иненга. Завтра мы пригласимъ желающихъ галлуасовъ.

Каждый изъ сопровождающихъ насъ получить пять піастровъ, изъ которыхъ три будутъ заплачены впередъ, а два—по возвращеніи въ Аданлинанланго.

7 января. Мы набрали пятьдесятъ семь галлуасовъ. Иненга получили плату сегодня отъ Марша, который въ настоящую минуту исполняетъ всѣ обязанности, такъ какъ у меня лихорадка и постоянныя рвоты.—Реноке, въ видѣ особеннаго подарка, получилъ два ружья, двадцать сажень матеріи, духи и проч. Онъ, повидимому, весьма энергично принялся за дѣло.

8 января. Сегодня галлуасы, въ свою очередь, получили плату. Я цѣлый день провелъ въ постели. Въ девять часовъ вечера насъ извѣстили, что *Марабу* бросилъ якорь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Аданлинанланго. Эта новость чрезвычайно обрадовала меня: прежде чѣмъ пуститься, послѣ сильной болѣзни, на новыя, неизвѣстныя опасности, я чувствовалъ почти ребяческую, но тѣмъ не менѣе настоящую потребность освѣжить голову, утомленную страданіями и непрерывными неурядицами, проведя нѣсколько часовъ съ французами, на французскомъ боевомъ суднѣ. Понятно, что въ такія минуты приходишь въ восторженное состояніе.

Не имѣя силъ дожидаться, я и Маршъ соорудили пирогу и въ одиннадцать часовъ прибыли на *Марabu*, на которомъ всѣхъ перебудили. Коммендатель Гизольфъ пріѣхалъ въ сопровожденіи одного гардемарина и хирурга флота: эти господа заставили насъ занять ихъ постели—тѣ самыя, на которыхъ мы спали во время путешествія въ Фернандъ-Вацъ, и мы заснули съ облегченнымъ сердцемъ. Эти нѣсколько часовъ позволили намъ забыть о всѣхъ нашихъ несчастіяхъ.

9 января. Мы провели весь день на пароходѣ: *Марabu* подвинулся сегодня къ Ломбарени; г. Гизольфъ, въ полной парадной формѣ, отправился съ оффиціальнымъ визитомъ къ Реноке и его тремъ племянникамъ; эти туземцы люди далеко не безопасные, но я думаю, что они не будутъ вредить намъ, потому что комендантъ объявилъ ихъ отвѣтственными за всѣ неудачи, которыя могутъ причинить намъ иненга; они, повидимому, страшно перепугались. Затѣмъ г. Гизольфъ отправился въ Адамлинанланго, гдѣ онъ произнесъ собравшимся галлуасамъ энергическое внушеніе, которое, какъ я надѣюсь, было ими почувствовано. Галлуасы вздумали-было опять отложить нашъ отъѣздъ; но г. Гизольфъ объявилъ, что, послѣ того какъ имъ роздана плата, онъ приказываетъ имъ ѣхать, и не позже какъ завтра въ полдень, въ его присутствіи. Черные сильно перепугались *оваро туту* (дымящейся лодки) и ея пушекъ; поэтому есть надежда, что мы отправимся завтра.

10 января. Благодареніе Богу! мы тронулись. Маршъ, болѣе здоровый чѣмъ я, принялъ начальство надъ галлуасами, войскомъ безпорядочнымъ и лишеннымъ всякой дисциплины. Я сажусь въ большой пирогъ короля Реноке, и, въ половинѣ двѣнадцатаго, послѣ прощальнаго завтрака на *Марabu* и трехъ залповъ въ честь французскаго флага, наша маленькая армія отправляется въ походъ въ пяти пирогахъ; на каждой изъ нихъ развѣвается трехцвѣтное знамя. Съ Богомъ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъ мыса Фетишъ до страны Оканда.

Галлуасовъ очень трудно заставить ѣхать.—Очень дурно составленный конвой. Мы проѣзжаемъ мысъ Фетишъ.—Воззваніе короля Реноке къ духамъ.—Его вступительная рѣчь не имѣеть успѣха.—Проливной дождь.—Слишкомъ продолжительная просушка.—Посѣщеніе гипнопотама.—Запасы слоноваго мяса.—Послѣднее прости *Марабу*.—Первые пороги Огоуэ.—Приѣздъ къ Окота.—Грязный, безобразный народъ.—Разоблаченіе поддѣльнаго короля.—Удивительный слѣпецъ.—Эдибэ, король всѣхъ Окота.—Мѣна подарками.—Дѣла разстраиваются.—Проклятіе Эдибэ.—Трудное, опасное плаваніе.—Ялимбонго.—Гора Отомби и озеро Фетишъ.—Первыя деревни Апинги.—Перебѣжчикъ осіеба.—У него очень дурной нравъ.—Бѣлый, какъ и мы, но ничего не имѣющій.—Забавный король.—Проданный за любовь къ женщинѣ.—Ракета.—Международный конгрессъ.—Семеро изъ нашихъ провожатыхъ убѣгають.—Признаки бури.—Общее возстаніе галлуасовъ.—Возмущеніе подавлено.—Водопадъ Эландья.—Моя кумушка, королева бакалейская.—Первая деревня Оканда.—Страшная гроза.—Уловка короля Реноке.—Мы проходимъ черезъ ворота Оканда.—Хорошій моментъ въ нашемъ путешествіи.—Приѣздъ въ Лопецъ.

10-го января, какъ я сказалъ въ предъидущей главѣ, мы отправились въ страну Оканда, Маршъ съ галлуасами, я съ иненга. Маршу стоило невѣроятныхъ усилій заставить ѣхать галлуасовъ.

Кромѣ того, двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ изъ нихъ, получивъ по три піастра впередъ, не явились на переключку въ послѣднюю минуту; а изъ пришедшихъ по крайней мѣрѣ половина были горчайшіе пьяницы, самые лѣнныя и непослушныя изъ всей дерев-

ни. Впрочемъ по смерти Н'Комбе галлуасы никому не хотѣли повиноваться; Маршъ принудилъ ихъ выбрать себѣ предводителя, и они выбрали человѣка болѣе или менѣе порядочнаго, по имени Манило, но не имѣвшаго рѣшительно никакой власти надъ ними. Въ первый же день отъѣзда мы ясно видѣли все безчисленныя непріятности, предстоявшія намъ съ такими проводниками; но выбирать было не изъ чего; надо было, во что бы то ни стало, подвигаться впередъ. Два часа спустя послѣ нашего отъѣзда, *Марабу* снялся съ якоря въ Ломбарени и тронулся по одному съ нами направленію. Г. Гизольфъ рѣшился подняться съ своимъ пароходомъ по Огоуэ до самыхъ пороговъ. Эта попытка была тѣмъ болѣе похвальна, что онъ сознательно шелъ на встрѣчу огромнымъ затрудненіямъ, причиною которыхъ была малая глубина водъ въ эту эпоху ¹⁾ и невозможность найти лоцмана, способнаго вести судно. Тѣмъ не менѣе, первый день все шло хорошо и *Марабу* съ триумфомъ обогналъ насъ. Мы, правда, не очень далеко уѣхали: передъ мысомъ Фетишъ Реноке потерялъ много времени, вызывая тѣни своихъ предковъ и умоляя ихъ благопріятствовать нашему путешествію. Едва проѣхали мы этотъ мѣсъ, какъ онъ приказалъ остановиться у большой песчаной отмели, расположенной по срединѣ рѣки. Мы хотѣли ѣхать дальше; но онъ объявилъ намъ, что въ незапамятныя времена его предки, а затѣмъ и самъ онъ, проводили ночь въ этомъ мѣстѣ передъ отъѣздомъ въ Оканду, и мы, волей-неволею, должны были послѣдовать этому преданію. Галлуасы отказались быть вмѣстѣ съ иненга. Пологи отъ москитовъ были разставлены, въ видѣ палатокъ, двумя совершенно отдѣльными лагерями, изъ которыхъ каждый образовалъ кругъ. Въ центрѣ обоихъ лагерей оставались просторныя незанятыя пространства, назначенныя для Марша у галлуасовъ и для меня съ Реноке—у иненга. Въ восемь часовъ вечера Реноке сильно потрясъ колокольчикомъ съ цѣлію собрать весь наличный персоналъ экспедиціи и, послѣ новыхъ воззваній къ духамъ, произнесъ длинную рѣчь, въ которой объявилъ галлуасамъ, что онъ ихъ король. Тѣ отвѣтили ворчаньемъ и разошлись въ очень дурномъ расположеніи духа.

¹⁾ Наступилъ второй сухой періодъ времени года, называемый малымъ сухимъ періодомъ, который начинается 15-го декабря и кончается обыкновенно въ концѣ февраля. Большой сухой періодъ тянется отъ 1-го іюня до 1-го октября.

11 января. Выѣхавъ рано утромъ и сдѣлавъ около восьми миль, мы встрѣчаемъ *Марabu*, который задѣлъ за песчаную отмель и пробирался съ большимъ трудомъ. Мы всходимъ на пароходъ, выпрашиваемъ себѣ хлѣба и ставанъ хиннаго вина, затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ пускаемся въ дальнѣйшій путь, сопровождаемые новыми пожеланіями успѣха со стороны экипажа парохода.

12 января. *Марabu* скрылся изъ вида ¹⁾. Мы прибыли въ Самъ-Квита въ одиннадцать часовъ и отправились дальше въ часъ. Габонскіе торговцы, находящіеся въ данное время на этомъ пунктѣ, самомъ крайнемъ, до котораго они осмѣливаются проникать внутрь страны, не старались скрыть, что считаютъ насъ сумасшедшими людьми, идущими на вѣрную смерть къ людоѣдамъ верхняго Огоуэ.

Мы ночевали на песчаной отмели, за три мили отъ Самъ-Квита, такъ какъ наши люди отказались плыть дальше въ этотъ день. Въ одиннадцать часовъ вечера полилъ дождь какъ изъ ведра. Я укрылся отъ москитовъ въ палаткѣ Реноке, болѣе плотной чѣмъ моя; но вскорѣ вода пробралась къ намъ и мы спали въ огромной лужѣ. Реноке кричалъ и звалъ своихъ невольниковъ, изъ которыхъ, конечно, никто не являлся.

13 января. Въ три часа утра насъ посѣтилъ гиппопотамъ, издавая свое шумное «гон! гон!» въ двухъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ. Лишь только показалось солнце, необходимо было приступить къ генеральной просушкѣ матерій, пороха, ружей и проч., находившихся въ плачевномъ состояніи. Въ полдень все было окончено; но наши люди, безъ всякихъ причинъ, отказались ѣхать дальше. Мы должны сознаться, что когда имъ придетъ что-нибудь въ голову, они не обращаютъ никакого вниманія на наши слова.

14 января. Сегодня наши гребцы работали очень усердно. Мы достигли высокихъ холмовъ Эрере-Воло и сдѣлали около четырнадцати миль. Днемъ мы встрѣтили на лѣвомъ берегу толпу бакалейцевъ, которые только-что убили двухъ слоновъ и хотѣли коптить ихъ мясо:

¹⁾ *Марabu* могъ подняться вверхъ по рѣкѣ до мѣста, отстоящаго въ двухъ миляхъ отъ Самъ-Квита; такимъ образомъ онъ имѣлъ честь пробраться около восемнадцати миль дальше *Пионера*, котораго до сихъ поръ никто еще не опережалъ на Огоуэ.

хорошій случай заготовить мясо для нашихъ людей и для насъ самихъ.

15 января. Рѣка заключена между высокими холмами, покрытыми великолѣпнымъ лѣсомъ. Въ девять часовъ мы проѣхали мимо скалъ Телагогэ, почитаемыхъ черными какъ фетиши, за ихъ форму; миновавъ нѣсколько большихъ острововъ, мы подъѣзжаемъ къ острову Адекэ, находящемуся почти у самыхъ пороговъ. Здѣсь наши проводники выходятъ на берегъ, чтобы нарубить гигантскихъ лианъ и тянуть ими пироги, когда иначе невозможно будетъ пробраться черезъ преграды, которыя не замедлятъ намъ представиться. Въ четыре часа по полудни мы находимся въ виду первыхъ пороговъ; впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ они не представляютъ ничего особенно страшнаго. Рѣка, очень широкая въ этомъ мѣстѣ, протекаетъ съ чрезвычайной быстротою; утесы повсюду выставляютъ надъ поверхностью воды острые края и вода покрыта большими клубами пѣны.

— Это ничто въ сравненіи съ Н'Гуніэ, сказалъ я Реноке.

— *Пенгуина* (подожди), отвѣчалъ старикъ, покачивая головою, обе'іена, обе'іена (увидишь, увидишь).

16 января. Сегодня утромъ у насъ большое совѣщаніе съ нашими проводниками, которые требовали прибавки сверхъ условленной платы и кромѣ того хотѣли взять съ насъ формальное обѣщаніе вернуться съ ними, какъ только мы достигнемъ страны Оканда. Они воображаютъ, что мы намѣрены устроить тамъ факторію и конкурировать съ ними въ торговлѣ съ окандійцами. Совѣщаніе было очень шумное; но мы такъ серьезно пригрозили *Марабу*, который еще недалеко отъ насъ, что бунтовщики испугались и уступили. Къ пяти часамъ мы прибыли къ большому острову Камба, на которомъ построены первыя деревни Окота. Мы остановились у одной изъ этихъ деревень, которую посѣтили тотчасъ по приѣздѣ. Дома въ ней построены изъ древесной коры, трава кругомъ не выколота, и все у этихъ дикарей грязно и бѣдно. Окота, отгнанные на лѣвый берегъ Огоуэ осіэба'ми, выгнавшими ихъ изъ ихъ деревень и плантацій съ другого берега рѣки, сильно страдаютъ отъ голода; они питаются почти исключительно однимъ довольно большимъ плодомъ, сладковатымъ и очень мучнистымъ, въ изобиліи растущимъ у нихъ въ лѣсахъ. Окота сами по себѣ народъ безобразный: мужчины малорослы, имѣютъ

злыя, лукавыя фізіяноміи, баковы они и на самомъ дѣлѣ; женщины не только въ высшей степени безобразны, но притомъ еще большія гримасницы; онѣ ходять всегда переваливаясь, выставивъ животъ впередъ, и страшнымъ образомъ расписываютъ свое тѣло красной, желтой и голубой краскою. Галлуасы значительно преувеличиваютъ свои рассказы о непорочности этихъ женщинъ; онѣ, конечно, во всякомъ случаѣ не такъ безстыдны, какъ женщины другихъ прибрежныхъ племенъ Огоуэ. Торговля невольниками почти единственный промыселъ окота. Ихъ языкъ поразительно сходенъ съ языкомъ бенга изъ Кориско; но большинство изъ нихъ понимаетъ и говоритъ по м'понгвейски.

17 января. Въ ту минуту, когда мы собрались ѣхать, толпа окота объявила намъ, что мы не уѣдемъ, не заплативъ пошлины. Я отвѣтилъ имъ, что буду имѣть дѣло только съ ихъ королемъ. Если этотъ король между ними, то пусть онъ явится и говоритъ. Послѣ минутнаго общаго колебанія, одинъ изъ присутствующихъ объявилъ себя королемъ.

— Какой ты король! отвѣчалъ я; а гдѣ твои жены? гдѣ твоя шапка? гдѣ твоя палка? гдѣ твоя коза для подарка намъ? Ты думаешь, что бѣлые—дураки?

Мнимый король скрылся со стыдомъ и наше совѣщаніе на томъ и покончилось. Мы отправились въ восемь часовъ. Я положительно пораженъ здравымъ разсудкомъ и необыкновенной памятью слѣпаго старика Реноке; онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ скорости хода нашей лодки, съ точностью вычисляетъ пройденныя нами пространства. Когда я спрашиваю названіе какой-нибудь маленькой бухты, утеса или деревни, онъ всегда первый мнѣ отвѣчаетъ и притомъ съ такою опредѣленностью, какъ будто его слѣпые глаза могли видѣть окружающій насъ пейзажъ. Правда, что въ теченіи двадцати лѣтъ сряду, еще не потерявъ зрѣніе, онъ нѣсколько разъ въ годъ подымался по Огоуэ, отъ Ломбарени до страны Оканда.

Два часа спустя послѣ отъѣзда съ острова, мы проходимъ мимо пещеры, открывающей съ лѣваго берега рѣки свое широкое и глубокое жерло. Эта пещера внушаетъ ужасъ неграмъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ не имѣетъ и шестидесяти метровъ; затертая со всѣхъ сторонъ скалами и мелкими островками, она представляетъ очень мизерный

видъ. На правомъ берегу замѣтенъ дымъ деревень осіеба, тѣхъ самыхъ людѣдовъ, одно имя которыхъ заставляетъ трепетать окота, апинги, оканда и самихъ бакалейцевъ. Вскорѣ мы прибыли въ резиденцію короля всѣхъ окота, Эдибэ, котораго намъ совѣтовали остерегаться. Занимаемая имъ деревня построена на островѣ, на вершинѣ небольшого холма. Какъ только наши пироги причалили къ берегу, мы отправляемся съ визитомъ къ его величеству. Онъ маленькій человѣчекъ, съ крошечными глазками; лицомъ онъ похожъ на обезьяну, притомъ очень злую. На головѣ у него очень потертая высокая шляпа; одѣтъ онъ въ плащъ подвижной гвардіи. Онъ подаетъ намъ руку и велитъ принести назначенный для насъ подарокъ состоящій изъ барана ¹⁾, четырехъ куръ и связки банановъ. Этотъ подарокъ былъ дѣйствительно царскій и ко многому насъ обязывалъ. И вотъ мы прежде всего предложили ему блестящій костюмъ африканскаго охотника. Эдибэ, глаза котораго разгорѣлись при видѣ этого подарка, вначалѣ пришелъ въ отчаяніе, потому что жилетъ оказался очень узкимъ, и онъ не могъ натянуть его на себя. Но благодаря дружнымъ усиліямъ присутствующихъ, натягивавшихъ кто за что могъ, костюмъ очутился на плечахъ торжествующаго монарха. Кромѣ того мы дали ему большой боченокъ пороха, рубашку, разныхъ матерій, мѣди, желѣза, соли, стеклянныхъ вещей, ножей, бусъ и три бутылки рома. Король обнялъ насъ, и повидимому очень доволенъ.

18 января. Ночь хорошій совѣтникъ. Сегодня утромъ, Эдибэ объявилъ, что недоволенъ нашими подарками и что если мы не дадимъ ему еще пороха, матерій и рома, онъ не пропуститъ насъ далѣе. Послѣ ожесточеннаго, продолжительнаго спора было рѣшено, что мы прибавимъ къ вчерашнему подарку кусокъ матеріи и рому. Но едва заплатили мы эту пошлину, какъ явились новыя затрудненія. Реноке, всегда примиряющій, помогъ намъ и въ этомъ затруднительномъ случаѣ, и все, повидимому, уладилось, какъ вдругъ король, Богъ знаетъ почему, сильно разгнѣвался и объявилъ, что мы не двинемся съ

¹⁾ Эти бараны (по м'понгвейски *идомбе*) повидимому туземнаго происхожденія и представляютъ нѣчто среднее между козю, съ которою сходны шерстью, и бараномъ, на котораго походятъ головою; впрочемъ они встрѣчаются очень рѣдко, и сами негры дорожатъ ими гораздо больше, чѣмъ козами.

мѣста, не заплативъ четырехъ боченковъ пороха. На этотъ разъ я потерялъ терпѣніе; я призвалъ моего друга Марша, который уже успѣлъ сѣсть въ лодку. Онъ поспѣшилъ явиться съ нашимъ знаменитымъ шасспо, силу котораго онъ наванунѣ показалъ окота. Наши галлуасы также взялись за оружіе, и мы закричали, что убьемъ перваго негра, который осмѣлится загородить намъ дорогу. Бѣдные окота страшно перепугались и разбѣжались со всѣхъ ногъ. Его величество Эдибэ, спрятавшись за толстое дерево, осыпалъ насъ проклятіями; однако путь былъ прочищенъ и мы немедленно отправились.

Эта побѣда, льстившая честолюбію нашего конвоя, увеличила его энергію и дѣятельность при переѣздѣ черезъ пороги, которые въ настоящее время дѣйствительно страшны. Мы ежеминутно проплываемъ черезъ цѣлыя водопады и ужасные водовороты. Наши гребцы стоятъ съ длинными, крѣпкими шестами, сильно упираясь въ дно рѣки, къ счастію, не глубокой въ это время года. Два лучшихъ гребца съ длинными шестами то отталкиваются отъ подводныхъ камней, то сами выскакиваютъ на утесы и притягиваютъ пирогу; другіе бросаются въ воду съ канатомъ, который привязываютъ къ какому-нибудь удобному мѣсту, откуда можно подтащить лодку. Реноче постоянно ободряетъ криками своихъ иненга; въ слишкомъ затруднительныхъ случаяхъ, онъ самъ беретъ за шестъ, съ минуту ощупываетъ и затѣмъ отталкивается съ геркулесовскою силою. Впрочемъ наши пироги плоскодонны, сдѣланы изъ очень крѣпкаго дерева и могутъ выносить безъ поврежденій самые сильные толчки.—На правомъ берегу, у подножія утеса Кондо-Кондо, въ Огоуэ впадаетъ очень большая рѣка Оконо; на ея берегахъ живутъ осіеба. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда мы встрѣтили островъ Дъана, или Голодный островъ, вполне заслуживающій это названіе: страна эта самая жалкая изъ всѣхъ, мною видѣнныхъ; тамъ нельзя даже купить банана. Подходя къ острову Эменіэ, на которомъ мы сдѣлали приваль, мы открываемъ, что наши люди накупили у Эдибэ невольниковъ, которыхъ держатъ связанными на днѣ ихъ пироги. Мы сдѣлали видъ, что ничего не замѣчаемъ, потому что и безъ того опутаны разнаго рода неприятностями.

19 января. Послѣ долгихъ и утомительныхъ споровъ съ нашими людьми, мы отправились далѣе въ половинѣ десятаго. Пороги все еще

очень опасны и рѣка протекаетъ съ такимъ сильнымъ уклономъ, что намъ кажется, будто мы взбираемся на холмъ; къ концу дня мы прибыли въ страну Ялимбонгосъ, народа значительно отличнаго отъ окота, хотя онъ говоритъ тѣмъ-же языкомъ и принадлежитъ къ тому-же племени. Съ физической стороны мужчины выше ростомъ и лучше сложены; съ нравственной — болѣе кротки, гостепріимны и промышленны.

20 января. Мы распростились съ ялимбонгосами раннимъ утромъ; черезъ нѣсколько часовъ прибыли въ одну бакалейскую деревню, у подошвы горы Отомби, которую г. Валькеръ, вслѣдствіе ложныхъ показаній, принялъ за дѣйствующій вулканъ. Къ горѣ Отомби примыкаетъ другая, которую черные считаютъ женою Отомби; это самая выдающаяся часть горной цѣпи, идущей съ запада на востокъ, параллельно теченію Огоуэ. Черные увѣряютъ, что на вершинѣ горы Отомби есть озеро; но такъ какъ въ то же время они говорятъ, что эта священная вершина стережется безчисленнымъ множествомъ тигровъ и горилъ, и что ни одинъ челоуѣкъ до сихъ поръ не взбирался на нее, то я не понимаю, какимъ образомъ они могутъ знать, что тамъ есть большое озеро. Я и Маршъ старали желаніемъ взобраться на Отомби; но оставлять нашихъ людей, совершенно выходявшихъ изъ повиновенія, было-бы безуміемъ съ нашей стороны. Многочисленныя приключенія съ нашими пирогами въ сегодняшнее утро настроили ихъ умы въ дурную сторону и главные зачинщики, всѣ галлуасы, не стѣсняясь, высказывали, что мы сумасшедшіе, что насъ надо высадить на какой нибудь островъ и поскорѣе вернуться въ Аданлинанланго....

Цѣлый день мы ожидали возмущенія; но такъ какъ многіе галлуасы и иненга хотятъ купить невольниковъ у апингисовъ, до которыхъ намъ остается нѣсколько миль, то исполненіе заговора опоздало на нѣсколько дней. Впрочемъ мы получаемъ свѣдѣнія обо всѣхъ замыслахъ черезъ вѣрнаго Шико, который, не смотря на недовѣріе къ нему галлуасовъ, находитъ средство освѣдомляться объ ихъ поступкахъ и движеніяхъ.

21 января. Мы приближаемся къ первой деревнѣ племени апингисовъ; тамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, умеръ братъ Реноке; поэтому старый король высаживается на песокъ, при входѣ въ дерев-

ню; садится и размышляетъ около часа, закрывъ голову руками, затѣмъ приказываетъ дать три залпа въ память покойнаго брата, послѣ чего мы опять садимся въ пироги и плывемъ до слѣдующей деревни; никакія сокровища бѣлыхъ, сказалъ намъ Репоке, не заставятъ его почевать въ этомъ проклятомъ мѣстѣ.

Племя апингисъ, живущее по берегамъ Огоузъ, не очень многочисленно. Я думаю, въ немъ не болѣе семи или восьми сотъ человѣкъ. Это народъ тихій, промышленный, стоворчивый и не тревожащій иностранцевъ безпрестаннымъ попрошайничествомъ подобно окота, галлуасамъ и др. Апингисы занимаются въ обширныхъ размѣрахъ сборомъ каучука и меда и воздѣлываютъ много гашиша. Они не покупаютъ ни бусъ, никакихъ другихъ бездѣлокъ, а однѣ лишь матеріи, порохъ и соль, которая уже у нихъ высоко цѣнится. Сами они готовятъ очень тонкія цыновки, тондосъ (головныя булавки) для женщинъ и глиняную посуду. У нихъ очень много козь и куръ, и вообще они были-бы очень счастливы, если бы не осіеба; но осіеба сжигаютъ ихъ плантаціи на правомъ берегу, стрѣляютъ по нимъ и держатъ ихъ въ постоянномъ страхѣ.

Мы провели день у апингисъ: наши проводники покупаютъ въ большемъ количествѣ каучукъ, а мы—бананы, куръ, туземныя произведенія и малевкіе слоновые клыки. Днемъ намъ привели перебѣжчика осіеба; онъ, какъ говорятъ, изъ ревности убилъ предводителя своей деревни и, во избѣжаніе смерти, скрылся у апингисъ, которые благосклонно приняли его. Перебѣжчикъ красивый малый, съ умнымъ, живымъ взглядомъ; онъ усвоилъ себѣ запонъ и способъ прически апингисъ, только зубы у него обточены въ видѣ зубцовъ, какъ у пагуинцевъ. Я просилъ его перевести на его родной языкъ нѣсколько м'понгвейскихъ словъ; мнѣ очень хотѣлось сравнить осіебскій языкъ съ языкомъ Фанъ; мой проводникъ отвѣтилъ мнѣ, что осіеба ничего не сдѣлаетъ даромъ и не откроетъ рта, пока я не предложу ему хорошій подарокъ. Я обѣщаль дать соли и получилъ отъ него требуемыя свѣдѣнія; затѣмъ я приказалъ Шико выдать ему полщепотки соли. Это подарокъ немаловажный, потому что за четыре щепотки соли можно купить у апингисъ козу, стоящую одно ружье; но осіеба нашель эту плату ничтожною за оказанную имъ хорошую услугу и, къ глубокому ужасу присутствующихъ, презри-

тельнымъ жестомъ бросилъ къ моимъ ногамъ данную ему полщепотки соли. Если его соотечественники таковы, какъ онъ самъ, то можно судить объ удовольствіяхъ, которыя предстоятъ намъ въ ихъ странѣ.

У апингисъ есть плѣнники, происходящіе, по ихъ словамъ, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ внутри страны. Я спрашивалъ одного изъ нихъ, говорившаго по мпонгвейски и, повидимому, очень умнаго; онъ сказалъ мнѣ, что принадлежитъ къ племени мадума (о немъ я буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ ниже); зубы у него подточены и животъ покрытъ оригинальной татуировкою; я спрашивалъ его о названіяхъ разныхъ народовъ, которые встрѣтятся намъ на пути вверхъ по Огоуэ; онъ перечислилъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: оканда, осіеба, мадума, асхаке, ондомбо, аканиги, акане, авромбо, обамба; въ странѣ Обамба, по его свидѣтельству, Огоуэ представляетъ маленькій ручей, въ которомъ воды по колѣни ¹⁾.

У апингисъ есть альбиносъ—совершенно бѣлый и чрезвычайно безобразный; этотъ молодецъ искренно убѣжденъ, что принадлежитъ къ одному съ нами племени; лишь только его извѣстили о нашемъ приѣздѣ, онъ тотчасъ прибѣжалъ, выражая великую радость; онъ хотѣлъ-было прижать насъ къ сердцу, но мы остановили порывъ его нѣжности; тогда онъ произнесъ намъ слѣдующую рѣчь: «Я бѣлый, но гдѣ мое платье? гдѣ мой табакъ? гдѣ мой ромъ? гдѣ мои ружья? Выдайте мнѣ все это, пожалуйста, сей часъ-же, чтобы я ничѣмъ отъ васъ не отличался». Мы приняли нѣсколько холодно нашего собрата по бѣлизнѣ и ограничились выдачею ему нѣсколькихъ листьевъ табака и одного стакана адугу. Онъ удалился огорченный.

Сегодня вечеромъ насъ посѣтилъ король апингисъ и принесъ намъ барана; мы подарили этому бѣднягѣ костюмъ сипайевъ и нѣсколько вещей, между прочимъ табакъ и бутылку рому. Онъ немедленно былъ окруженъ толпою апингисъ и иненга, желавшихъ подѣлиться съ нимъ табакомъ и ромомъ; но король не растерялся:

¹⁾ Эти свѣдѣнія тѣмъ болѣе интересны, что оказались точными до страны Мадума включительно, и слѣдовательно могутъ оставаться такими и до конца. Тѣмъ не менѣе я все-таки думаю, что Огоуэ не кончается ручьемъ, а напротивъ—беретъ начало въ какомъ-нибудь очень большомъ озерѣ.

вручивъ матеріи и нѣкоторыя другія вещи своему невольнику, онъ пустился удирать со всѣхъ ногъ въ своемъ новомъ костюмѣ сипайевъ, держа въ одной рукѣ бутылку рому, а въ другой табакъ; онъ всбѣжалъ на высокій холмъ, осмѣянный иненга и преслѣдуемый всѣми своими подданными. Я не видывалъ ничего забавнѣе этой картины.

Ночью, къ величайшему изумленію туземцевъ, мы пустили ракету, подаренную г. Валькеромъ; мы объявили апингисамъ, что это была ужасная ракета, и если ее направить на деревню, то она произведетъ страшное истребленіе. Бѣдные апингисы умоляли насъ дать имъ такихъ ракетъ для уничтоженія осіеба.

Галлуасы и иненга накупили порядочное количество невольниковъ; съ нами ѣдетъ нѣсколько иненга, путешествующихъ на свой счетъ, которымъ мы не платимъ, и слѣдовательно не имѣемъ надъ ними никакой власти; покунку всѣхъ невольниковъ, конечно, приписали имъ; эти бѣдные невольники связаны довольно оригинальнымъ образомъ: имъ надѣваютъ на каждую руку кольцо изъ очень крѣпкихъ лѣанъ; въ кольцо проходитъ большая палка такимъ образомъ, что если бы плѣнникъ вздумалъ убѣжать, то ежеминутно зацѣплялся бы за деревья и кустарники. Эта система предоставляет невольнику нѣкоторую свободу движеній, но заставляетъ его держать руки растопыренными, что, при большихъ переѣздахъ, должно причинять немалыя страданія. Между невольниками находится одинъ молоденькій апингисъ, очень красивый юноша; какой-то мужъ засталъ его съ своей женою на мѣстѣ соблазна и затѣмъ продалъ его галлуасу въ свою пользу. Бѣдный соблазнитель имѣетъ пристыженный видъ, какъ лисица, пойманная въ курятникѣ. — Я привожу этотъ фактъ потому, что онъ представляетъ единственный, извѣстный мнѣ случай, когда черные экваторіальной Африки продаютъ въ рабство члена своего племени; преступникъ, обыкновенно, дѣлается плѣнникомъ оскорбленнаго мужа и долженъ работать на него, но ни въ какомъ случаѣ онъ не *вывозится* изъ страны. Черные, зная наше отвращеніе къ торгу невольниками, очень неразговорчивы объ этомъ предметѣ, и я не могъ убѣдиться, существуетъ-ли у апингисъ обычай продавать въ рабство, или-же мы были свидѣтелями исключительнаго случая.

23 января. Рано утромъ, въ ту минуту когда палатки отъ москитовъ были уложены и мы собирались ѣхать, началось совѣщаніе по одному вопросу о женщинахъ между апингисами и нѣсколькими проѣзжими оканда, которые возвращались домой послѣ посѣщенія окота. Реноке былъ приглашенъ обѣими сторонами въ качествѣ посредника, и такъ какъ посредничество въ подобныхъ случаяхъ всегда вознаграждается козою, то Реноке немедленно принялъ приглашеніе. Произошло нѣчто въ родѣ международнаго конгресса: тамъ были бакалейцы въ лицѣ стараго предводителя съ мѣднымъ цвѣтомъ кожи, какъ у краснокожихъ; было много и другихъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣлу, но тѣмъ не менѣе много говорившихъ; наконецъ были апингисы и оканда. Послѣднія два племени весьма курьезно ведутъ свои совѣщанія на сходкахъ: всѣ присутствующіе садятся въ кругъ, причемъ жители одной страны стараются быть поближе другъ къ другу. Затѣмъ встаетъ ораторъ, привѣтствуетъ собраніе при помощи своей мухомахалки изъ кожи дикаго быка, и произноситъ или, скорѣе, напѣваетъ нѣсколько словъ подъ риѣму, тотчасъ-же повторяемыхъ хоромъ всѣми присутствующими: это прелюдія къ длинной рѣчи, которую онъ сопровождаетъ весьма оживленными жестами. Повременамъ онъ заканчиваетъ періоды рѣчи припѣвами, которые шумно повторяетъ вся его партія. Ораторъ апингисъ довольно часто прерываетъ свою рѣчь для исполненія танца среди круга; въ этомъ случаѣ ему всегда аплодируютъ, даже противная сторона. Это зрѣлище, невиданное Маршемъ и мною, поглотило все наше вниманіе и помѣшало наблюдать за нашими проводниками съ обычной зоркостью; и вотъ, нѣкоторые галлуасы нашли данную минуту благопріятною для исполненія заговора, составленнаго наканунѣ подъ большимъ секретомъ. Семеро изъ нихъ сѣли въ маленькую пирогу апингисовъ и пустились внизъ по Огоуэ, увозя съ собою часть нашихъ веселъ и котловъ. Шико, первый замѣтившій ихъ, началъ кричать во все горло; мы прибѣжали, но было слишкомъ поздно. Маршъ пустилъ по нимъ пулю изъ шасспо, пролетѣвшую на двадцать футовъ надъ ихъ головами; но эта угроза только ускорила ихъ бѣгство; впрочемъ это не первые галлуасы, покидающіе насъ: изъ пятидесяти семи, получившихъ плату, остается у насъ всего двадцать шесть, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двадцать отъявленные него-

днѣ. Къ счастію намъ удалось нанять десятерыхъ изъ окандійцевъ, возвращавшихся на родину; мы заплатили имъ впередъ по двѣнадцати футовъ матеріи и по одной щепоткѣ соли на человѣка.

Въ два съ половиною часа мы отправились; но черезъ три четверти часа наши спутники остановились у острова Териче, отказываясь плыть сегодня дальше. Вечеромъ Шико извѣтилъ насъ, что иненга и галлуасы хотятъ переговорить съ нами; они усѣлись въ кругъ, причемъ отсутствіе ихъ обоихъ предводителей, Реноке и Манило, сразу показало намъ, что они намѣрены предъявить какія-нибудь несообразныя требованія. Дѣйствительно всѣ они, съ общаго согласія, заявили, что безъ значительной прибавки платы не поѣдутъ дальше. Мы объявили имъ, что разможемъ голову первому, кто осмѣлится украсть у насъ что-нибудь, но что они могутъ выгрузить всѣ наши вещи и оставить насъ на островѣ, а затѣмъ, по ихъ возвращеніи, мы расквитаемся съ ними при помощи французскаго коменданта. Затѣмъ мы призвали нашихъ десятерыхъ оканда, и объяснили имъ, что галлуасы и иненга не хотятъ допустить бѣлыхъ везти свои соєровища въ страну Оканда, но что мы, не обращая вниманія на нашихъ проводниковъ, отправимся въ ихъ землю и раздадимъ имъ драгоцѣнности, заключающіяся въ нашихъ сундукахъ. Мы останемся на островѣ Териче беречь нашу поклажу; а они должны, какъ можно скорѣе, плыть въ ихъ страну и привезти за нами и нашими вещами пироги и людей. Они съ радостью согласились; и вотъ намъ предстоитъ теперь пробыть, въ ожиданіи ихъ возвращенія, на маленькомъ песчаномъ островѣ подъ палящими лучами солнца и не имѣя другой пищи, кромѣ нѣсколькихъ ящиковъ съ консервами. Мы приготовились, съ карабинами въ рукахъ, стеречь въ продолженіи всей ночи наши вещи. Это тѣмъ болѣе невыносимо, что Маршъ и я страдаемъ сильной лихорадкою, увеличиваемою постоянными непріятностями.

24 января. Реноке провелъ ночь, умоляя иненга не покидать насъ. Они, при видѣ нашей рѣшимости, послушались своего стараго короля и сегодня утромъ начали складывать палатки отъ москитовъ и приготовляться къ отъѣзду, какъ будто вчера не произошло ничего особеннаго. Галлуасы, напротивъ, собравшись въ одну густую толпу, не двигались. Тогда Маршъ, желая окончательно убѣдиться въ ихъ намѣреніяхъ, подошелъ къ нимъ. «Пусть желающіе покинуть насъ

остаются на своихъ мѣстахъ, сказалъ онъ; тѣ-же, которые хотятъ продолжать съ нами путешествіе, пусть выйдутъ къ намъ». Двадцать три человѣка остались на мѣстѣ и только три вышли: первый былъ Манило, предводитель галлуасовъ; второй тотъ, котораго жену, раненую бакалейцами, лечилъ Маршъ; третій и послѣдній былъ маленькій горбатый ¹⁾ человѣчекъ по имени Исингэ, который впоследствии страшно обворовалъ насъ. Послѣ такого результата наши намѣренія были немедленно приведены въ исполненіе. Мы условились съ Маршемъ, что одинъ изъ насъ тотчасъ-же отправится съ Реноке и иненга въ страну Оканда, откуда, какъ можно скорѣе, вышлетъ пироги и людей оставшемуся товарищу, который долженъ стеречь вещи на островѣ Териче съ вѣрнымъ Шико. Отказавшись отъ совершенно бесполезнаго для насъ самоотверженія Милано и двухъ другихъ галлуасовъ, мы приказали десятирѣмъ оканда выгрузить нашу поклажу и сложить на песокъ, что они немедленно и исполнили. Заговорщики галлуасы, подъ начальствомъ одного дикаря, по имени Адолпо, съ своей стороны начали приготовляться къ скорому отъѣзду; впрочемъ, вскорѣ они увидѣли, что дѣло повернулось совершенно иначе, чѣмъ они предполагали, и что энтузіазмъ ихъ союзниковъ почему-то охладѣлъ.

Большинство галлуасовъ хотѣло только напугать насъ и выманить прибавку платы; кромѣ того, желавшіе возвратиться ни минуты не сомнѣвались въ томъ, что и мы поѣдемъ съ ними, и теперь, видя свою ошибку, страшно перепугались, вспомнивъ объ отвѣтственности передъ главнымъ французскимъ губернаторомъ. Манило, горбатый и человѣкъ, у котораго лечили жену, бѣгали взадъ и впередъ по берегу, рвали на себѣ волосы и приговаривали: «Ахъ! *монжешино!* ахъ! *монжешино!* (ахъ! сограждане! ахъ! сограждане!) *Нчани!* *нчани!* (стыдъ! стыдъ!) Сколько бѣдъ обрушится на насъ! деревня будетъ сожжена! факторія уничтожена! французы наши враги! Ахъ! *монжешино!*» Я тѣмъ временемъ, сидя на ящикѣ, спокойно записывалъ въ моей таинственной памятной книжкѣ имена самыхъ ярыхъ заговорщиковъ, громко называя ихъ по мѣрѣ записыванія. Этотъ маневръ окончательно напугалъ ихъ. Черезъ минуту я и Маршъ были окру-

¹⁾ Это уродство весьма рѣдко въ экваторіальной Африкѣ; мнѣ пришлось видѣть не болѣе двухъ, трехъ случаевъ.

жены галлуасамп, которые умоляли насъ взять ихъ съ собою и клялись, что скорѣе умрутъ, чѣмъ покинуть насъ. Мы долго заставляли просить себя, говоря, что всѣ галлуасы вели себя дурно и мы не желаемъ брать никого изъ нихъ; наконецъ Маршъ сказалъ имъ: «Хорошо! пусть желающіе ѣхать съ нами подойдутъ ко мнѣ; кто не хочетъ, пусть остается на краю острова». Сразу пятнадцать человѣкъ являлись на нашу сторону; видя это, большая часть изъ нихъ спѣшитъ сдѣлать то-же самое, такъ что изъ недовольныхъ остается Адолпо и три галлуаса. Мы прощаемъ кающихся грѣшниковъ и объявляемъ четыремъ оставшимся заговорщикамъ, что имъ четверымъ не дадутъ лодки, и потому они должны оставаться на островѣ или же отправляться вплавь. Тогда они, въ свою очередь, падаютъ передъ нами на колѣни, плачутъ, умоляютъ, и очень рады, когда имъ позволили спрятаться отъ стыда въ одну изъ пирогъ. На этотъ разъ, я надѣюсь, возмущеніе окончательно усмирено.

Мы отправляемся въ одиннадцать часовъ; вскорѣ мы достигаемъ мѣста столь опаснаго, что Реноке, знающій это мѣсто, выходитъ на землю и слѣдуетъ по берегу рѣки, а пироги его тянутъ бичевою. Мы отказываемся выходить изъ нашихъ пирогъ, съ цѣлю показать чернымъ, что вовсе не боимся пороговъ, которые, по ихъ словамъ, заставляютъ насъ ужаснуться. Сегодня мы останавливаемся на островѣ Кандья.

25 января. Сегодня утромъ океанда начинаютъ требовать прибавки платы; эти выходки и придирки становятся невмносимы. Днемъ мы приходимъ къ настоящему водопаду, именно Элендья; вся поклажа выгружается и переносится берегомъ, въ пирогахъ остаются только два человѣка; ихъ тащатъ посредствомъ длинныхъ лианъ, и они поднимаются съ большимъ трудомъ.

Въ три часа шесть океанда, получившіе плату, убѣжали.

Въ пять часовъ пополудни мы останавливаемся въ большой бакалейской деревнѣ, гдѣ запасаемся бананами, фишашками, медомъ, сахарнымъ тростникомъ и проч. и проч. Спросъ на соль постоянно увеличивается; за одну щепотку даютъ пять фунтовъ меда. Намъ приносятъ связки продолговатыхъ плодовъ, съ виду похожихъ на финикъ и имѣющихъ вкусъ очень близкій къ щавелю, если ихъ покрощить и сварить. Бакалейцы очень охотно принимаютъ насъ; женщи-

на, у которой я купилъ маленькій слоновый клыкъ, называетъ меня *н'дею*, т. е. кумомъ. Н'дегон во всевозможныхъ случаяхъ обязаны помогать и покровительствовать другъ другу и по временамъ мѣняются маленькими подарками. Моя новая кумушка ни больше, ни меньше какъ королева страны; она также порядочная франтиха; особенно замѣчательна ея прическа: вся голова выбрита, за исключеніемъ небольшого гребня волосъ, намазаннаго розовой и яркой желтой краскою; на лбу, въ видѣ повязки, положена одна коса, а другая спускается съ волосянаго гребня и свѣшивается за правымъ ухомъ.

26 января. Въ девять часовъ утра намъ показываютъ на лѣвомъ берегу *первую окандійскую деревню*. Огоуэ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ болѣе восьмисотъ метровъ ширины; но его теченіе до такой степени разбито островами, банками и утесами, что необходимы невѣроятныя усилія, для того чтобы пробить себѣ дорогу. Вечеромъ мы останавливаемся и ночуемъ у подошвы горы Океко, одной изъ вершинъ той самой горной цѣпи, которую мы видѣли въ Эдибэ; эта цѣпь непрерывно тянется къ востоку, и гора Отомби до сихъ поръ считается высочайшею ея вершиною.

Около одиннадцати часовъ вечера разразилась страшная гроза. Я и Маршъ, въ теченіи пятилѣтняго пребыванія подѣ тропиками, не видѣли ничего подобнаго. Молніи слѣдовали такъ быстро одна за другою, что иногда казалось, что мы горимъ; деревья разлетались въ щепки вокругъ насъ отъ ударовъ молніи и дождь лилъ цѣлыми ручьями; тщетно растягивали мы баучукъ надъ нашими палатками, напрасно укрывались подѣ большимъ зонтикомъ: мы всетаки промокли до костей. Наши спутники, пораженные ужасомъ, не смѣли двинуться съ мѣста, такъ что Маршъ и я должны были три раза сами выкачивать наши пироги, болѣе чѣмъ до половины наполненные водою.

27 Января. Все, что было въ нашихъ ящикахъ, промокло насквозь; наши матеріи всѣ въ пятнахъ, инструменты испорчены, и, что всего важнѣе, часть нашего пороха и почти всѣ патроны пропали безвозвратно. Это настоящее несчастіе. Старый король Реноке разыгралъ передъ нами комедію, которая позабавила-бы насъ, если-бы мы были болѣе расположены къ веселью. Во время ночи добрый король, подобно остальнымъ чернымъ, страшно боялся грозы. Мы слышали, какъ

онъ стоналъ и, изъ всѣхъ силъ, звалъ на помощь своихъ невольниковъ. Сегодня утромъ онъ пришелъ къ намъ гордый, какъ Артабанъ. «Ну! сказалъ онъ, я побѣдилъ!»—Кого?—«Э! да развѣ вы не слышали сегодня ночью фетишей, стерегущихъ Оканда? они говорили мнѣ: Нѣтъ, Реноке, ты не проведешь бѣлыхъ въ страну Оканда. А я отвѣчалъ имъ: Духи! это мои бѣлые, друзья великаго французскаго правителя, и я покажу имъ страну Оканда». Духи отвѣчали: Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! и голосъ ихъ, великій голосъ грома раздался еще сильнѣе; но я не испугался. Я сказалъ имъ: «Я Реноке, князь Адъюнто; мнѣ и моимъ подданнымъ принадлежитъ проходъ въ Оканду, и я пройду, не смотря на васъ». И фетиши, побѣжденные, обезсиленные, уступили, и я открою вамъ ворота въ Оканда, которыя заперты..... но для этого надо сдѣлать мнѣ хорошій подарокъ». Нѣсколько далѣе, чѣмъ на милю отъ мѣста нашей стоянки Огоуэ, повидимому, круто поворачиваетъ къ востоку, но въ сущности онъ образуетъ лишь небольшую бухту по этому направленію, и затѣмъ, принимая видъ очень узкаго канала, направляется въ противоположную сторону. Этотъ каналъ, совершенно скрытый деревьями и высокими скалами, и называется воротами Оканды. Реноке требовалъ платы за то, чтобы открыть ихъ. Послѣ довольно горячаго спора, мы значительно сократили ни съ чѣмъ несообразныя требованія короля; мы условились выдать ему черное платье и запонъ, и затѣмъ отправились въ путь. Едва успѣли мы сѣсть въ лодки, какъ наши проводники опять точатъ зубы на наши товары. Они спрашиваютъ, куда мы поѣдемъ: на западъ или на востокъ; если мы ошибемся, то должны заплатить большой штрафъ. Какъ я уже говорилъ, рѣка кажется идущей къ востоку; поэтому они были поражены, когда мы обозначили предстоящій намъ путь къ западу. «Ахъ! *тангани, тангани!* сказалъ Реноке, *авуе агнамбіе!*» (Ахъ! бѣлые! бѣлые, вы боги!) Дѣло въ томъ, что передъ прибытіемъ къ этому же самому мѣсту, г. Валькеръ былъ тайно предувѣдомленъ объ изгибѣ рѣки, а мы, до отъѣзда, были извѣщены о томъ же г-омъ Валькеромъ.

Въ одиннадцать часовъ мы вѣзжаемъ въ узкій проходъ; ружья у всѣхъ заряжены и Реноке стоитъ въ лодкѣ, громко разговаривая съ духами. Въ этомъ мѣстѣ Огоуэ не имѣетъ и двадцати метровъ ширины; подплывъ къ подножію большаго утеса, отвѣсно поднимаю-

щагося надъ рѣкою, всѣ галлуасы выстрѣливаютъ изъ ружей на воздухъ; Реноке вѣскольکو минутъ трясеть большимъ колокольчикомъ и поручаетъ своихъ бѣлыхъ покровительству всѣхъ боговъ, охраняющихъ Оканду. Вдругъ горизонтъ открывается, рѣка становится широкой и прекрасной, и необозримо далеко тянутся холмы и луга страны Оканда, усѣянные лишь небольшими группами высокихъ деревьевъ. Въ отдаленіи видѣются довольно высокія горы и вершина Бонги. Эта минута вознаградила насъ за многіе мѣсяцы страданій. Черезъ четверть часа мы были въ Лопецѣ, крайнемъ пунктѣ, достигнутомъ гг. Валькеромъ и Шюльцемъ во время ихъ изслѣдованій, и слѣдовательно послѣднемъ, отдѣлявшемъ насъ отъ неизвѣстныхъ странъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Страна Оканда.

Лопецъ.—Водвореніе галлуасовъ и иненга.—Необходимость совершить бо-
сикомъ остальную часть путешествія.—Охота на дикихъ быковъ.—Лицомъ
къ лицу съ стадомъ.—Много шума изъ пустяковъ.—Наплывъ любопыт-
ныхъ, желающихъ посмотрѣть на насъ.—Дамы Оканды.—Визитъ королю
Авеле.—Мы производимъ государственный переворотъ.—Наше новое жи-
лище въ Лопецѣ.—Бангуэнъ.—Окандійцы хотятъ воспрепятствовать нашей
поѣздкѣ въ ихъ страну.—Мы энергично измѣняемъ ихъ намѣренія на этотъ
счетъ.—Маршъ отправляется въ страну Бангуэнъ.—Его принимаютъ съ
энтузіазмомъ, но надоѣдаютъ.—Бангуэнцы принадлежать къ большой бака-
лейской расѣ.—Ихъ жилища.—Ихъ промышленность.—Ихъ нравы.—Маршъ
возвращается очень больнымъ.—Побѣгъ невольника у иненга.—Большая
сходка по этому случаю.—Галлуасы и иненга строятъ намъ разнаго рода
козни.—Обокраденные нашимъ толмачемъ габонцемъ Павломъ.—Обокра-
денные нашимъ слугою, горбатымъ Цингѣ.—Обокраденные помощникомъ
нашего повара, Сипа, человѣкомъ безъ ушей.—Лицемѣрие Реноке.—Наше
водвореніе въ Лопецѣ.—Маршъ производитъ торгъ каждое утро.—Дойная
коза.—Пожирательницы соли.—Охота на быковъ, которая могла худо кон-
читься для меня.—Первый быкъ, убитый бангуэнами.—Его непригодность.—
Второй быкъ, убитый бангуэнами.—Польза его для естественной исторіи и
нашего стола.—Мы прекращаемъ выдачу съѣстныхъ припасовъ галлуасамъ
и иненга.—Они рѣшаются возвратиться домой.—Окончательный отъѣздъ
галлуасовъ и иненга.—Всякій способъ сообщенія съ цивилизованными стра-
нами уничтоженъ для насъ.

Мѣсто, называемое туземцами Лопецъ, по имени маленькой рѣчки,
впадающей въ этотъ мѣстѣ въ Огоуэ, не имѣетъ само по себѣ ни-

какого значенія: здѣсь нѣтъ даже деревни, потому что нельзя назвать деревнею нѣсколько хижинъ, построенныхъ на вершинѣ холма, окаймленнаго рѣкою, въ которыхъ живетъ одно семейство. Обыкновенно это мѣсто столь пустынно, что, прибывъ туда, мы нашли среди хижинъ свѣжіе слѣды многихъ стадъ дикихъ быковъ, проходившихъ черезъ деревню на водопой. Но лишь только извѣстіе о прибытіи партіи иностранцевъ распространилось въ странѣ, Лопецъ дѣлается мѣстомъ свиданія всѣхъ жителей Оканды, которые сходятся сюда изъ за двадцати миль въ окружности для продажи банановъ, козъ, невольниковъ и небольшого количества слоновой кости. Тамъ же устраиваются сходки, и туземцы приводятъ туда всѣхъ своихъ женъ, славящихся красотою по всей рѣкѣ, и безъ всякаго стыда предлагаютъ ихъ вновь прибывшимъ. Туда приходятъ толпами бангуэнцы, народъ, о которомъ я много разъ буду имѣть случай говорить, крупные торговцы слоновой костью и каучукомъ.

Такъ какъ галлуасы и иненга должны были провести больше мѣсяца въ Лопецѣ, прежде чѣмъ возвратиться домой, то принялись тотчасъ-же строить навѣсы изъ листьевъ и бамбука, подъ которыми они могли бы растянуть свои палатки отъ москитовъ и укрыться отъ дождя. Они выбрали для построекъ обширную песчанную отмель на берегу Огоуэ, у подошвы холма, и работали такъ скоро и усердно, что въ тотъ же вечеръ построили цѣлую деревушку. У Реноке была конечно самая лучшая хижина, передъ которой поставили всѣ его фетиши и амулеты. Онъ хотѣлъ приказать построить для насъ такую же хижину подлѣ своей, но мы отказались. Мы хорошо знали, что онъ и его подданные употребятъ всѣ усилія, чтобы заставить насъ возвратиться въ Аданлинанланго, и старались быть отъ нихъ подальше, съ цѣлю оградить себя отъ нечаяннаго нападенія. Въ тотъ же вечеръ Маршъ и я послѣ совѣщанія рѣшили поручить себя Авеле, королю всѣхъ окандійцевъ, купить его покровительство и просить его подданныхъ перенести къ нему всю нашу поклажу. Мы могли быть увѣрены, что иненга и галлуасы не прійдутъ туда за нами.

На слѣдующій день наши проводники извѣстили насъ о прибытіи Авеле. А пока, желая пріятно провести свободное время и добыть свѣжаго мяса, потребность въ которомъ живо чувствовалась мы спросили у нѣкоторыхъ жителей Оканды, пришедшихъ посмот-

рѣть на насъ, нельзя ли гдѣ нибудь отыскать дикихъ быковъ, слѣды которыхъ всюду встрѣчались въ большомъ количествѣ. Окандійцы хвастливо отвѣчали, что быковъ не трудно найти, но лучше быть подалеже отъ нихъ, потому что это животныя чрезвычайно свирѣпыя и растерзаютъ насъ, лишь только замѣтятъ наше приближеніе.— «Мы немуана (дѣти), отвѣчали мы съ достоинствомъ, покажите намъ быковъ—и вы увидите каковы охотники бѣлые». Въ подтвержденіе нашихъ словъ иненга и галлуасы принялись рассказывать о разныхъ подвигахъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ, совершенныхъ нами при помощи нашихъ ружей, и окандійцы, въ половину убѣжденные, предложили проводить насъ къ мѣсту, гдѣ были быки. Мы немедленно приготовились къ охотѣ. Во время нашего плаванія по рѣчнымъ порогамъ мы привыкли ходить босыми ногами, потому что наши сапоги, единственная обувь, которая была у насъ, совершенно испортились бы отъ воды, безпрестанно наполнявшей наши пироги. Въ этотъ день мы хотѣли опять надѣть сапоги, но наши ноги сильно распухли и потрескались, такъ что мы къ сожалѣнію надолго были осуждены ходить босикомъ. Въ самомъ дѣлѣ съ этого времени до приѣзда въ Лиссабонъ я не могъ надѣть никакой обуви. Мы, по обыкновенію, покорились нашей участи и отправились безъ сапогъ, въ сопровожденіи двадцати человѣкъ, желавшихъ присутствовать при большомъ боѣ бѣлыхъ съ дикими быками, двухъ весьма интересныхъ породъ животныхъ. Не успѣли мы сдѣлать семисотъ или восьмисотъ метровъ, какъ одинъ дюжій окандіецъ, по имени Орега, о которомъ я часто буду упоминать, служившій въ эту минуту нашимъ главнымъ проводникомъ, вдругъ остановился и молча указалъ на стадо быковъ, мирно проходившее въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи. Онъ и всѣ его товарищи спокойно усѣлись съ видомъ, обозначающимъ на всѣхъ языкахъ: «посмотримъ теперь, что-то вы сдѣлаете». Маршъ и я тотчасъ же скрылись въ травѣ и черезъ нѣсколько минутъ находились не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ стада. Одинъ старый черный быкъ, который шелъ въ нѣсколькихъ метрахъ впереди отъ другихъ, первый почувалъ насъ; онъ началъ мычать, рыть землю ногами и смотрѣлъ въ нашу сторону съ видомъ далеко не успокоительнымъ. Въ одинъ моментъ, сперва два другіе быка, а затѣмъ все стадо поравнялось съ нимъ, также стуча копытами о землю, ударяя хвостами по

бедрамъ и испуская страшныя рычанія. Мы насчитали восемнадцать паръ роговъ. Въ эту минуту Маршъ и я инстинктивно оглянулись: по близости не оказывалось никакого утеса, ни одного дерева, вообще никакого убѣжища. «Я думаю намъ лучше было бы оставаться дома», сказалъ я на ухо моему товарищу. Но мы охотнѣе согласились бы быть изрубленными на куски, чѣмъ отступить въ виду всѣхъ негровъ, смотрѣвшихъ на насъ, и потому продолжали медленно подвигаться съ оружіемъ на-готовѣ. Вдругъ произошло движеніе на всей линіи нашихъ противниковъ. «Вотъ они готовятся», сказалъ Маршъ. Но не успѣлъ проговорить этихъ словъ, какъ все стадо, повернувъ съ быстротою молніи, побѣжало прочь со всѣхъ ногъ. Наши четыре выстрѣла изъ ружей, пущенные въ погоню, только ускорили ихъ бѣгъ; на томъ сраженіи и кончилось.... за неимѣніемъ противниковъ. Впослѣдствіи быки часто вывидывали съ нами подобныя шутки, такъ что мы къ этому привыкли, но на первый разъ были ошеломлены. «А! тангани! вскричали подоспѣвшіе къ намъ окандійцы, что вы за люди, отъ которыхъ дикіе звѣри убѣгають?»—«Дикіе звѣри трусы, отвѣчали мы, а вы еще трусливѣе ихъ».

На другой день, 29-го января, съ восходомъ солнца, множество окандійцевъ собралось со всѣхъ сторонъ посмотреть на насъ; эта церемонія продолжалась цѣлый день; они приходили на лугъ толпами отъ семи до восьми человѣкъ; мужчины шли впереди; у большей части не было другого оружія, кромѣ палки съ желѣзнымъ наконечникомъ. Это народъ красивый, тихій, болтливый и повидимому очень довольный нашимъ прибытіемъ. Ихъ жены слѣдуютъ за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи, неся на спинахъ большіе грузы банановъ. Молва объ ихъ красотѣ показалась мнѣ нѣсколько преувеличенной; впрочемъ многія изъ нихъ очень хорошо сложены и нисколько не уступаютъ въ этомъ отношеніи габонскимъ женщинамъ, наиболѣе славящимся красотой въ негрскомъ племени. Ихъ весьма первобытный костюмъ состоитъ изъ маленькаго куска цыновки, прикрывающаго, съ грѣхомъ пополамъ, ихъ бедра.—За то онѣ носятъ разнаго рода ожерелья и браслеты въ видѣ множества стеклянныхъ бездѣлушекъ и бусъ; ихъ прическа представляетъ очень сложное сооруженіе, раскрашенное обыкновенно желтымъ и краснымъ цвѣтомъ. Мужья въ весьма рѣдкихъ случаяхъ грубо обращаются съ

ними, но заставляют ихъ исполнять всѣ тяжелыя работы, а основываясь на религіи фетишеры навсегда запрещаютъ имъ всякое мясо, кромѣ черепахи или рыбы ¹⁾; поэтому онѣ принуждены питаться почти исключительно бананами и маисомъ. Женщины Оканды не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нравственности и даже скромности. Наше присутствіе сначала повидимому конфузило ихъ и обыкновенно, посмотрѣвъ на насъ нѣсколько минутъ, онѣ убѣгали на другой конецъ лагеря; впрочемъ эта скромность была не на долго; онѣ очень скоро привыкали къ намъ и дѣлались весьма назойливы и несносны.

Сегодня мы ждали посѣщенія короля Авеле; но намъ сказали, что онъ не будетъ, потому что опасно болѣнъ и не можетъ выѣхать изъ своей деревни. Мы догадались, что это была уловка со стороны короля Реноке, съ цѣлю помѣшать намъ повидаться съ Авеле, и объявили окандійцамъ, что, такъ какъ Авеле не можетъ прибыть въ Лопецъ, мы сами отправимся къ нему. Многіе изъ нихъ предложили сейчасъ же проводить насъ, и мы назначили завтрашній день. По словамъ окандійцевъ, резиденція Авеле находилась въ разстояніи болѣе десяти миль отъ нашей стоянки, что составляло семь или восемь лье туда и обратно. Такая прогулка не очень пріятна для больныхъ и босыхъ ногъ; я условился съ моимъ товарищемъ путешествія совершать эти визиты на будущее время не вдвоемъ, а по одиночкѣ. На слѣдующій день Маршъ долженъ былъ посѣтить начальника племени, соседняго съ бангуэнами, я же принялъ на себя трудъ повидаться съ Авеле. Окандійцы, вытѣсненные племенемъ осіеба съ праваго берега Огоуэ, теперь разсѣяны по обширнымъ лугамъ, на другомъ берегу рѣки; у нихъ нѣтъ большихъ поселеній, а живутъ они въ деревушкахъ, составленныхъ изъ семи или восьми хижинъ; въ одной изъ такихъ деревушекъ я встрѣтилъ короля Авеле. Сверхъ обыкновенія, намъ сказали правду о состояніи его здоровья. Этотъ старикъ окан-

¹⁾ Почти всѣ представители мпонгва, галлуасовъ, иненга имѣютъ одно или нѣсколько запрещенныхъ кушаньевъ. Часто это запрещеніе распространяется на всю семью, тогда запрещенная пища дѣлается *руда* для каждаго лица или для цѣлаго семейства; такъ напр. въ теченіи многихъ поколѣній кабанъ въ семействѣ Реноке есть *руда*, и ни король, никто изъ его семейства не могутъ ѣсть кабаньяго мяса подѣ страхомъ безчестія и святотатства.

чивалъ свое продолжительное земное поприще, и, къ стыду моему, я долженъ признаться, что мое посѣщеніе было для него послѣднимъ ударомъ. Онъ отказался надѣть подъ палящими лучами солнца пожарную каску, подаренную мною, и вынулъ цѣлую бутылку рому, которую его придворные тщетно пытались вырвать у него изъ рукъ. При прощаніи, Авеле вручилъ мнѣ свой скипетръ, палку рѣзнаго дерева, къ которой былъ привязанъ большой колокольчикъ, и предложилъ мнѣ потрясти его въ три приѣма: этимъ онъ передавалъ мнѣ знаки своей власти надъ страной и объявлялъ меня властителемъ всѣхъ окандійцевъ. Присутствующіе подняли правую руку въ знакъ одобренія. Но къ чему все это служило? Авеле, на котораго мы такъ рассчитывали, не могъ ужъ больше быть намъ полезенъ. Выставивъ на его хижинѣ французскій флагъ, я отправился домой въ тяжеломъ настроеніи духа, ломая голову надъ тѣмъ, какъ избавиться теперь отъ козней иненга и галлуасовъ. Маршъ—человѣкъ прежде всего рѣшительный; лишь только я рассказалъ ему о моей неудачѣ, онъ тотчасъ отыскалъ одного обандійца, по имени Балли, у котораго были двѣ хижины на холмѣ, возвышающемся надъ Лопецомъ, и предложилъ ему очень большое вознагражденіе солью и бусами за то, чтобы онъ уступилъ намъ на время большую изъ своихъ хижинъ. Балли съ радостію принялъ предложеніе, потому что онъ былъ далеко не глупъ и хорошо предвидѣлъ всѣ выгоды, которыя можно извлечь изъ нашего пребыванія у него. Затѣмъ Маршъ позвалъ всѣхъ, бывшихъ на лицо окандійцевъ и велѣлъ имъ отправиться за нашимъ багажемъ, находившемся въ стоянкѣ галлуасовъ и иненга, и перенести его въ хижину Балли. Реноке былъ въ отсутствіи, большая часть его людей отправилась или закупать невольниковъ, или пировать съ своими *н'дегои* (кумовьями); тѣ же, которые оставались, будучи застигнуты въ расплохъ, не осмѣлились противиться нашимъ распоряженіямъ. Черезъ два часа всѣ наши вещи были помѣщены въ хижинѣ Балли которую мы принялись укрѣплять и загоразживать нашими ящиками. Наше новое помѣщеніе было тѣсно и неудобно; въ немъ оказалось мѣста какъ разъ для двухъ небольшихъ бамбуковыхъ кроватей и маленькаго столика; стоять тамъ можно было не иначе, какъ согнувшись; свѣтъ едва проникалъ туда, тараканы и другія неприятныя животныя гнѣздились во множествѣ. Тѣмъ не менѣе, мы съ-

удовольствіемъ помѣстились въ этой хижинѣ: теперь мы могли быть спокойны. Иненга и галлуасы, какъ мы были въ этомъ увѣрены, никогда не посмѣли бы выжить насъ отсюда и, кромѣ того, здѣсь мы въ первый разъ послѣ долгаго времени были, такъ сказать, у себя, защищенные, правда, очень тонкими стѣнами, за которыми мы все-таки были скрыты отъ всѣхъ этихъ негодяевъ, ни на минуту не оставлявшихъ насъ въ покоѣ. Впрочемъ, если внутренность помѣщенія была не изящна, за то передъ нашими глазами простирался великолѣпный пейзажъ. Подъ нашими ногами извивался Огоуэ, который, какъ по волшебству, появлялся изъ знаменитыхъ воротъ Оканды, и послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойнаго теченія образовалъ новые и страшные пороги, ревъ которыхъ доносился до насъ. Направо, въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ возвышалась гора Оеко, а передъ нами простирался на необозримое пространство веселые луга Оканды, ограниченные лишь высокими горами Банги, служившими убѣжищемъ людоѣдамъ осіеба.

Въ толпѣ черныхъ, прибѣжавшихъ посмотреть на насъ, было нѣсколько человѣкъ изъ племени бангуэновъ. Одинъ изъ ихъ начальниковъ, говорившій по мпонгвейски, казался очень умнымъ; его жена подарила намъ бананы и медъ, а самъ онъ настоятельно просилъ насъ посѣтить его родину, находящуюся на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы отъ Лопеца. Такимъ образомъ онъ предупреждалъ наши желанія, потому что мы очень хотѣли познакомиться съ какимъ-нибудь народомъ, имя котораго до сихъ поръ неизвѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться расположеніемъ всѣхъ, окружавшихъ насъ племенъ. Мой товарищъ по путешествію обѣщалъ бангуэнамъ въ скоромъ времени побывать у нихъ. Окандійцы, услышавъ объ этомъ, немедленно созвали сходку, на которой съ важностію рѣшили, что-мы не пойдёмъ въ страну бангуэновъ. Они торжественно сообщили намъ о своемъ рѣшеніи, объявивъ, что не желаютъ нашего путешествія потому, что бангуэны аноме'мбе ¹⁾; мы просили созвать другую сходку, такъ какъ обѣщали передать имъ нѣчто важное. Мы отправились, вооруженные съ ногъ до головы, въ большихъ войлочныхъ шляпахъ, украшенныхъ золотымъ галуномъ и большими блестящими камнями. «Окандійцы,

¹⁾ Дурные люди.

сказали мы, вы еще не знаете бѣлыхъ; бѣлые добры и могущественны (м'біани м'полю): какъ добрые, они вамъ ничего, кромѣ хорошаго, не сдѣлаютъ; какъ могущественные, они повелѣваютъ, и никому не подчиняются. Мы хотимъ идти къ бангуэнамъ и пойдѣмъ къ нимъ. Если вы вздумаете помѣшать намъ, то мы употребимъ въ дѣло наше оружіе, съ которымъ вы хорошо знакомы». Эта олимпійская рѣчь устращивала обандійцевъ; они столпились вокругъ насъ и въ самыхъ уничижительныхъ выраженіяхъ говорили, что мы замѣняемъ отца и мать для нихъ; и что всѣ наши поступки благодѣтельны, что они сами проводятъ насъ къ бангуэнамъ и перенесутъ наши вещи, которыя мы захотимъ взять съ собою. На слѣдующее утро Маршъ отправился въ страну бангуэнь въ сопровожденіи Шико и пяти окандійцевъ, подѣ начальствомъ нѣкоего Орега. Орега, прибывъ туда, хотѣлъ потребовать съ бангуэны подарка за то, что онъ посовѣтовалъ бѣлымъ прійти къ нимъ и самъ привелъ ихъ, но бангуэны, не знавшіе ничего о происшедшемъ наканунѣ, посмѣялись надъ нимъ.

Бангуэны, очевидно принадлежатъ къ большой семьѣ народовъ бакалейцевъ, языкомъ которыхъ они говорятъ, съ немногими измѣненіями; они составляютъ большое племя, земли котораго начинаются въ трехъ съ половиной лье къ востоку отъ Лопеца и безъ сомнѣнія простираются очень далеко внутрь страны. Прибытіе бѣлаго было для бангуэнь важнымъ событіемъ; многіе изъ нихъ, предупрежденные объ этомъ за два или за три дня, приходили изъ за пятнадцати лье, единственно съ цѣлію посмотрѣть на него; онъ былъ принятъ весьма радушно, и этотъ первобытный народъ устроилъ въ честь его неистовый плясъ. Впрочемъ это выраженіе ихъ радости было для него весьма стѣснительно; подобно консулу Дулію, сопровождаемому своимъ флейтистомъ, за нимъ постоянно слѣдовало около трехъ сотъ человѣкъ, не оставляя его ни на минуту. Съ наступленіемъ ночи онъ нашелъ въ назначенной для него хижинѣ двадцать женщинъ, которыя не хотѣли уходить и преспокойно усѣлись вокругъ его бамбуковой кровати. Въ продолженіи ночи эта толпа увеличивалась и, при его пробужденіи, тридцать или сорокъ женщинъ пожелали ему съ утонченной вѣжливостью добраго утра по мпюнгвейски: *Мболо тангани*. Старый предводитель обѣщалъ ему продать козу и въ продолженіи двухъ дней подѣ различными предлогами его заставляли ожи-

дать съ часу на часъ эту козу, съ цѣлю удержать его подольше въ деревнѣ и показать всѣмъ любопытнымъ, приходившимъ извнутри страны полюбоваться замѣчательнымъ феноменомъ. Наконецъ Маршъ вышелъ изъ себя: онъ объявилъ предводителю, что надъ нимъ смѣются, и онъ сейчасъ же уѣдетъ и никогда больше не пріѣдетъ къ нимъ. Тогда предводитель съ супругою и всѣ присутствующіе бросились передъ нимъ на колѣни, умоляя не сердиться на нихъ; они тотчасъ же побѣжали за большой, спрятанной не вдалекѣ, козою. Маршъ хорошо заплатилъ за нее и расстался самымъ дружескимъ образомъ. Но онъ былъ очень утомленъ; маленькая рѣчка Лопецъ, которую онъ перешелъ въ бродъ почти не замочивъ ногъ, теперь вздулась отъ дождя, лившаго наканунѣ, такъ что вода доходила ему до горла и онъ чуть было не утонулъ. Онъ вернулся съ сильной лихорадкою.

Въ концѣ концовъ онъ остался доволенъ бангуэнами. Путешественникъ могъ легко найти у нихъ проводниковъ и носильщицъ, точно также какъ у бакалейцевъ, живущихъ у озера Исанга. Они повидимому миролюбивѣе и не такъ грубы какъ береговые бакалейцы, за то у нихъ нѣтъ ни той промышленности, ни тѣхъ торговыхъ способностей. Подобно окандійцамъ они большіе охотники до соли и мѣдныхъ колецъ. Они порядочные охотники и собираютъ каучукъ; поэтому они были очень огорчены, узнавъ, что Маршъ не покупаетъ этотъ продуктъ. У нихъ также много меда; улья устроены въ большихъ выдолбленныхъ колодахъ длиною около метра, которыя они привѣшиваютъ къ верхушкамъ банановъ или на деревьяхъ, сосѣднихъ съ плантаціями; они готовятъ изъ воска лепешки вѣсомъ въ три или четыре фунта каждая, которыя продаютъ галлуасамъ и иненга за нѣсколько листьевъ табаку и нѣсколько щепотокъ соли. У бангуэнь, какъ и слѣдовало ожидать, развито многоженство; но первая или главная жена въ каждой семьѣ имѣетъ значительную власть надъ остальными женами. Эти женщины, вообще, весьма безобразны; ихъ кожа грязно-желтаго цвѣта, а тѣло, особенно на груди и животѣ, покрыто отвратительною и очень сложною татуировкою, производимой вздутіями кожи, окрашенными голубымъ цвѣтомъ. За то женщины бангуэнь обладаютъ геркулесовскою силою и таскаютъ по цѣлымъ днямъ огромныя тяжести. Дома въ деревняхъ бангуэнь, подобно тому какъ у

бакалейцевъ, вытянуты въ одну линію и построены изъ коры. Доступъ въ деревню защищенъ укрѣпленіями вродѣ тѣхъ, которыя мы описывали въ Н'Госко. Исключая времени войны, бангуэны предпочитаютъ жить на своихъ плантаціяхъ или располагаются лагеремъ на равнинѣ, какъ напр. послѣ удачной охоты на слона или даже быка. Въ подобномъ случаѣ, они строятъ на самомъ мѣстѣ охоты шалаши изъ листьевъ, называемые олакось, и живутъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не обгложутъ послѣднюю кость убитаго звѣря.

Черезъ два дня по возвращеніи Марша была большая сходка въ стоянкѣ галлуасовъ. Наканунѣ мы видѣли подъ окнами нашей хижины невольника очень большаго роста, купленнаго у окандійцевъ племянникомъ Реноке; ему заткнули ротъ, вѣроятно для того, чтобы мы не слышали его криковъ, и грубо толкали по дорогѣ въ лагерь иненга. Когда онъ пришелъ туда, ему, по обычаю, вставили ногу въ большой деревянный обрубокъ и заставили лечь въ назначенной для него хижинѣ. Всю ночь была страшная гроза; галлуасы и иненга промокли до костей въ своихъ шалашахъ изъ листьевъ и по обыкновению трепетали все время, пока гремѣлъ громъ. Несчастный невольникъ воспользовался всеобщимъ смятеніемъ и оцѣпенѣніемъ; онъ доползъ до хижины Реноке, утащилъ, висѣвшую тамъ, большую сѣкиру, которую замѣтилъ мимоходомъ, разрубилъ свою колоду и убѣжалъ, унося съ собой сѣкиру Реноке и разныя вещи, принадлежавшія его хозяину. Было пять часовъ утра, и только что начало разсвѣтать, когда замѣтили его исчезновеніе; въ ту же минуту галлуасы и иненга были на ногахъ. Вскорѣ начался такой концертъ брани и проклятій, поднялась такая тревога, что мы поспѣшно вскочили, загородивъ дверь въ комнату, хватаясь за ружья и приготовляясь энергически защищать нашу хижину, на которую несомнѣнно ожидали нападенія. Пришедшій Шико вывелъ насъ изъ заблужденія и разсказалъ въ чемъ дѣло. Нѣсколько минутъ спустя, двадцать вооруженныхъ иненга организовали настоящую охоту на человѣка, направляясь по слѣдамъ бѣглеца и обшаривая все кусты. Къ нашему большому удовольствію, они ничего не нашли и возвратились ночью совершенно пристыженные; мы не стѣснялись въ насмѣшкахъ, говоря имъ, что этотъ невольникъ умнѣе всехъ галлуасовъ и иненга вмѣстѣ взятыхъ; наши шутки не мало способствовали ихъ отчаянію. На слѣ-

дующее утро, король Реноке произнесъ торжественное проклятіе, которое должно причинить смерть всякому окандійцу съ его женою и дѣтьми, знавшему мѣстопребываніе бѣглеца и не выдававшему его. Однако прошло два дня, а о невольникѣ не было ни слуху, ни духу. Тогда Реноке созвалъ всѣхъ окандійцевъ на большую сходку, на которой разсуждали три дня и три noci; наконецъ было рѣшено заставить окандійцевъ, не хотѣвшихъ или не могшихъ выдать спасагося невольника, заплатить вмѣсто него женщину съ груднымъ ребенкомъ, козу, десять куръ и двѣнадцать мѣръ банановъ.

Эти галлуасы и иненга причинили намъ много хлопотъ и непріятностей. Мы обѣщали кормить ихъ во время ихъ пребыванія въ Лопецѣ, гдѣ, какъ мы предполагали, они не останутся дольше пяти или десяти дней. Они еще считались у насъ въ услуженіи и мы выдавали имъ по десяти банановъ въ день на человѣка; это было не очень обременительно, потому что бангуэны и окандійцы приносили намъ множество банановъ за щепотку соли, а у насъ оставалось въ боченкѣ еще триста фунтовъ соли, перевезенной, правда, съ большими издержками; но наши проводники воспользовались тѣмъ, что мы не давали имъ умереть съ голоду, оставались въ Лопецѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ старались учинить намъ какую нибудь гадость. Мы выбрали себѣ свиту изъ лучшихъ между ними; она состояла изъ табонскаго толмача, Павла, маленькаго горбатаго бакалейца Цингэ и наконецъ одного иненга, по имени Сина. Павелъ былъ преоригинальный толмачъ, потому что, не смотря на свое французское имя, онъ не зналъ ни слова на нашемъ языкѣ; но онъ смотрѣлъ очень серьезно на свою спеціальность и отказывался отъ всякой службы, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ находится здѣсь единственно для перевода нашихъ словъ. Онъ ужъ давно обкрадывалъ насъ, но намъ не удавалось никакъ поймать его; наконецъ онъ сразу укралъ четыре боченка пороха, два флакона *императорской лавандовой воды* ¹⁾ и множество бусъ; онъ хотѣлъ за всѣ эти вещи купить одну козу, но мы поймали его на мѣстѣ преступленія. Маршъ уже схватилъ кассинго (жилу гиппопотама), чтобы хорошенько проучить

¹⁾ Этотъ ужасный напитокъ очень нравится чернымъ, и уничтожается въ большихъ количествахъ береговыми жителями.

его, на что онъ имѣлъ полное право но у вора были хорошія ноги и онъ убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ и оставался до отъѣзда иненга. Цингэ былъ нашъ любимецъ и внушалъ къ себѣ большое довѣріе, такъ какъ былъ весьма обходителенъ и кромѣ того мы были очень благодарны ему за то, что онъ не оставилъ насъ во время большаго возстанія Териче. Цингэ безъ сомнѣнія хотѣлъ имѣть что нибудь въ знакъ памяти о насъ, потому что наполнилъ свой маленькій дорожный сундучекъ ножами, бусами, матеріями и другими вещами, взятыми у насъ. Сина былъ самъ по себѣ прелеобразный негръ и особенно потому, что у него не было ушей. Онъ лишился ихъ по жалобѣ мужа, *несправедливо* оскорбленнаго имъ, и уши были торжественно обрѣзаны у него до самаго корня. Впрочемъ, наружность у него была юношеская и характеръ очень веселый; онъ опредѣлился помощникомъ къ Шико, съ цѣлюю всегда бывать въ нашей хижинѣ. Сина воровалъ у насъ подобно остальнымъ и былъ столь же ловокъ въ этомъ дѣлѣ. Къ несчастью для него, онъ утащилъ у насъ однажды полфунта англійскаго пороку, который тотчасъ же продалъ одному окандійцу; этотъ послѣдній привыкъ къ простому пороку и, не видя въ нашемъ ничего особеннаго, всыпалъ его двѣ полныя горсти въ свое ружье; ружье конечно разлетѣлось въ куски, окандіецъ былъ страшно израненъ, и воровство Сина обнаружилось. Не смотря на нашъ внимательный присмотръ, каждый день что нибудь пропадало. Впрочемъ все это были еще пустяки; галуасы и иненга, не будучи въ состояніи силою заставить насъ вернуться съ ними, прибѣгали къ всевозможнымъ хитростямъ съ цѣлюю помѣшать окандійцамъ провожать насъ внутрь страны; они подъ большимъ секретомъ объявляли намъ о заговорахъ окандійцевъ на нашу жизнь; то описывали насъ окандійцамъ какъ людей добрыхъ и мирныхъ съ виду, но свирѣпыхъ въ минуту гнѣва и очень лакомыхъ до мяса негровъ. Странно, что это страшное обвиненіе, предметомъ котораго былъ уже когда-то господинъ Дюшалью, имѣло успѣхъ въ странѣ. Большая часть негровъ экваторіальной Африки увѣрена, что поту (такъ называютъ они португальскихъ неготорговцевъ) покупаютъ невольниковъ съ единственною цѣлюю откармливать ихъ и ѣсть; сами бѣдные невольники искренно убѣждены въ этомъ и, когда увидятъ бѣлыхъ, думаютъ, что настала ихъ послѣдній часъ.

Кромѣ того, галлуасы и иненга твердили имъ, что на нихъ обрушатся всякія несчастія, если они предпримутъ путешествіе съ нами. Ренке, которымъ до сихъ поръ мы не могли нахвалиться, сдѣлался, благодаря подстреканіямъ своихъ племянниковъ, душою всѣхъ этихъ злоумышленій; онъ постоянно собиралъ сходки, въ которыхъ принимали участіе всѣ окандійцы. Когда мы присутствовали на ихъ совѣщаніи, или проходили по близости, этотъ старый лицомѣръ громко кричалъ: «*Ave ni тамани біамбіе, біамбіе* (обходитесь съ бѣлыми хорошо, хорошо!)! *Кенд' аве утангани, дава, дава*» (Идите съ бѣлыми далеко, далеко!); но лишь только мы удалялись, онъ запрещалъ окандійцамъ провожать насъ внутрь страны подъ опасеніемъ потерять дружбу галлуасовъ и иненга и подъ страхомъ быть жертвами страшнаго колдовства, которое погубитъ ихъ женъ и дѣтей. Впрочемъ мы были подробно извѣщаемы Шико объ ихъ козняхъ, и часто сами окандійцы тайно предупреждали насъ обо всемъ происходившемъ.

Въ это самое время, я совершилъ поѣздку къ страшнымъ осіеба, откуда возвратился въ незавидномъ состояніи. Я откладываю рассказъ объ этой поѣздкѣ до слѣдующей главы, съ цѣлю подробнѣе поговорить объ этихъ людоѣдахъ и ихъ соплеменникахъ въ экваторіальной Африкѣ.

Наше пребываніе въ Лопецѣ само по себѣ не представляло ничего особенно невыносимаго; если-бы намъ не приходилось слѣдить, такъ сказать, день за днемъ, за ужасающими успѣхами въ нашихъ организмахъ малокровія и постояннаго истощенія силъ, то мы провели бы это время довольно сносно. Наша кладовая снабжалась въ изобиліи разными продуктами; каждый почти день намъ приносили куръ, банановъ и рыбы. Нерѣдко удавалось покупать черепаши яйца; но самихъ черепахъ намъ никогда не продавали; женщины окандійки; для которыхъ, какъ выше было замѣчено, всякое мясо и рыба представляютъ *рондагъ*, т. е. запрещенное кушанье, при всякомъ удобномъ случаѣ наѣдаются черепахами, которыя суть ни мясо, ни рыба. Черепахи довольно обыкновенны по Огоуэ, гдѣ онѣ кладутъ свои яйца на песчаныхъ отмеляхъ; здѣсь водятся два вида черепахъ, отличающихся только цвѣтомъ и крапинками на верхнемъ щитѣ ¹⁾.

¹⁾ Мы привезли г. Бувье нѣсколько экземпляровъ этихъ черепахъ, но между

Этотъ щитъ имѣетъ около метра въ окружности, а само животное вѣситъ отъ двадцати пяти до тридцати фунтовъ. Между рыбами, которыхъ намъ приносили, встрѣчалось много разныхъ видовъ электрическихъ рыбъ; эти послѣднія, представляющія большой интересъ для научной коллекціи, доставляютъ плохую пищу, потому что мясо ихъ, послѣ варки, превращается въ какой-то студенистый бульонъ. Однажды утромъ Шико съ торжествомъ прибѣжалъ сообщить намъ, что туземцы предлагаютъ купить дойную козу. Черные экваторіальной Африки пренебрегаютъ молокомъ, говоря, что оно уже надоѣло имъ въ младенчествѣ; но для насъ, не кормившихся, подобно имъ, грудью матери до двухъ съ половиною лѣтъ, оно не кажется такимъ приторнымъ, и потому мы немедленно купили Амальтею (такъ называли мы козу). Съ этого времени мы могли каждое утро выпивать чашку чая съ молокомъ, подслащеннымъ медомъ; у насъ было немного зеленого чая, подареннаго г. Валькеромъ. Съ окандійцами мы всегда были друзьями; этимъ бѣднякамъ даже Шико казался важнымъ господиномъ; онъ отлично понималъ это, заставлялъ ихъ прислуживать себѣ и принималъ такой побѣдоносный видъ, что можно было умереть со смѣху, глядя на него. По утрамъ Маршъ обыкновенно устраивалъ торги; онъ усаживался передъ нашей хижиною подъ большимъ зонтикомъ, съ правой стороны стоялъ у него котелъ, наполненный солью, а съ лѣвой—ящикъ съ разными бусами, которыя онъ отмѣривалъ наперсткомъ, затѣмъ мѣдные листы и нѣкоторыя матеріи. Окандійцы и бангуэны собирались со всѣхъ сторонъ, принося кто курицу, кто рыбу, кто медъ или корень ямсъ. Въ девять часовъ торговля прекращалась. Чернымъ никогда не позволяли взмѣнять назначенной имъ платы, а тѣхъ, которые отказывались отъ предлагаемыхъ имъ въ обмѣнъ бусъ и соли, безцеремонно прогоняли. Страсть здѣшнихъ негровъ къ соли замѣчательна. Почти ежедневно къ намъ приходили бенгуэнскія женщины изъ своихъ деревень, изъ за четырехъ или пяти миль разстоянія, неся на головахъ отъ восьмидесяти до ста фунтовъ банановъ. Все это онѣ отдавали за одну или двѣ щепотки соли, которую тутъ-же съѣдали; затѣмъ пускались въ обрат-

нми нѣтъ ни одной взрослой, потому что мы имѣли возможность доставать лишь такихъ, которыя, по молодости, не годились въ пищу.

ный путь съ видомъ гастрономовъ, тонко пообѣдавшихъ. Однажды женщина оканда принесла для продажи слоновый клыкъ. Я былъ дома одинъ и притомъ болѣнъ; я просилъ женщину подождать возвращенія Марша, бывшаго на охотѣ. Желая поощрить ея терпѣнiе, я велѣлъ поставить передъ нею котель съ солью. Она тотчасъ принялась за работу и не переставала ѣсть въ продолженіи полутора часа. По временамъ она бросала на меня безпокойныя взгляды, опасаясь, чтобы у нея не отняли лакомства; но я, для курьеза, предоставилъ ей полную волю. Пока вернулся Маршъ, она съѣла не менѣе полутора фунта соли. Женщины оканда чрезвычайно любятъ бусы; нѣкоторыя франтики носятъ ихъ по нѣскольку фунтовъ на шеѣ. Мужчины безпрестанно выпрашиваютъ ромъ; однако, предлагая имъ этотъ напитокъ, мы всегда болѣе чѣмъ на-половину разбавляли водою; негры не замѣчали этого по той простой причинѣ, что никогда не пробовали неразбавленнаго рома. Мы ходили на охоту каждый день, когда насъ не трясла лихорадка. Къ сожалѣнію, кромѣ дикихъ быковъ, въ Лопецъ рѣдко можно встрѣтить другого звѣря; кромѣ того, послѣ страшнаго проливнаго дождя, промочившаго всѣ наши вещи, патроны давали осѣчки, что было весьма неприятно и нерѣдко опасно. Слѣдующій случай подтвердитъ мои слова. Однажды я замѣтилъ сотню бѣлыхъ чепуръ на деревьяхъ одного небольшого лѣска, находившагося невдалекѣ отъ нашей хижины. Поэтому я заключилъ, что въ лѣсу было стадо дикихъ быковъ. Такое заключеніе съ перваго взгляда можетъ показаться неосновательнымъ, между тѣмъ оно вполне логично. Дикіе быки Оканды, какъ и большая часть ихъ родичей въ другихъ странахъ, изобилуютъ разнаго рода паразитами, изъ которыхъ самыя зловредныя гигантскіе клещи или лѣсныя вши зеленаго и краснаго цвѣта. Положеніе бѣдныхъ быковъ было-бы невыносимо, если-бы природа не послала имъ на помощь два или три вида птицъ, которыя постоянно сопровождаютъ ихъ и занимаются истребленіемъ ихъ враговъ. Поэтому въ Окандѣ при стадѣ быковъ всегда встрѣчаются стаи *бычачьихъ уколовъ* ¹⁾ и особенно чепуръ. За-

¹⁾ Эти бычачьи уколы отличаются отъ встрѣчающихся въ Сенегалѣ; они цвѣта желтаго или чернаго, величиною съ скворца. Я полагаю, что эта птица до сихъ поръ не извѣстна натуралистамъ, но, къ сожалѣнію, намъ не удалось приобрѣсти ни одного экземпляра.

мѣчательная бѣлизна оперенія чепуръ позволяетъ видѣть ихъ на значительномъ разстояніи; если мы хотѣли узнать о присутствіи быковъ въ густой чащѣ высокой луговой травы, то всегда отыскивали мѣста, надъ которыми летали чепуры, зная, что быки непременно должны быть гдѣ нибудь по близости.

Вотъ почему, замѣтивъ этихъ птицъ на деревьяхъ лѣса, я почти навѣрно могъ сказать, что быки укрывались тамъ-же отъ солнечнаго зноя. Въ это утро я вышелъ съ цѣлю убить одинъ маленькій видъ перепела, который мнѣ очень хотѣлось имѣть, и со мною, конечно, не было другого ружья, кромѣ охотничьяго. Я зарядилъ его патрономъ съ разрывной пулею, единственнымъ, оказавшимся въ моемъ ягташѣ, и пробрался въ лѣсъ по тропинкѣ, протоптанной самими быками среди густаго кустарника. Черезъ нѣсколько минутъ я очутился передъ стадомъ быковъ, и не болѣе какъ въ четырехъ шагахъ передо мною замѣтилъ огромнаго быка, который проходилъ мимо, не подозрѣвая моего присутствія. Приложиться и выстрѣлить было для меня дѣломъ одной секунды; но, на мою бѣду, ружье осѣклось. Въ это мгновеніе другой большой быкъ выставилъ голову изъ за вѣтвей, въ двухъ шагахъ отъ меня.—Я былъ до такой степени раздраженъ, что, не подумавъ о послѣдствіяхъ, выстрѣлилъ по немъ изъ втораго дула, заряженнаго заячьей дробью. Бѣдный быкъ убѣжалъ съ мычаніемъ; но остальное стадо, разъяренное громомъ выстрѣловъ, вдругъ собралось въ шестидесяти метрахъ отъ меня; затѣмъ бросилось на меня по тропинкѣ, на которой я стоялъ. Я былъ безоруженъ, а большія деревья мѣшали мнѣ бѣжать въ ту или другую сторону. И вотъ я растянулся на землѣ и ожидалъ въ теченіи двухъ секундъ испробовать на своей спинѣ тяжесть двадцати быковъ, несущихся со всѣхъ ногъ; но вдругъ, по какому-то случаю, передовой быкъ, почти уже касавшійся меня, круто повернулъ; слѣдовавшіе за нимъ сдѣлали то же самое и, ломая все на пути, скрылись въ чащѣ лѣса. На этотъ разъ я счастливо отдѣлался. Но съ этого времени я удерживался стрѣлять по стаду быковъ, не имѣя двухъ надежныхъ пуль въ ружьѣ.

Въ началѣ февраля бангуэнцы объявили намъ, что убили одного дикаго быка (*niare*) и спросили, не купимъ-ли мы часть мяса за соль. Мы съ удовольствіемъ приняли ихъ предложеніе, обѣщая

двѣ щепотки соли за заднюю ногу животнаго; на другой день утромъ они принесли заднюю ногу къ намъ хижину. Къ нашей большой досадѣ, она оказалась въ состояніи полного разложенія: черви падали со всѣхъ сторонъ и въ теченіи двухъ дней заражали нашу комнату; мы съ негодованіемъ выгнали негровъ. Впрочемъ это мясо не пропало, потому что галлуасы тотчасъ же купили его. Мы объяснили бангуэнцамъ, что когда они убьютъ быка и пожелаютъ получить хорошую плату, то пусть немедленно извѣстятъ насъ о томъ, и не снимаютъ шкуры безъ насъ. Намъ, дѣйствительно, хотѣлось имѣть экземпляръ этого животнаго, представлявшаго большой интересъ съ точки зрѣнія естественно-исторической. Четыре дня спустя, бангуэнцы опять извѣстили насъ, что два часа тому назадъ убили другого дикаго быка, и, слѣдуя нашему совѣту, ожидаютъ нашего прихода для снятія шкуры. Маршъ тотчасъ же отправился въ сопровожденіи Шико, котораго выучилъ препарировать большихъ животныхъ.—Быкъ, положимъ, оказался коровою, но тѣмъ не менѣе Маршъ принялся за дѣло и имѣлъ терпѣніе проработать надъ животнымъ цѣлый день. Онъ вернулся къ вечеру и принесъ голову, кожу, однимъ словомъ—все необходимое для возстановленія звѣря въ его первоначальномъ видѣ; кромѣ того, онъ принесъ, что было гораздо практичнѣе въ данномъ случаѣ, два куска мяса, вырѣзанные изъ лучшихъ частей убитой жертвы, и никогда еще мясо коровы не съѣдалось съ такимъ аппетитомъ.

Тринадцатаго февраля мы совершили не маловажное дѣло: выведенные изъ терпѣнія выходками Реноке и его подчиненныхъ, мы прекратили имъ выдачу съѣстныхъ припасовъ и рѣшили не выдавать ни одного банана, хотя бы они умирали съ голоду. Инента и галлуасы накупили слишкомъ двадцать невольниковъ, порядочное количество каучука и немного слоновой кости; остальные деньги они издержали съ женщинами оканда, и, не получая болѣе пищи отъ насъ, почувствовали голодъ въ своемъ лагерѣ; пришлось рѣшиться на отступленіе.

Реноке созвалъ послѣднюю и торжественную сходку, въ которой съ угрозами и проклятiями заклиналъ оканда не выпускать насъ изъ Лопеца, и на другой день, 15-го февраля, далъ сигналъ къ отъѣзду. Такъ какъ съ виду мы остались по-прежнему добрыми друзьями, то

простились съ нимъ и его подданными самымъ трогательнымъ образомъ. Впрочемъ, въ нашихъ сердцахъ такъ мало было злобы на этихъ людей, что мы расщедрились и заплатили въ Лопецѣ половину остальной, слѣдовавшей имъ платы, которую они должны были получить не раньше какъ по приѣздѣ въ Аданлинанланго. Эти деньги позволяли имъ запастись съѣстными припасами и даже покупать каучукъ на обратномъ пути. Мы оказали важную услугу, въ виду ихъ нищеты и значительной цѣнности товаровъ въ этой мѣстности. За нашу щедрость мы были вознаграждены, какъ всегда вознаграждаютъ негры въ этой странѣ. Мы дали имъ, конечно, письмо къ Сенклеру, прося его заплатить по одному піастру на человѣка вмѣсто двухъ, такъ какъ они уже получили здѣсь по одному. Приѣхавъ въ факторію, они уничтожили это письмо и потребовали полной уплаты. Мы должны еще быть счастливы тѣмъ, что они за одно не уничтожили пакета съ письмами въ Габонъ и Францію, который былъ порученъ имъ и заключалъ послѣднія извѣстія, давно ожидаемыя нашими семействами и друзьями.

Въ одиннадцать часовъ утра всѣ галлуасы и иненга были въ движеніи; они уѣхали съ пѣніемъ и музыкою. Избавиться отъ этихъ негодяевъ было большимъ облегченіемъ, но тѣмъ не менѣе Маршъ и я не могли преодолѣть нѣкотораго волненія, глядя съ вершины холма на пироги негровъ съ трехцвѣтными флагами, спускавшіяся по Огоуэ съ неимовѣрной быстротою и исчезавшія въ Воротахъ Оканды. Съ ними разрывалось послѣднее звено, связывавшее насъ если и не съ цивилизованнымъ міромъ, то по крайней мѣрѣ съ странами, черезъ которыя можно пройти въ этотъ міръ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

У людодовъ Озіеба.

Весьма многочисленное племя людодовъ.—Намъ необходимо пройти черезъ ихъ страну.—Мы рѣшаемся отправиться къ озіеба.—Затрудненіе найти проводника.—Мы заручаемся для этой цѣли однимъ контрабандистомъ оканда.—Я тайкомъ отправляюсь ночью съ изинга.—Двѣнадцать часовъ ходьбы босикомъ.—Озіеба принадлежать къ большой расѣ фановъ.—Я принять холодно.—Дурныя обстоятельства.—Я отдѣляюсь на этотъ разъ.—Мнѣ не подають на обѣдъ человѣческаго мяса.—Бурная ночь.—Люди, у которыхъ ничего нельзя купить.—Я считаю себя въ западнѣ.—Все хорошо, что кончается хорошо.—Страданія на обратномъ пути.—Докторъ Швейнфуртъ и людоды восточной Африки.—Ніамъ-ніамцы.—Многозначительное имя.—Тѣсное сродство съ пагуинцами.—Ихъ людодство торговля трупами и человѣческимъ жиромъ.—Сходство ихъ нравовъ съ пагуинцами.—Монбутту.—Ихъ жадность къ человѣческому мясу.—Превосходство нравственное и физическое людодовъ всей экваторіальной Африки надъ племенами не-людодами.—Особенныя качества монбутту.—Какимъ образомъ мое посѣщеніе Озіеба, по всей вѣроятности, спасло жизнь Марша и мою.

За нѣсколько дней до отъѣзда галлуасовъ, я, какъ о томъ выше упомянуто, совершилъ экспедицію къ озіеба. Я отложилъ рассказъ о нихъ до настоящей главы, чтобы имѣть возможность на свободѣ заняться описаніемъ этихъ людодовъ и кстати сказать нѣсколько словъ о монбутту и ніамъ-ніамцахъ, ихъ сотоварищахъ въ экваторіальной Африкѣ.

Правый берегъ Огоуэ, какъ безъ сомнѣнія помнитъ читатель, начиная съ страны Окота занять весьма многочисленными племенами людодовъ, которые, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нахлынули въ эти мѣста, подобно тому какъ пагуинцы заняли часть Габона, и, подобно послѣднимъ, вытѣснили изъ своего новаго мѣста жительства прежнихъ владѣльцевъ, съ которыми ведутъ ожесточенную войну. Намъ было извѣстно черезъ оканда, которымъ эти людоды, между прочимъ, внушаютъ ужасъ, что за рѣкою Офгоуэ, притокомъ, изливающимся въ Огоуэ, около пятнадцати миль выше Лопеца, озіеба занимаютъ оба берега рѣки Огоуэ, и, двигаясь внутрь страны, мы неизбежно должны, въ теченіи восьми или десяти дней, путешествовать по ихъ землямъ. При такихъ обстоятельствахъ, я условился съ Маршемъ посѣтить озіеба, ближайшихъ къ Лопецу; намъ очень хотѣлось изучить *de visu* этотъ народъ, котораго не удалось видѣть ни одному путешественнику и насчетъ котораго ходило множество баснословныхъ рассказовъ. Кромѣ того, мы считали весьма важнымъ для себя повидаться съ ними, сдѣлать имъ подарки и заручиться ихъ дружбою. До сихъ поръ мы представляли себѣ страну Оканда, которую по необходимости надо было пройти, какъ темное пятно въ нашемъ путешествіи, какъ мѣсто, съ котораго начнется гроза, способная уничтожить всѣ наши надежды на славныя открытія; поэтому хотѣлось сдѣлать всевозможное для предупрежденія этой грозы.—Къ сожалѣнію, намъ очень трудно было попасть въ страну Озіеба. Вообще, эти людоды не ведутъ съ оканда никакихъ другихъ дѣлъ, кромѣ *кулинарныхъ*, т. е. ѣдятъ ихъ, когда удастся поймать; поэтому приглашая оканда проводить насъ къ озіеба, мы производили на нихъ точно такое впечатлѣніе, какое произвелъ бы на бакалейнаго торговца улицы Сентъ-Дени какой-нибудь господинъ, вѣжливо предложившій ему сопутствовать ему въ клѣтку тигровъ въ Ботаническомъ саду. Тѣмъ не менѣе, однажды Шико указалъ мнѣ одного оканда, по имени Изинга, человѣка впрочемъ весьма невзрачнаго, который однако тайно велъ сношенія съ озіеба, продавалъ имъ хашишъ и разные съѣстные, любимые ими припасы. Мы, немедля, приказали позвать этого Изинга: онъ сперва горячо отвергалъ свои сношенія съ озіеба. «Озіеба ѣдятъ всѣхъ, сказалъ онъ, они съѣли-бы меня, какъ и другихъ, если-бы я пошелъ къ нимъ».—